

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УГОЛОВНОЙ
ЮСТИЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Монография

**Брест
2015**

УДК 343.2/.7; 343.1; 343.98
ББК 67.408.+67.5
П 78

Рекомендовано редакционно-издательским советом Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Авторы:

**В.В. Лосев, С.М. Храмов, О.В. Глухова,
А.И. Касьяник, Е.В. Романюк, М.А. Матюхевич**

Рецензенты:

председатель Брестского областного суда **Т.И. Сучок**
доктор философских наук, профессор **Б.М. Лепешко**
кандидат юридических наук, доцент **Т.А. Горупа**

Научный редактор:

кандидат юридических наук, доцент **В.В. Лосев**

П 78 **Проблемы** правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции: теоретический и практический аспекты: моногр. / В. В. Лосев [и др.] ; под науч. ред. В.В. Лосева. – Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2015. – 166 с.
ISBN 978-985-555-355-8.

В монографии представлены результаты научного исследования отдельных теоретических и практических аспектов правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции, а также рекомендации правоохранительным органам и судам по применению уголовно-правовых норм в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам юридических факультетов вузов, слушателям, проходящим переподготовку по специальности «Правоведение», судьям, сотрудникам правоохранительных органов и адвокатам.

УДК 343.2/.7; 343.98
ББК 67.408-67.5

ISBN 978-985-555-355-8

© УО «Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Методологические основы исследования правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции (<i>В.В. Лосев</i>)	6
Применение уголовного права судами и правоохранительными органами: общая характеристика (<i>В.В. Лосев</i>)	16
Соучастие и прикосновенность к преступлению в уголовном праве и законодательстве Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины (<i>О.В. Глухова</i>)	31
Разграничение выманивания кредита или субсидии и сходных составов преступлений (<i>А.И. Касьяник</i>)	53
Сравнительно-правовая характеристика криминализации преступлений против интересов службы в Республике Беларусь, Российской Федерации и Украине (<i>В.В. Лосев</i>)	73
Преступления против интересов службы: отдельные проблемные вопросы теории и практики правоприменения (<i>В.В. Лосев</i>)	86
Частные случаи квалификации превышения власти или служебных полномочий (<i>В.В. Лосев</i>)	119
Латентная преступность: теория и практика противодействия (<i>С.М. Храмов</i>)	132
Допрос подозреваемого и обвиняемого: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты (<i>Е.В. Романюк</i>)	142
Кассационная форма проверки судебных решений в уголовном процессе Республики Беларусь (<i>М.А. Матюхевич</i>)	150
Заключение	166

ВВЕДЕНИЕ

Коллективная монография подготовлена авторским коллективом кафедры уголовно-правовых дисциплин Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина» по результатам научно-исследовательской работы «Правоприменительная деятельность органов уголовной юстиции: теория, законодательство и практика».

Актуальность и значимость темы определяется важностью проблем борьбы с преступностью в обществе. Результаты противодействия преступности зависят от комплекса принимаемых общественно-политических, социальных и экономических мер, в том числе от правильного применения уголовного и уголовно-процессуального законов, а также законодательства о профилактике преступности. Вместе с тем нередко допускаемые в следственной и судебной практике ошибки препятствуют эффективной борьбе с преступностью. Неправильное понимание и ошибочное применение уголовного закона приводит в одних случаях к необоснованному расширению уголовной репрессии, в других позволяет виновным избежать уголовной ответственности. Ошибка на любой стадии правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции влечет нарушение принципа законности, ущемление прав человека, интересов общества и государства.

Тема борьбы с преступностью не новая, но по-прежнему актуальная, что определяется ее практической значимостью на современном этапе.

Во-первых, задача оптимизации правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции в аспектах совершенствования ее теоретической и законодательной основ, а также практики применения права поставлена на государственном уровне Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 г. № 575) и Концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 г. № 672).

Во-вторых, тема соответствует приоритетным научным направлениям в правовой науке и согласуется с Концепцией совершенствования законодательства Республики Беларусь (одобр. Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205), которая предполагает, в том числе совершенствование законодательства с учетом международно-правовых обязательств Республики Беларусь и опыта зарубежных государств, принцип научности нормотворческой деятельности, обеспечение согласованности республиканских нормативных правовых актов, совершенствование уголовно-процессуального законодательства путем пересмотра отдельных его институтов, в частности, введение апелляционного порядка обжалования приговоров судов вместо кассационного порядка. Тема соответствует

п. 11.4. Перечня приоритетных направлений научных исследований Республики Беларусь на 2011–2015 годы, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19.04.2010 г. № 585 (теоретические и прикладные основы эффективного функционирования национальной правовой системы в контексте приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь).

В-третьих, не все проблемы правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции Республики Беларусь достаточно разработаны на теоретическом уровне, наблюдается противоречивость в научных подходах и рекомендациях правоохранительным органам.

В-четвертых, по-прежнему распространены ошибки в следственной, прокурорской и судебной практике, обусловленные как недостатками законодательства, так и недостаточной теоретической разработанностью проблематики правоприменения, что снижает социальную и экономическую эффективность деятельности органов уголовной юстиции.

Тема широкая, охватить все, даже основные, проблемы (направления) невозможно. Поэтому акцент был сделан на тех проблемах, которые, по мнению авторского коллектива, представляют наибольшую актуальность и значимость для науки и практики.

Нормативной базой исследования темы НИР стали международно-правовые акты, законодательство зарубежных государств, нормативные правовые акты Республики Беларусь, в том числе кодексы, законы, Декреты и Указы Президента Республики Беларусь, заключения Конституционного Суда Республики Беларусь и постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Теоретической – труды белорусских и зарубежных ученых: монографии, научно-практические пособия, комментарии законодательства, учебники и учебные пособия, научные статьи. Эмпирическую базу исследования составила опубликованная юридическая практика, в том числе обобщения судебной практики, архивные материалы.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

Методология – это система методов, путей научного исследования. Центральный элемент методологии – метод. Метод – способ достижения цели, способ решения какой-либо конкретной задачи; метод – это определенным образом упорядоченная научная деятельность или совокупность принципов, правил, приемов, способов и средств научных исследований.

Юриспруденция как гуманитарная отрасль науки должна основываться на классических методологических принципах познания. К ним традиционно относят: а) принцип рационализма, т.е. признание того, что государственно-правовые явления могут быть познаны при помощи разума; б) принцип детерминизма, т.е. признание причинной обусловленности государственно-правовых событий; в) принцип объективной истины, т.е. признание возможности установить единственную, верифицируемую (поддающуюся проверке) истину; г) принцип верификации, т.е. проверки, эмпирического подтверждения теоретических положений юриспруденции путем сопоставления их с наблюдаемыми объектами, эксперимента; д) принцип историзма, который заключается в признании того, что государство и право – исторические феномены, что все государственно-правовые явления существуют во времени, т.е. возникают, изменяются, исчезают.

Методы теории права можно делить на четыре группы: а) общие методы; б) общенаучные методы; в) междисциплинарные методы; г) специальные методы.

Общие методы познания используются не только в науке, но и в повседневной жизни. Это: а) наблюдение; б) сравнение; в) счет; г) обобщение; д) дескрипция (описание).

Общенаучные методы применяются во всех науках. Это методы: а) диалектики; б) формальной логики; в) системного анализа.

Диалектический метод в юриспруденции предполагает объективное, всестороннее и конкретное определение государственно-правовых событий, выявление присущих им связей, наличие в них противоречий, оценку государственно-правовых норм с качественной и количественной стороны, выявление зависимости формы явления от его сущности. При изучении предметов и явлений диалектика рекомендует исходить из следующих принципов:

1. Рассматривать изучаемые объекты в свете диалектических законов: а) закона единства и борьбы противоположностей; б) закона перехода количественных изменений в качественные; в) закона отрицания отрицания.

2. Описывать, объяснять и прогнозировать изучаемые явления и процессы, опираясь на философские категории: а) общего, особенного и единичного; б) содержания и формы; в) сущности и явления; г) возможности и действительности; д) необходимого и случайного; е) причины и следствия.

3. Относиться к объекту исследования как к объективной реальности.

4. Рассматривать исследуемые предметы и явления: а) всесторонне; б) во всеобщей связи и взаимозависимости; в) в непрерывном изменении, развитии; г) конкретно-исторически.

5. Проверять полученные знания на практике.

В науке уголовного права преступление рассматривается в свете закона единства и борьбы противоположностей. Под диалектическими противоположностями понимаются такие стороны того или иного предмета (явления, процесса), которые одновременно взаимоисключают и взаимопредполагают друг друга. Отношение между противоположностями называется диалектическим противоречием.

Применительно к преступлению противоречие выражается в противоположности поведения лица требованиям норм уголовного права. Преступное поведение, причиняющее или способное причинить вред человеку, обществу и государству, и установленная государством уголовно-правовая норма – это две борющиеся противоположности, которые находятся в диалектическом единстве.

Поведение лица, не соблюдающего правила поведения, которые предусмотрены уголовным кодексом, и реагирование государства на это правонарушение можно рассмотреть в свете закона отрицания отрицания. Лицо, совершающее преступление, отрицает требования норм уголовного права. Государственное реагирование на преступление состоит в возбуждении уголовного дела, привлечении правонарушителя к уголовной ответственности и его наказании, т.е. в отрицании отрицания.

Конкретное преступление – это единичное, совокупность отдельных групп (видов) преступлений (к примеру, хищений имущества) – особенное, а вся преступность – общее.

Криминологами преступность рассматривается как объективное социальное явление в его взаимодействии с другими явлениями и процессами (в том числе антисоциальными, например, с пьянством, наркотизмом, бродяжничеством), в движении и изменении (изучается ее прошлое и настоящее, прогнозируется будущее).

Общенаучные методы можно объединить в три группы: а) общелогические методы; б) теоретические методы; в) эмпирические методы.

Общелогические методы: а) анализ; б) синтез; в) индукция; г) дедукция; д) аналогия.

Анализ – расчленение, разложение объекта исследования на составные части. Он лежит в основе аналитического метода исследования. Разновидностями анализа являются классификация и периодизация. Например, метод анализа используется для квалификации содеянного, когда состав преступления расчленяется на объект, объективную, субъективную стороны и субъект.

Синтез – это соединение отдельных сторон, частей объекта исследования в единое целое. Объединение юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения, в самостоятельную группу дает институт права (к примеру, институт соучастия в преступлении в уголовном праве).

Индукция – это движение мысли (познания) от фактов, отдельных случаев к общему положению. Индуктивные умозаключения «наводят» на мысль, на общее. Например, метод индукции используется в юриспруденции для установления причинных связей между явлениями, причинной связи между деянием и наступившими последствиями.

Дедукция – это выведение единичного, частного из какого-либо общего положения; движение мысли (познания) от общих утверждений к утверждениям об отдельных предметах или явлениях. Посредством дедуктивных умозаключений «выводят» определенную мысль из других мыслей. Дедуктивный метод используется в уголовном праве, когда выработанные общие правила квалификации применяются для квалификации конкретного преступления; в криминалистике, когда общие положения методики расследования отдельных видов преступлений применяют к расследованию конкретного преступления.

Аналогия – это способ получения знаний о предметах и явлениях на основании того, что они имеют сходство с другими; рассуждение, в котором из сходства изучаемых объектов в некоторых признаках делается заключение об их сходстве и в других признаках. При этом понимаем различие между аналогией как методом научного познания и применением права и закона по аналогии. В уголовном праве применение уголовного закона по аналогии прямо запрещено. Однако аналогия как метод познания в уголовно-правовой науке не только допустима, но и должна использоваться.

Методы теоретического уровня: а) аксиоматический; б) гипотетический; в) формализация; г) абстрагирование; д) обобщение;

е) восхождение от абстрактного к конкретному; ж) исторический метод; и) метод системного анализа.

Аксиоматический метод – способ исследования, который состоит в том, что некоторые утверждения (аксиомы, постулаты) принимаются без доказательств и затем по определенным логическим правилам из них выводятся остальные знания. Этот метод может быть использован, например, при исследовании субъективной стороны умышленного преступления. За аксиому принимается положение, согласно которому лицо, совершившее преступление, знало о существовании уголовно-правового запрета и осознавало общественную опасность своего деяния. Поэтому субъект преступления не может оправдываться незнанием закона, поскольку предполагается, что все должны знать опубликованный закон; незнание закона не освобождает от ответственности.

Гипотетический метод – способ исследования с помощью научной гипотезы, т.е. предположения о причине, которая вызывает данное следствие, или о существовании некоторого явления или предмета. Разновидностью этого метода является гипотетико-дедуктивный способ исследования, сущность которого состоит в создании системы дедуктивно-связанных между собой гипотез, из которых выводятся утверждения об эмпирических фактах. В структуру гипотетико-дедуктивного метода входит: а) выдвижение догадки (предположения) о причинах и закономерностях изучаемых явлений и предметов; б) отбор из множества догадок наиболее вероятной, правдоподобной; в) выведение из отобранного предположения (посылки) следствия (заключения) с помощью дедукции; г) экспериментальная проверка выведенных из гипотезы следствий. Гипотетический метод обязательно используется при конструировании норм права. Например, при криминализации какого-либо деяния и определении его понятия и признаков в Уголовном кодексе предполагается, что тем самым новая норма будет способствовать предупреждению таких деяний угрозой уголовного наказания.

Формализация – отображение явления или предмета в знаковой форме какого-либо искусственного языка (например, логики, математики, химии) и изучение этого явления или предмета путем операций с соответствующими знаками.

Абстрагирование – мысленное отвлечение от некоторых свойств и отношений изучаемого предмета и выделение интересующих исследователя свойств и отношений. Обычно при абстрагировании второстепенные свойства и связи исследуемого объекта отделяются от существенных свойств и связей. Виды абстрагирования: а) отождествление, т.е. выделение общих свойств и отношений изучаемых предметов, установление тождественного в них, абстрагирование от различий между ними, объединение

предметов в особый класс; б) изолирование, т.е. выделение некоторых свойств и отношений, которые рассматриваются как самостоятельные предметы исследования.

Примером абстрагирования может служить процесс образования юридических понятий. Эти понятия являются содержательными научными абстракциями. Они не отражают всех существенных свойств государственно-правовых явлений и содержат только те признаки, которые существенны в определенном отношении. К примеру, в Уголовном кодексе Республики Беларусь [1] понятие «убийство» включает такие существенные признаки, как умышленное противоправное лишение жизни другого человека (ч. 1 ст. 139 УК). Эти признаки позволяют отграничить убийство: от правомерного лишения жизни человека в состоянии необходимой обороны, по приговору суда, в бою и т.д.; от причинения смерти человеку по неосторожности; от причинения смерти себе, т.е. самоубийства; от причинения смерти животному.

Обобщение – установление общих свойств и отношений предметов и явлений; определение общего понятия, в котором отражены существенные, основные признаки предметов или явлений данного класса. Вместе с тем обобщение может выражаться в выделении не только существенных, но и любых других признаков предмета или явления. Этот метод научного исследования опирается на философские категории общего, особенного и единичного. Примером различной степени обобщения является деление объектов преступления в соответствии с различными подходами на четыре группы: а) общий; б) групповой, в) родовой и г) непосредственный или на три группы: а) общий; б) родовой и в) непосредственный.

Исторический метод заключается в выявлении исторических фактов и на этой основе в таком мысленном воссоздании исторического процесса, при котором раскрывается логика его движения. Он предполагает изучение возникновения и развития объектов исследования в хронологической последовательности. Примерами использования этого метода являются: а) изучение преступности в течение длительного времени с целью обнаружения ее свойств и тенденций; б) изучение истории развития уголовного законодательства в целом или отдельных норм, групп норм, институтов уголовного права.

Восхождение от абстрактного к конкретному как метод научного познания состоит в том, что исследователь вначале находит главную связь изучаемого предмета (явления), затем, прослеживая, как она видоизменяется в различных условиях, открывает новые связи и таким путем отображает во всей полноте его сущность. Использование этого метода, например, для изучения преступности предполагает наличие у исследователя теоретических знаний об общих свойствах преступности, ее причинах и

мерах борьбы с нею. Поскольку преступность постоянно изменяется, то нахождение ее новых связей, детерминант позволяет своевременно разработать превентивные меры.

Системный метод заключается в исследовании системы (т.е. определенной совокупности материальных или идеальных объектов), связей ее компонентов между собой и связей системы, ее компонентов с внешней средой. При этом выясняется, что эти взаимосвязи и взаимодействия приводят к возникновению новых свойств системы, которые отсутствуют у составляющих ее объектов. К примеру, этот метод широко используется в криминологии для изучения преступности. Преступность рассматривается, во-первых, как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих преступлений и лиц, их совершивших. В результате обнаруживаются такие ее свойства, которые отсутствуют у отдельных преступлений. Во-вторых, преступность исследуется в рамках таких более общих систем, как общество и негативные социальные отклонения.

Методы эмпирического уровня: а) наблюдение; б) описание; в) счет; г) измерение; д) сравнение; е) эксперимент; ж) моделирование.

Наблюдение – это способ познания, основанный на непосредственном восприятии свойств предметов и явлений при помощи органов чувств. В результате наблюдения исследователь получает знания о внешних свойствах и отношениях предметов и явлений. Как метод научного исследования наблюдение применяется, например, для сбора социологической информации в области права, в криминологических и криминалистических исследованиях. В криминологии применяется визуальное наблюдение за поведением людей, ситуацией, условиями, в которых осуществляется их деятельность. В зависимости от положения исследователя по отношению к объекту изучения различают: а) простое наблюдение (со стороны, когда исследователь – постороннее по отношению к объекту лицо, не являющееся участником деятельности наблюдаемых); б) включенное наблюдение (исследователь открыто или инкогнито включается в группу, ее деятельность в качестве участника).

Описание – это фиксация признаков исследуемого объекта, которые устанавливаются, например, путем наблюдения или измерения. Описание бывает: а) непосредственным, когда исследователь непосредственно воспринимает и указывает признаки объекта; б) опосредованным, когда исследователь отмечает признаки объекта, которые воспринимались другими лицами.

Счет – это определение количественных соотношений объектов исследования или параметров, характеризующих их свойства. Количественный метод широко применяется в юридической статистике, криминологии для изучения преступности и личности преступников. Юридическая стати-

стика изучает количественную сторону массовых и других юридически значимых явлений и процессов, т.е. их величину, степень распространенности, соотношение отдельных составных частей, изменение во времени и пространстве.

Измерение – это определение численного значения некоторой величины путем сравнения ее с эталоном. В криминалистике измерение применяется для определения: расстояния между предметами; скорости движения транспортных средств, человека или иных объектов; длительности тех или иных явлений и процессов; температуры, размера, веса и т.п.

Сравнение – это сопоставление признаков, присущих двум или нескольким объектам, установление различия между ними или нахождение в них общего. В научном исследовании этот метод применяется, например, для сравнения государственно-правовых институтов различных государств. Метод сравнительного государствоведения и правоведения – это способ исследования, который выражается в установлении общих (тождественных) или отличительных признаков сравниваемых сходных государственно-правовых явлений. Этот метод основывается на изучении, сопоставлении сходных объектов, выявлении общего и различного в них, достоинств и недостатков. Таким путем можно решать практические задачи совершенствования государственных институтов, законодательства Республики Беларусь и практики его применения.

В криминологии используются следующие разновидности сравнительного метода: а) метод сходства; б) метод различия; в) метод контрольной группы. При использовании метода сходства устанавливаются, в частности, повторяющиеся свойства преступности в разных государствах или в отдельных регионах государства либо повторяющиеся личностные характеристики преступников. При использовании метода различий определяются те характеристики преступности, которые встречаются в одних государствах, регионах и не обнаруживаются в других. Метод контрольной группы основан на сравнении результатов изучения основной (экспериментальной) и контрольной групп, которые уравнены по всем признакам, кроме изучаемого.

Эксперимент – это искусственное воспроизведение явления, процесса в заданных условиях, в ходе которого проверяется выдвигаемая гипотеза.

Моделирование – получение знаний об объекте исследования с помощью его заменителей – аналога, модели. Под моделью понимается мысленно представляемый или материально существующий аналог объекта. На основании сходства модели и моделируемого объекта выводы о ней по аналогии переносятся на этот объект. В теории моделирования различают следующие виды моделей: а) идеальные (мысленные, символические) модели, например, в виде рисунков, записей, знаков, математической интер-

претации; б) материальные (натурные, вещественные) модели, например, макеты, муляжи, предметы-аналоги для опытов при экспертизах. Метод моделирования применяется ученым-юристом в том случае, когда он в результате исследования предлагает включить в закон новую норму права или изменить содержание уже существующей. Любая норма права, регулирующая поведение людей, есть его формально-определенная модель, закрепленная в официальном акте. Моделирование помогает при поиске наиболее эффективных схем организации государственного аппарата, административно-территориального устройства и т.д.

Междисциплинарные методы применяются в нескольких близких по предметам исследования науках: а) культурологический метод; б) социологический метод; в) статистический метод.

Культурологический метод предполагает изучение права как неотъемлемой части социального регулирования вместе с моралью, этикой, религией, а государства – в его взаимодействии с другими социальными институтами, возникшими в ходе развития человеческой цивилизации (гражданское общество, политические партии и т.д.).

Социологический метод предполагает изучение права на базе конкретных социальных фактов. Он включает в себя анализ статистических данных и разнообразного вида документов, социально-правовой эксперимент, анкетирование и т.п.

Статистический метод используется для количественной характеристики предмета исследования, например, данных о количестве правонарушений, об удельном весе преступлений против собственности и т.п.

Специальные методы теоретико-правовой науки: а) формально-юридический метод; б) сравнительно-правовой метод.

Формально-юридический метод определяет исследование юридических фактов и юридических текстов, их толкование в логической последовательности с использованием специальных юридических терминов и конструкций. Данный метод допускает изучение права как такового, в «чистом виде», и при этом он не должен быть связан с политикой, экономикой, моралью или другими социальными событиями. При помощи этого метода формулируются категории и понятия юриспруденции, например, понятие преступления, понятие хищения и т.д.

Сравнительно-правовой метод предусматривает комплексное изучение правовой культуры в сопоставлении опыта различных стран и народов, выяснения традиций и новаций в развитии государственных и правовых институтов.

Работа ученого-юриста по исследованию теории и практики отдельных направлений и проблем правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции заключается в следующем: а) изучить законодатель-

ство; б) проанализировать теорию; в) изучить практику правоприменения; г) выявить проблемы в этих областях; д) предложить решение проблем.

Изучение законодательства проводится для выявления проблем нормативного закрепления запретов совершать общественно опасные деяния, проблем нормативного регулирования общественных отношений в сфере правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции, разрешение которых требует научного подхода. Включает: а) изучение действующего законодательства Республики Беларусь по проблеме; б) исторический анализ развития (генезиса) законодательства; в) сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и других стран.

Изучение действующего законодательства Республики Беларусь предполагает: а) установление нормативных источников по подлежащему исследованию вопросу; б) определение иерархии нормативных источников с учетом их юридической силы и соподчиненности (в соответствии со ст. 10 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [2]); в) изучение каждого нормативного правового акта в отдельности; г) сравнение текстов нормативных источников.

Исторический анализ развития (генезиса) законодательства проводится для более широкого взгляда на исследуемые проблемы, понимания логики законодателя на различных этапах с учетом государственно-политического устройства, выявления положительного и отрицательного в законодательстве в разное время. Позволяет оценить, что из опыта прошлого может быть использовано при дальнейшем изменении законодательства, а что – нет.

Сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и других стран проводится для того, чтобы выявить сходство и различия в законодательном регулировании определенной области общественных отношений, установлении законодательных запретов на совершение общественно опасных деяний, подходов к криминализации и декриминализации деяний. Позволяет сделать вывод о том, что из зарубежного законодательного опыта может быть использовано в Республике Беларусь, а что заимствовать не стоит.

Анализ теории предполагает обстоятельное изучение имеющихся теоретических источников. Проводится для того, чтобы выявить нерешенные в теории проблемы либо проблемы, которые, по мнению исследователя, решены некачественно, неполно, что требует продолжения теоретической разработки темы.

Изучение практики правоприменения проводится для того, чтобы выявить проблемы правоприменительной практики, разрешение которых требует научного подхода; иллюстрировать теоретические положения примерами из практики.

Таким образом, выявление проблем, разрешение которых требует научного подхода, проводится по направлениям: а) законодательство; б) теория; в) практика правоприменения.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 г. // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА СУДАМИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Применение уголовного права определяется как властная деятельность суда, а также государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, по реализации уголовно-правовых норм в отношении индивидуально-определенных лиц по фактам конкретных общественно опасных деяний.

В применении норм права возникает необходимость тогда, когда другие формы его реализации – соблюдение правовых норм, их исполнение и использование недостаточны для осуществления сторонами общественных отношений своих прав и обязанностей.

Правоприменительная деятельность обязательна всегда, когда имеются данные, указывающие на признаки правонарушения, и начинается она с получения информации об этом соответствующим государственным органом. В частности, в уголовном процессе одним из поводов к возбуждению уголовного дела может быть непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления (п. 5 ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [1]). Основанием к возбуждению уголовного дела служит наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу (п. 1 ст. 167 УПК).

Правоприменение следует рассматривать, с одной стороны, как процесс (деятельность), с другой – как результат этой деятельности. Применение норм уголовного права заключается не только в осуждении с применением наказания или иных мер уголовно-правового воздействия (это заключительный этап), но также включает процессуальный путь к реализации уголовной ответственности.

В научной литературе чаще оперируют понятием «применение норм уголовного права», в законодательстве – «применение уголовного закона». К примеру, в ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [2]: «применение уголовного закона по аналогии не допускается». В ст.ст. 388 и 392 УПК в качестве одного из оснований к отмене или изменению приговора в кассационном и надзорном порядке называется «неправильное применение уголовного закона».

Насколько соотносятся эти понятия? При ответе на этот вопрос следует учитывать, что УК является единственным уголовным законом, действующим на территории нашего государства, новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в Уголовный

кодекс Республики Беларусь (ч. 2 ст. 1 УК). Уголовный кодекс является основным источником уголовного права. Поэтому понятия «применение норм уголовного права» и «применение уголовного закона» имеют одинаковое содержание и могут использоваться как синонимы.

Правоприменение имеет ряд существенных признаков, характерных в том числе для применения норм уголовного права.

Во-первых, эта деятельность имеет государственно-властный характер, ее осуществляют только уполномоченные на то государственные органы и должностные лица. Обычные граждане (частные лица) не включаются в число субъектов применения уголовного права. В уголовном процессе субъектами правоприменения являются органы, ведущие уголовный процесс – это органы уголовного преследования и суд (ст. 6, главы 4 и 5 УПК). К государственным органам и должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, относятся орган дознания, лицо, производящее дознание, следователь, начальник следственного подразделения и прокурор.

Возникает вопрос – все ли названные органы, уполномоченные вести уголовный процесс, в полном объеме применяют нормы уголовного права? Традиционно в теории права выделяют три элемента в структуре юридической нормы – гипотезу, диспозицию и санкцию. В уголовном праве есть своя особенность. Как отмечает А.В. Барков, «статьи Особенной части УК называют преступление, раскрывают его признаки и указывают виды и размер наказания за данное преступление. Этим объясняется своеобразная структура норм Особенной части кодекса, которые состоят из двух частей: диспозиции и санкции» [3, с. 38].

Органы уголовного преследования применяют только часть уголовно-правовой нормы – ее диспозицию, соотнося признаки преступления, изложенные в диспозиции статьи Особенной части УК, с реальными обстоятельствами конкретного преступления и закрепляя эту квалификацию в соответствующем постановлении. И лишь суд при постановлении обвинительного приговора в полной мере применяет все элементы уголовно-правовой нормы – квалифицирует преступление в соответствии с диспозицией статьи и назначает за него наказание, применяя тем самым санкцию, закрепленную в этой статье. Суд может реализовать уголовную ответственность и в других формах, предусмотренных в Общей части УК. При этом осуждение с отсрочкой исполнения назначенного наказания, с условным неприменением назначенного наказания, без назначения наказания, а также с применением в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного характера (ст.ст. 46, 77–79, 117 УК) также зависит от квалификации содеянного и установленной санкции. В соответствии с санкцией статьи Особенной части УК определяется категория преступле-

ния – не представляющее большой общественной опасности, менее тяжкое, тяжкое или особо тяжкое преступление (ст. 12 УК).

Вторая характерная черта правоприменения – результатом такой властной деятельности является акт применения нормы права. Это официальный документ, содержащий индивидуальное предписание, которое имеет обязательное значение для разрешения конкретного случая. При необходимости решение государственного органа может быть реализовано и принудительным путем. Кроме того, в ряде случаев устанавливается ответственность за неисполнение акта применения норм права. Тем самым путем угрозы более строгого наказания обеспечивается надлежащее исполнение решения государственного органа (должностного лица).

В уголовном процессе акты применения норм уголовного права называются процессуальными решениями. Это выносимые правомочными государственными органами постановления, судами – приговоры, постановления и определения.

Неисполнение приговора суда влечет ответственность как за соответствующее преступление против правосудия – уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы или ареста (ст. 414 УК), в виде ограничения свободы (ст. 415 УК), в виде исправительных работ (ст. 416 УК). Преступлениями являются неисполнение приговора суда о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 417 УК), уклонение от уплаты штрафа (ст. 418 УК), уклонение от отбывания наказания в виде общественных работ (ст. 419 УК), воспрепятствование исполнению наказания в виде конфискации имущества (ст. 423 УК). Субъекты этих преступлений специальные – лица, осужденные к соответствующему виду уголовного наказания. Кроме того, ст. 423 УК предусматривает ответственность должностных лиц за неисполнение приговора, решения или иного судебного акта либо воспрепятствование их исполнению.

Третье характерное отличие применения норм права – эта деятельность должна осуществляться в строго определенном законодательством порядке. Чем более суровыми могут быть последствия для граждан, чем более строгими правоограничения, возникающие в результате издания акта, тем более четко и подробно должны быть регламентированы как процесс деятельности правоприменителя, так и формальные требования к самому акту правоприменения. Поскольку самую строгую юридическую ответственность предусматривают нормы уголовного права, наиболее формализованным и детализированным является уголовный процесс. Несоблюдение процессуальных норм может повлечь недействительность принятого в результате акта, в уголовном процессе – вплоть до оправдания.

В научной литературе обоснованно предлагается разграничивать процессуальную и информационную модели правоприменения [4, с. 11]. Процессуальная модель применения норм уголовного права отражает, по сути, стадии уголовного процесса – возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого, постановление приговора.

В теории права выделяют следующие стадии применения норм права, которые необходимо рассматривать как стадии информационной модели правоприменения: установление и анализ фактических обстоятельств дела; выбор правовой нормы, подлежащей применению к исследуемым фактическим обстоятельствам (процесс квалификации); принятие решения и издание акта применения нормы права (результат квалификации), а также доведение решения до заинтересованных лиц; реализация принятого акта [5, с. 366–371; 6, с. 261–263].

Первая стадия процесса применения норм уголовного права – установление и анализ фактических обстоятельств уголовного дела. Прежде всего, следует определить соотношение понятий «обстоятельства преступления» и «обстоятельства уголовного дела», которые нередко употребляются как синонимы, однако тождественными не являются. Обстоятельства уголовного дела – это только доказанные обстоятельства преступления. Если какие-то обстоятельства конкретного преступления не были доказаны, хотя фактически все-таки состоялись (произошли) в реальной действительности, мы не можем принимать их во внимание для целей уголовно-правовой квалификации. Как гласит ст. 356 УПК, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Поэтому понятие «обстоятельства преступления» – более широкое, чем понятие «обстоятельства уголовного дела». При юридической оценке конкретного преступления органы уголовного преследования и суд должны учитывать только обстоятельства уголовного дела, т.е. те факты и события, которые были установлены и надлежаще закреплены в процессуальных документах в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела.

В основе применения норм уголовного права лежит правильная квалификация преступления. По сути, вся правоприменительная деятельность органов уголовной юстиции, весь уголовный процесс, включающий названные выше стадии правоприменения, подчинен именно правильной уголовно-правовой оценке содеянного. Органы уголовного преследования и суд устанавливают обстоятельства конкретного преступления не вообще, а для правильного применения уголовного закона именно к этому преступлению. Грамотно выбрав уголовно-правовую норму, устанавливающую ответственность за конкретное преступление, суд назначает наказание в рамках санкции, что позволяет обеспечить справедливость уголовной ответственности и достижение ее целей.

Норма уголовного права и конкретное преступление соотносятся как общее и единичное. Общее понятие всегда представляет собой абстракцию. Уголовно-правовая норма не может содержать всю массу разнообразных признаков, характерных для каждого конкретного преступления. В уголовно-правовой норме выделяются и закрепляются только те признаки, которые, во-первых, вскрывают сущность явления, во-вторых, позволяют отграничить его от других явлений. По своему характеру это юридически значимые признаки.

Любое конкретное преступление как единичное явление обладает бесчисленным множеством разнообразных свойств и признаков. Эти признаки относятся не только к элементам состава преступления – его объекту и субъекту, объективной и субъективной сторонам преступления, но и к иным обстоятельствам, вообще не имеющим значения для правильного разрешения уголовного дела.

При расследовании преступления и рассмотрении уголовного дела в суде нет необходимости выяснять и доказывать все свойства и признаки преступления. Органы уголовного преследования и суд не должны стремиться достичь максимальной полноты описания единичного преступления. Правоприменителя при расследовании и разрешении уголовного дела должны интересовать лишь те признаки конкретного деяния, которые имеют уголовно-правовое, криминологическое, процессуальное или иное юридическое значение, позволяющее правильно применить закон. Совокупность этих признаков должна быть, с одной стороны, необходимой для принятия юридического решения, с другой – достаточной для этого.

Многие признаки конкретного преступления вообще никак не влияют на применение норм уголовного права, однако некоторые из них все же должны быть установлены и использованы при расследовании преступления (к примеру, для цели доказывания).

Применительно к конкретному преступлению можно выделить четыре категории признаков (от общего к частному): а) «все» признаки данного деяния; фактически же всю действительную совокупность признаков установить невозможно, так же как невозможно познать в полном объеме окружающую нас реальность; б) признаки, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела; в) признаки, имеющие уголовно-правовое значение; г) признаки, имеющие значение для квалификации преступления.

Применительно к первой стадии процесса применения уголовного закона следует отметить, что установление фактических обстоятельств совершенного преступления – это уголовно-процессуальная деятельность по его доказыванию, закрепляемая в соответствующих формах. Анализ фактических обстоятельств – мыслительный процесс. Однако в реальности

правоприменитель никогда не разделяет эти понятия – устанавливая обстоятельства, он анализирует их, а в результате анализа уже установленных фактов приходит к одному из двух умозаключений. Во-первых, это может быть вывод о неполноте собранных доказательств либо о необходимости их проверки путем получения дополнительных доказательств, тогда процесс установления и закрепления доказательств продолжается. Второй возможный вывод – о достаточности собранных доказательств для принятия юридического решения.

Установление фактических обстоятельств преступления включает собирание, проверку и оценку доказательств. Собирание доказательств производится в процессе разрешения заявлений и сообщений о преступлении, ускоренного производства, дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства путем производства различных уголовно-процессуальных действий (ст. 103 УПК).

Все доказательства подлежат всесторонней, полной и объективной проверке органами уголовного преследования и судом. Проверка доказательств состоит в их анализе, сопоставлении с другими доказательствами, в установлении их источников, получении других доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство (ст. 104 УПК).

Доказательства оцениваются с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности, а совокупность полученных доказательств – с точки зрения достаточности для окончания предварительного расследования и разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве. Доказательства, полученные с нарушением закона, признаются недопустимыми, они не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств преступления (ст. 105 УПК).

Установив, что же произошло в конкретном случае совершения преступления, для применения уголовного закона необходимо выделить только те его признаки, которые имеют юридическое значение для квалификации преступления. На практике при производстве предварительного расследования стоит перепроверить, еще раз оглядываясь назад, правильно ли были закреплены в материалах уголовного дела доказательства признаков, на которых правоприменитель собирает основывать свое умозаключение о квалификации преступления. Эта проверка своей предыдущей процессуальной деятельности нужна всегда. Но еще более важна она тогда, когда доказательства были получены другими должностными лицами (к примеру, в случаях передачи уголовного дела из органа дознания следователю либо от следователя к следователю).

В уголовном процессе правоприменитель оценивает, применяя норму уголовного права, не то, что произошло, а то, что доказано. Конечно же,

необходимо стремиться к тому, чтобы эти обстоятельства совпадали, т.е. чтобы происшедшее было доказано. При этом следует помнить, что недоказанные обстоятельства во внимание при квалификации не применяются.

Для правоприменительной деятельности суда необходимость проверки доказательств прямо закреплена в таком общем условии судебного разбирательства, как его непосредственность, что заключается в непосредственном исследовании судом всех представленных доказательств (ст. 286 УПК).

Важность и значение первой стадии правоприменения заключается в том, что установление и грамотный анализ фактических обстоятельств дела создает предпосылку правильного применения уголовного закона. Ошибки на первой стадии однозначно влекут неправильную квалификацию и, следовательно, нарушение принципа законности в процессе правоприменения.

Вторая стадия применения уголовного закона – выбор подлежащей применению уголовно-правовой нормы. Это и есть собственно квалификация преступления. Квалифицировать преступление – значит дать ему юридическую оценку, что подразумевает установление соответствия признаков конкретного преступления признакам нормы Особенной части УК. Вторая стадия включает установление подлинности текста правовой нормы, учет внесенных в нее изменений, толкование правовой нормы, проверку действия правовой нормы во времени, в пространстве и по кругу лиц, разрешение возможных коллизий между нормами, устранение пробелов в праве и т.д. Первая стадия – установление и анализ фактических обстоятельств дела создает предпосылку второй стадии – правильной квалификации преступления. Подробнее эта стадия будет исследована ниже.

Третья стадия применения уголовного закона – принятие решения и издание акта применения нормы права. В уголовном процессе это результат квалификации преступления, закрепленный в постановлении о возбуждении уголовного дела, постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и приговоре суда. В приговоре, помимо того, на основе правильной квалификации преступления применяется и санкция уголовно-правовой нормы.

Помимо указанных процессуальных документов, при наличии оснований, предусмотренных ст. 29 «Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу» УПК или ст. 30 «Прекращение производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности» УПК, результат квалификации может быть также закреплён в постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении предварительного расследования (уголовного преследования).

Принятие соответствующего юридического акта не включает результат процесса правоприменения. Поэтому четвертой стадией является реализация принятого акта. Акт правоприменения признается реализованным тогда, когда стороны – участники уголовного процесса полностью осуществили свои субъективные права и обязанности, а к виновному при установлении его вины в преступлении применены меры уголовной ответственности. Если такой результат не наступил, процесс правоприменения не может считаться завершенным. Реализация приговора суда, т.е. его исполнение, находится за пределами действия уголовного права, регулируется нормами уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. В УК устанавливается лишь ответственность за неисполнение приговора суда.

Уголовно-правовая квалификация является частным случаем юридической квалификации. Квалификация преступления охватывает вторую и третью стадии правоприменения: выбор правовой нормы, подлежащей применению к исследуемым фактическим обстоятельствам, а также принятие решения и издание акта применения нормы права.

Квалификацию преступления можно определить как установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного преступления и признаками состава конкретного преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. Квалификация преступления состоит в установлении соответствия конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Квалифицировать преступление – значит дать ему юридическую оценку, выбрать соответствующую уголовно-правовую норму, содержащую признаки этого преступления, что подразумевает установление соответствия признаков конкретного преступления признакам нормы Особенной части Уголовного кодекса (УК), при необходимости со ссылкой на статьи Общей части УК.

Тем самым квалификация преступления – это, прежде всего, процесс юридической оценки, выбор нормы уголовного права, предусматривающей рассматриваемое преступление, который приводит к результату – юридическому закреплению этого выбора в процессуальном акте (постановлении, приговоре).

Как уже отмечалось выше, правильная квалификация преступления невозможна без первой стадии процесса применения норм уголовного права – установления и анализа фактических обстоятельств уголовного дела.

Выбор и проверка подлежащей применению к исследуемым фактическим обстоятельствам нормы (не только уголовного права, но и других отраслей права, без чего иной раз невозможна правильная квалификация, к примеру, при бланкетном характере диспозиции) включает: установление подлинности текста правовой нормы, учет внесенных в нее измене-

ний, толкование правовой нормы, проверку действия правовой нормы во времени, в пространстве и по кругу лиц, разрешение возможных коллизий между нормами, устранение пробелов в праве и т.д. При этом необходимо руководствоваться общими правилами, изложенными в ст.ст. 66–72 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [7].

Предлагается следующий алгоритм процесса квалификации как составной части правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции по признакам правонарушения.

1. Прежде всего, необходимо определить, было ли совершено деяние – действие или бездействие, подпадающее под признаки какого-либо правонарушения. Если такое деяние в действительности не происходило (к примеру, информация о нем оказалась ложной), правоприменительная деятельность должна быть прекращена.

2. При установлении факта деяния следует оценить, должна ли за его совершение наступить юридическая ответственность (деяние является правонарушением) либо имеются определенные обстоятельства, исключающие его противоправный характер (когда деяние, внешне похожее на правонарушение, вместе с тем было правомерным – положительным либо нейтральным поведением, примером может быть причинение смерти или вреда здоровью в состоянии необходимой обороны).

3. Далее, когда будет установлено, что совершенное деяние образует правонарушение, необходимо решить, является оно проступком (определить при этом его характер – административный, дисциплинарный или гражданско-правовой) или преступлением. От верного разграничения зависит, какой государственный орган должен в последующем осуществлять правоприменительную деятельность по факту правонарушения и какими правилами должен при этом руководствоваться – уголовно-процессуальными, административно-процессуальными и т.д.

4. В уголовном процессе определить содеянное вообще как преступление недостаточно. Общественно опасное деяние следует правильно квалифицировать, т.е. дать ему точную юридическую оценку, что подразумевает полное установление признаков конкретного преступления признакам определенной уголовно-правовой нормы.

5. После этого решается вопрос, подлежит ли лицу применению мер уголовной ответственности либо нет. Не подлежит уголовной ответственности лицо тогда, когда имеются обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу (перечислены в ст. 29 УПК), а также когда производство по уголовному делу прекращается с освобождением лица от уголовной ответственности в порядке ст. 30 УПК. Вместе с тем

законное освобождение от уголовной ответственности основывается, прежде всего, на правильной квалификации содеянного.

Понятие квалификации преступления имеет два значения: квалификация как процесс установления признаков того или иного преступления в действиях лица и квалификация как результат такой деятельности органов уголовного преследования и суда.

При квалификации преступления должна быть указана соответствующая статья (пункт, часть статьи) Особенной части УК, предусматривающая данное преступление. В случаях неоконченной преступной деятельности и соучастия в преступлении – еще и статья (часть статьи) Общей части УК. При этом на статью Общей части УК следует ссылаться лишь в сочетании со статьей Особенной части УК.

Основываясь на разработанных В.Н. Кудрявцевым [8, с. 16–55] теоретических положениях о социальном и правовом значении правильной квалификации преступлений и ее методологических основах, применительно к современной правоприменительной деятельности уголовной юстиции Республики Беларусь можно отметить следующее.

Неукоснительное соблюдение принципа законности лежит в основе всей правоприменительной деятельности. Квалификация есть официальное признание факта определенного уголовно-правового отношения. Вместе с тем квалификация выступает как юридическая и социально-политическая оценка этого отношения. Правильная квалификация исключает необоснованное осуждение лица, действия которого не представляют общественной опасности и не являются противоправными, и создает правовые предпосылки для наказания действительного преступника.

Правовые последствия квалификации разнообразны. Самое существенное из них – это применение наказания, предусмотренного статьей УК, по которой квалифицировано данное преступление. Поскольку уголовный закон устанавливает те меры воздействия, которые наиболее эффективны в борьбе с соответствующей категорией преступлений, то ошибка в квалификации может ослабить эффективность этой борьбы.

Ошибка в квалификации может повлечь не только неправильное назначение меры наказания, но и необоснованное применение или неприменение ряда других правовых ограничений. Квалификация преступления влияет на выбор вида исправительной колонии, применение или неприменение амнистии, возможность применения и сроки условно-досрочного освобождения от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким, распространение срока давности привлечения к уголовной ответственности, погашение и снятие судимости и т.д.

Квалификация преступления имеет значение и для решения вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности по основаниям,

предусмотренным ст.ст. 86–89 УК, поскольку они могут быть применены только в случаях совершения нетяжких преступлений.

Социально вредными являются и ошибки противоположного характера, когда действия виновного квалифицируются по статье, предусматривающей менее опасное преступление, в то время как было совершено преступление более опасное. При этом виновный подвергается меньшему наказанию, чем он заслуживает по закону. Преступление без достаточных оснований получает более мягкую нравственную, политическую и юридическую оценку. Это ослабляет борьбу с преступлениями, а порой вызывает законное возмущение граждан и ведет к появлению неправильных представлений о состоянии и мерах борьбы с преступностью. Ошибки в применении закона ослабляют авторитет органов правосудия, порождают мнение о безнаказанности виновных либо о несправедливости суда. Цели как общего, так и частного предупреждения преступлений при этом в должной мере не достигаются.

Кроме уголовно-правовых, квалификация преступления влечет и процессуальные последствия, в частности, определяет подследственность, подсудность, порядок судопроизводства и др.

Квалификация преступлений лежит в основе криминологии и судебной статистики. Неправильная квалификация влечет искажение государственной статистической отчетности, что, в свою очередь, может привести к формированию социально-политических выводов, не соответствующих действительности, и ошибкам в принятии мер борьбы с преступностью, в том числе и о внесении изменений в уголовное законодательство.

Методологические основы квалификации заключаются в следующем. Общее и единичное представляют собой категории, которые отражают реальную действительность. Единичное выражает качественную определенность вещи или явления, их индивидуальность, своеобразие, пространственную и временную определенность. Единичное явление обладает бесчисленным множеством разнообразных свойств, однако правоприменителя должны интересовать лишь те признаки конкретного деяния, которые имеют уголовно-правовое, криминологическое, процессуальное или иное юридическое значение. Для того чтобы квалифицировать совершенное преступление, надо, выделив его уголовно-правовые признаки, определить, предусмотрено ли совершенное деяние уголовным законом, подпадает ли оно под норму Особенной части УК. Для этого необходимо сопоставить признаки совершенного деяния с теми признаками, которые описаны в уголовно-правовой норме. Это и есть процесс и результат квалификации.

Правовая норма, если ее рассматривать с точки зрения философских категорий, содержит общее понятие. Под общим в философии понимается объективно существующая повторяемость черт, свойств, признаков еди-

ничных предметов и явлений объективной действительности, сходство отношений, связей между ними. В общем понятии отражается закономерность, свойственная объективной действительности.

Когда конструируется норма, предусматривающая признаки какого-либо преступления (например, ч. 1 ст. 139 УК, в которой закреплено законодательное определение понятия «убийство»), в ней закрепляются, фиксируются в обобщенной форме наиболее существенные признаки всех общественно опасных деяний данного вида (убийств).

Общее понятие представляет собой абстракцию. Уголовно-правовая норма не может содержать (и не содержит) всю массу разнообразных признаков, характерных для каждого конкретного преступления. Уголовно-правовая норма предусматривает только некоторые признаки соответствующего преступления, абстрагируясь, отвлекаясь от других его признаков и свойств. Однако это вовсе не означает, что общее понятие более поверхностно, чем единичное. Дело в том, что оно содержит не случайный подбор признаков, а выделяет такие из них, которые вскрывают сущность явления, дают возможность раскрыть кроющуюся за этим явлением объективную закономерность реальной действительности. Это – юридически значимые признаки.

Уголовно-правовая норма может содержать понятия разных степеней абстракции. Например, понятие кражи, содержащееся в ч. 1 ст. 205 УК, можно считать абстракцией первой, самой низкой степени. Более высокая степень абстракции – понятие хищения чужого имущества (ч. 1 примечаний к главе 24 «Преступления против собственности» УК). Это понятие охватывает как кражу, так и другие формы хищений. Наивысшая степень абстракции – понятие преступления, содержащееся в ч. 1 ст. 11 УК.

Если отношение между деянием и нормой познано правильно, можно заключить, что при квалификации установлена объективная истина, если же нет, то вывод о квалификации будет ложным.

Процессуальные этапы квалификации определяются стадиями уголовного процесса. Первый этап – стадия возбуждения уголовного дела (главы 20–21 УПК). Так как всякое уголовное дело отражает более или менее сложную фактическую картину событий, квалификация начинается с выдвижения версий (предположений) о юридической оценке того деяния, о котором стало известно следователю (органу дознания, прокурору), возбуждающему уголовное дело.

Как определяет ст. 167 УПК, уголовное дело может быть возбуждено только при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Анализируя материалы, полученные к этому времени, следователь должен соединить эти данные по возможности в единое целое и выдвинуть предположение о том, какому составу преступления они соответ-

ствуют. Решение этого вопроса является обязательным условием для проведения дальнейшего расследования. В постановлении о возбуждении уголовного дела должна быть обязательно указана статья УК (ее пункт, часть), по признакам которой оно возбуждается, а также дальнейшее направление дела (ч. 2 ст. 175 УПК).

Квалификация, которая приводится в постановлении о возбуждении уголовного, является первоначальной. По сути, это гипотеза о характере совершенного преступления, подлежащая проверке в ходе предварительного расследования. Установление, хотя бы приблизительно, признаков нарушенного объекта преступления и причиненного ему вреда может в большинстве случаев считаться достаточным основанием для возбуждения уголовного дела. Нарушение объекта в большинстве случаев свидетельствует о совершении общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, т.е. о преступлении, даже если его субъект еще неизвестен (не установлен). Уголовное дело возбуждается в данном случае по факту совершенного преступления (ч. 1 ст. 175 УПК). Указание в постановлении о возбуждении уголовного дела на статью УК все остальные квалификационные версии не отбрасывает. Они одинаково проверяются в ходе дальнейшего расследования и могут привести к изменению первоначальной квалификации. Только проверка всей совокупности версий может привести к окончательному выводу и правильной квалификации.

Второй этап квалификации начинается после возбуждения уголовного дела и завершается привлечением лица в качестве обвиняемого (глава 27 УПК). Постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносится при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления конкретному лицу обвинения в совершении преступления (ст. 240 УПК). В постановлении должно быть изложено описание инкриминируемого ему преступления с указанием времени, места и других подлежащих доказыванию обстоятельств, а также уголовный закон, предусматривающий данное преступление (ст. 241 УПК).

С точки зрения квалификации это означает, что для предъявления обвинения требуется выяснить фактические признаки объекта, объективной и субъективной сторон преступления, а также его субъекта. Для этого в процессе расследования необходимо установить недостающие факты и проверить те версии, которые выдвигались по уголовному делу. Если первоначальная квалификация была связана с возникновением гипотез, то второй этап заключается в анализе этих гипотез, разработке выводов, вытекающих из них, и проверке их на основе имеющихся доказательств. К моменту предъявления обвинения необходимо установить правильность выдвинутой версии квалификации либо отвергнуть ее и заменить другим, более правильным суждением.

Нередко установление новых фактических данных после предъявления обвинения изменяет представление следователя о случившемся и ведет к изменению (дополнению) обвинения и предъявлению нового обвинения с переквалификацией содеянного на иную статью УК (ст. 245 УПК). Кроме того, прокурор или его заместитель по уголовному делу, поступившему от следователя для направления в суд, вправе исключить своим постановлением отдельные пункты обвинения и (или) изменить квалификацию деяний обвиняемого с применением закона о менее тяжком преступлении, после чего направить дело в суд (п. 1 ч. 1 ст. 264 УПК).

Третий этап – это квалификация преступления в ходе судебного разбирательства уголовного дела. На этом этапе установленные по делу фактические обстоятельства дела (доказательства) непосредственно исследуются судом (ст. 286 УПК), который и дает им окончательную юридическую оценку при постановлении приговора (глава 38 УПК).

Возможен (но не обязателен) четвертый этап – изменение квалификации преступления в вышестоящем суде в кассационном (глава 40 УПК) или надзорном (глава 42 УПК) порядке. Вышестоящий суд вправе изменить вынесенный приговор и применить закон о менее тяжком преступлении в случае неправильного применения уголовного закона судом первой инстанции. Вместе с тем суды кассационной и надзорной инстанций не могут сами изменить квалификацию на закон о более тяжком преступлении, при возникновении такой необходимости они вправе отменить приговор и передать дело на новое судебное рассмотрение (ст.ст. 386, 388, 412, 414 УПК).

Тем самым правоприменение включает ряд стадий, содержанием которых является строго определенная процессуальная деятельность органов уголовной юстиции, основанная на формальных требованиях права и законах логики. Ошибка на любой стадии влечет в итоге нарушение принципа законности, ущемление прав человека, интересов общества и государства.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона

Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. Уголовное право. Общая часть : учеб. / Н. А. Бабий [и др.]; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.

4. Колосовский, В. В. Квалификационные ошибки / В. В. Колосовский. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 157 с.

5. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под общ. ред. А. Ф. Вишневского. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Тесей, 1999. – 560 с.

6. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права : учеб. пособие / В. Н. Хропанюк ; под ред. В. Г. Стрекозова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Интерстиль, 2001. – 377 с.

7. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 02 июля 2009 г. // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

8. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юристъ, 1999. – 304 с.

СОУЧАСТИЕ И ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ

Соучастие в преступлении и прикосновенность к преступлению являются родственными институтами уголовного права, поскольку связаны со стечением нескольких лиц, их множественностью в одном преступлении. Вместе с тем между соучастием и прикосновенностью имеются существенные отличия, которые выделяются в науке и в большей либо меньшей степени находят отражение в законодательстве различных государств. Прежде всего, неоднозначность подхода к правовой регламентации наблюдается в отношении прикосновенности к преступлению. В правоприменительной деятельности нередко возникают трудности в разграничении деяний прикосновенных к преступлению лиц (укрывателей, недоносителей и попустителей) и соучастников (в первую очередь пособников). В целях разграничения названных институтов уголовного права, уяснения их природы и совершенствования правового регулирования рассмотрим понятие и признаки соучастия и прикосновенности к преступлению на примере уголовного законодательства трех стран с исторически обусловленной очень схожей правовой системой – Республики Беларусь, Российской Федерации (далее – РФ) и Украины.

В Уголовных кодексах (далее – УК) Республики Беларусь, РФ и Украины [1; 2; 3] значительное внимание уделено соучастию в преступлении. Общие черты правового закрепления соучастия в преступлении в УК Республики Беларусь, РФ и Украины проявляются в следующем:

1) практически идентичными (за некоторыми особенностями в УК Украины) являются законодательные определения понятия «соучастие в преступлении», следовательно, одинаков круг тех объективных и субъективных признаков, которые ему присущи;

2) к видам соучастников во всех изучаемых актах отнесены исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник;

3) формами соучастия в преступлении, указанными в уголовном законе, являются группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступная организация (в УК РФ – преступное сообщество);

4) отдельные нормы посвящены вопросам ответственности соучастников, в том числе при неудавшемся соучастии, эксцессе исполнителя, в случаях сложного соучастия, совершения преступления в составе организованной группы или преступной организации;

5) в Особенных частях УК содержатся самостоятельные составы преступлений, связанных с созданием, руководством и участием в деятельности наиболее опасных преступных групп;

б) в целях повышения эффективности борьбы с организованной преступностью, стимулирования участников преступных сообществ к содействию правосудию в их изобличении и пресечении деятельности в ряде норм уголовных законов предусмотрены специальные основания освобождения членов организованных групп и преступных организаций от уголовной ответственности (ст. 20, примечание к ст. 357 УК Республики Беларусь, примечание к ст. 210 УК РФ, ч. 2 ст. 255 УК Украины).

Если говорить о различиях, то, исходя из внутреннего строения кодексов, следует отметить, что соучастие в преступлении российский и украинский законодатели придают большую значимость. В УК РФ имеется отдельная глава 7 «Соучастие в преступлении» (ст.ст. 32–36). Одноименный раздел 6 выделен и в Общей части УК Украины (ст.ст. 26–31). В Общей части УК Республики Беларусь соучастие раскрывается в ст.ст. 16–20. Как видно, количество статей практически такое же, как и в уголовных законах России и Украины, но они структурно не обособлены, включены в главу 3 под названием «Преступное деяние» наряду с нормами о понятии преступления, его категориях, стадиях совершения умышленного преступления. На наш взгляд, это является упущением белорусских правотворцев, которые тем самым умаляют практическую важность соответствующих норм УК.

Обращает на себя внимание и структурирование норм о соучастии по статьям внутри названных глав УК. Соответствует теории учения о соучастии и облегчает работу с текстом закона такая группировка норм, когда отдельные статьи закрепляют понятие и признаки соучастия в преступлении (ст. 26 УК Украины и ст. 32 УК РФ), виды соучастников (ст. 27 УК Украины и ст. 33 УК РФ), формы соучастия (ст. 28 УК Украины и ст. 35 УК РФ), особенности ответственности соучастников (ст.ст. 29–31 УК Украины, ст.ст. 34 и 36 УК РФ). К сожалению, в УК Республики Беларусь единого критерия формирования статей о соучастии в преступлении не наблюдается. Так, в ст. 16 УК Республики Беларусь даются определение соучастия (ч. 1), классификация соучастников (ч.ч. 2–6), некоторые правила квалификации деяний и ответственности соучастников (ч.ч. 7–9). В то же время формам соучастия отведены три отдельные статьи 17–19, которые также касаются и вопросов ответственности соучастников.

По основному объекту посягательства преступные сообщества запрещены и в других главах уголовных законов. В УК РФ, например, преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства признаются действия по организации экстремистского сообщества (ст. 282.1) и организации деятельности экстремистской организации

(ст. 282.2), а в соответствии с ч. 1 ст. 357 УК Республики Беларусь на этот же объект направлен заговор с целью захвата или удержания государственной власти неконституционным путем. На основании ст. 109 УК Украины, заговор о совершении действий в целях насильственного изменения либо свержения конституционного строя или захвата государственной власти – это преступление против основ национальной безопасности Украины. Преступлением против правосудия на основании ст. 410 УК Республики Беларусь и ст. 392 УК Украины является создание организованной группы с целью терроризирования в исправительных учреждениях осужденных или нападения на представителей администрации. Особый вид преступного сообщества закреплен в ст. 193 УК Республики Беларусь – объединение, посягающее на личность, права и обязанности граждан; УК Республики Беларусь содержит основания освобождения от уголовной ответственности участника преступной организации или банды (ст. 20).

Согласно ч. 1 ст. 16 УК Республики Беларусь и ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. В ст. 26 УК Украины данное понятие, сохраняя практически идентичное содержание, сформулировано более точно: соучастием в преступлении является умышленное совместное участие нескольких субъектов преступления в совершении умышленного преступления. Удачным, по нашему мнению, является использование в приведенной дефиниции термина «субъект преступления», поскольку он более адекватно отражает и закрепляет на уровне УК такой обязательный признак соучастия в преступлении, как совершение деяния не любыми лицами, а являющимися, по определению В.М. Хомича, «надлежащими субъектами» [4, с. 38–39].

Во всех трех рассматриваемых нормативных правовых актах разграничивается непосредственное и опосредованное (посредственное) исполнение. При этом лишь в УК Республики Беларусь к последнему относятся случаи использования для совершения преступления лиц, которые действуют по неосторожности. Поскольку в уголовном законодательстве всех рассматриваемых стран однозначно закреплена возможность совершения в соучастии только умышленных преступлений, считаем необходимым распространять опосредованное исполнение на случаи использования неосторожного поведения другого лица для совершения преступления. При этом лицо, фактически исполнившее объективную сторону состава преступления, отвечает самостоятельно за неосторожное преступление. Несмотря на множественность действующих лиц, соучастия не образуется в силу отсутствия двусторонней виновной связи и умышленной формы вины. Хотя в законе прямого указания на данный вид опосредован-

ного исполнения преступления не имеется, в учебной литературе и научных комментариях к УК РФ он приводится в качестве примера и называется среди «иных вариантов посредственного причинения» [5, с. 99]. Думается, что предлагаемая квалификация является единственно возможной и правильной в соответствии с устоявшейся доктриной соучастия как умышленной совместной деятельности нескольких лиц и требует официального закрепления в соответствующих статьях УК РФ и Украины.

В отличие от УК РФ и Украины, в ч. 4 ст. 16 УК Республики Беларусь обозначен как вид соучастника наряду с организатором еще и руководитель преступления. Считаем это преимуществом белорусского закона, поскольку при всей схожести и зачастую совпадении функций организатора и руководителя, выполнении их одним лицом имеется в ролях этих субъектов и своя специфика. Основным, что отличает руководителя преступления от организатора, является то, что организатор всегда выступает в качестве инициатора преступления. Руководство исполнением преступления может осуществляться не только организатором, но и другим лицом во время совершения преступления (на стадии приготовления, покушения, оконченного преступления), и это лицо само нередко выполняет объективную сторону состава преступления, являясь и его соисполнителем.

Роль подстрекателя практически одинаково определена в изучаемых актах: склонение к совершению преступления «другого лица» (ч. 5 ст. 16 УК Республики Беларусь, ч. 4 ст. 33 УК РФ) либо «другого соучастника» (ч. 4 ст. 27 УК Украины). Таким образом, вновь констатируем более грамотное и адекватное применение уголовно-правовых категорий в украинском законе, позволяющее правильнее толковать содержание правовых предписаний и избежать ошибок в квалификации. Так, склонение к совершению преступления другого лица, не подлежащего уголовной ответственности, является опосредованным исполнением преступления, а не подстрекательством. В УК РФ и Украины предлагаются способы подстрекательства: уговор, подкуп, угроза, принуждение (только в ч. 4 ст. 27 УК Украины) или другие. На наш взгляд, подход белорусского законодателя, не определившего такой перечень, является более разумным, так как способы подстрекательства слишком разнообразны, чтобы быть формализованными. Как указывал Ф.Г. Бурчак, в законе немислимо предусмотреть все средства, которыми подстрекатель может воспользоваться для создания мотивов, обуславливающих поведение подстрекаемого [6, с. 144]. Это тем более не рационально, поскольку сами предлагаемые перечни способов подстрекательства оставлены открытыми, предполагают наличие иных вариантов действий данного вида соучастников.

Что касается регламентации пособничества, то наблюдаем обратную ситуацию. Российский и украинский кодексы предлагают закрытые списки

относящихся к нему деяний, а УК Республики Беларусь предусматривает возможность совершения пособничества также путем «оказания иной помощи». На наш взгляд, предпочтительнее формулировка ч. 6 ст. 16 УК Республики Беларусь, так как практике известны случаи оказания содействия в совершении преступления, не подпадающие ни под один из способов пособничества, перечисленных в ч. 5 ст. 33 УК РФ и ч. 5 ст. 27 УК Украины. Упущением украинского законодателя является отсутствие среди способов интеллектуального пособничества такого, как предоставление информации. В УК Украины более широко трактуется интеллектуальное пособничество в виде заранее данного обещания скрыть совершенное преступление. Как и в УК РФ и Республики Беларусь, оно предполагает обещание скрыть преступника, орудия или средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем. Однако, кроме этого, пособничеством считается заранее данное обещание «иным образом содействовать сокрытию преступления» [3]. Думается, что такая оговорка излишня, поскольку варианты заранее обещанного укрывательства и так обозначены достаточно абстрактно, не конкретизированы по способам сокрытия, могут выражаться в любых действиях. Более того, в ч. 6 ст. 27 УК Украины, закрепляя отличие от соучастия заранее не обещанного укрывательства преступлений, законодатель не упоминает «иные» его способы.

Серьезные расхождения наблюдаются в части правового регулирования рассматриваемыми кодексами форм соучастия в преступлении. Если по поводу их классификации, как отмечалось, имеется единство подхода, то содержание признаков каждой из форм соучастия понимается по-разному. Согласно ч.ч. 1 и 2 ст. 17 УК Республики Беларусь группа лиц – это всегда соисполнительство (простое соучастие), независимо от наличия или отсутствия предварительного сговора соучастников. На основании анализа положений ч.ч. 1 и 2 ст. 28 УК Украины и ч.ч. 1 и 2 ст. 35 УК РФ можно заключить, что простым соучастием в них является лишь группа лиц без предварительного сговора (прямо указывается на участие в преступлении двух или более исполнителей), а в группе лиц по предварительному сговору возможно и соучастие с распределением ролей (сложное соучастие). Устанавливая субъектный состав соучастников в группе лиц по предварительному сговору, законодатель оперирует понятием «лицо», а не «исполнитель». Таким образом, закон не ограничивает круга участников группы в зависимости от выполняемых ими ролей в заранее согласованной совместной преступной деятельности [5, с. 109]. Конечно, критерии классификации форм соучастия, их наименование и содержание не должны быть тождественны в законодательстве разных стран, тем более что по этому вопросу существует множество теорий в науке. Однако если пред-

положить, что исследуемые нормы правильно отражают замысел право-творческих органов, то следовало бы для более четкой дифференциации двух форм соучастия именовать их по-разному. Использование одного понятия «группа лиц» к абсолютно несопоставимым по содержанию явлениям некорректно. Если разница между этими формами соучастия состоит преимущественно в характере выполняемых соучастниками ролей, а не в факте предварительной договоренности о совместном совершении преступления, то и в их названии должны быть расставлены соответствующие акценты.

Одним из оснований выделения форм соучастия, закрепленным в ст. 28 УК Украины, выступает разное минимальное количество соучастников, совершающих преступление в составе группы лиц (два и более), организованной группы (три и более) и преступной организации (пять и более). В УК Республики Беларусь и РФ применительно к организованной группе и преступной организации действует общее требование института соучастия, согласно которому для их создания достаточно двух или более соучастников. Определение организованной группы, данное в УК Украины, в рассматриваемом аспекте в большей мере соответствует ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности [7]. Добавим также, что практически недостижимо для группы из двух лиц стать организованной согласно ст. 18 УК Республики Беларусь, которая предусматривает для этого такие обязательные признаки, как устойчивость, управляемость, предварительную объединенность, специальную цель. Так, если одно лицо организует и руководит преступным поведением другого, речь скорее идет о сложном соучастии, а не об управляемости как признаке организованной группы. С учетом масштабов деятельности и целей преступной организации, заявленных в ч. 1 ст. 19 УК Республики Беларусь, представляется обоснованным увеличение минимального количественного состава ее членов до трех.

Отметим также субъективность позиций законодателей трех государств в установлении обязательных признаков отдельных форм соучастия в преступлении. Для организованной группы едиными являются требования об устойчивости и предварительном объединении соучастников, создании организованной группы для совершения преступлений. УК Украины, называя характеристикой организованной группы составление плана и распределение функций соучастников, как и УК Республики Беларусь, фактически имеет в виду признак ее управляемости. Согласно УК РФ, преступная организация должна отвечать ряду условий: единство руководства объединением организованных групп, цели совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. В каче-

стве варианта преступной организации признается «структурированная организованная группа» [2]. Для украинской преступной организации требуется: устойчивость, иерархичность объединения пяти и более лиц; предварительный сговор о совместной деятельности; цель непосредственного совершения тяжких или особо тяжких преступлений участниками этой организации, или руководства или координации преступной деятельности других лиц, или обеспечения функционирования как самой преступной организации, так и других преступных групп [3].

В разном объеме урегулированы в УК стран Восточной Европы так называемые специальные вопросы учения о соучастии в преступлении. Несомненным достоинством УК РФ является наличие в ч. 4 ст. 34 общей нормы о соучастии в преступлениях со специальным субъектом: «Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника» [2]. В белорусском уголовном законодательстве аналогичное правило зафиксировано только в отношении военных преступлений в ч. 2 примечаний к главе 37 УК и в отдельных постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Важность данного положения для правильной квалификации требует его закрепления на уровне уголовного закона, а не подзаконных актов, чтобы исключить разночтения в толковании и применении.

Во всех рассматриваемых УК содержится норма о квалификации деяний соучастников при эксцессе исполнителя (ч. 7 ст. 16 УК Республики Беларусь, ст. 36 УК РФ, ч. 5 ст. 29 УК Украины), но лишь в российском законе используется сам термин «эксцесс», что также следует признать его преимуществом и воспринять в УК Республики Беларусь и Украины.

Лучше, на наш взгляд, урегулированы в ст. 31 УК Украины вопросы добровольного отказа соучастников и связанные с ними проблемы ответственности соучастников. Предлагается квалификация деяний организатора, подстрекателя и пособника при добровольном отказе исполнителя (ч. 1) и определяется ответственность исполнителя при добровольном отказе кого-либо из соучастников (ч. 3).

В ч. 4 ст. 29 УК Украины дается правовая оценка деяний соучастников в случае совершения исполнителем неоконченного преступления как соучастия в неоконченном преступлении. Согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ, ту же ситуацию следует квалифицировать как приготовление к преступлению или покушение на преступление. Согласимся с мнением В. Питецкого, что «такая законодательная рекомендация является не совсем корректной, особенно при варианте покушения на преступление». Признание

у других соучастников в таких случаях покушения на соответствующее преступление неадекватно отражает специфику содеянного ими, так как они не выполняют деяний, непосредственно направленных на совершение преступления. В итоге автором предлагается такая же квалификация, как в УК Украины [8, с. 51]. Соучастие в неоконченном преступлении пока не нашло отражения в законодательстве Республики Беларусь. С учетом сказанного восполнение этого пробела должно быть сделано на основе украинского образца.

Неудавшееся соучастие, когда действия соучастников не приводят к совершению преступления исполнителем, в ч. 5 ст. 34 УК РФ сведено, по сути, только к неудавшемуся подстрекательству. В литературе в связи с возможностью безрезультативности организаторских и пособнических действий обосновывается необходимость корректировки этой нормы [8, с. 51], фактически приведения ее содержания к тому, что закреплено в ч. 8 ст. 16 УК Республики Беларусь и ч. 5 ст. 36 Модельного УК.

Только в ч. 3 ст. 29 УК Украины установлено: «Признаки, характеризующие личность отдельного соучастника преступления, ставятся в вину лишь этому соучастнику. Другие обстоятельства, отягчающие ответственность и предусмотренные в статьях Особенной части УК в качестве признаков преступления, влияющих на квалификацию действий исполнителя, ставятся в вину лишь соучастнику, осознававшему эти обстоятельства» [3]. Данное положение имеет важнейшее практическое значение, устраняет дискуссии по этому поводу в науке и ошибки в правоприменительной деятельности, в связи с чем, на наш взгляд, должно найти отражение в белорусском уголовном законе.

Самостоятельным правовым институтом в уголовном праве Беларуси, России и Украины традиционно является прикосновенность к преступлению. Вместе с тем в этих государствах наблюдаются неоднозначные и изменчивые подходы к криминализации отдельных форм прикосновенности к преступлению. Понятие «прикосновенность к преступлению» не встречается ни в одном из трех УК, является исключительно теоретическим. Некоторые российские авторы даже вообще отрицают наличие такого самостоятельного института в уголовном праве [9, с. 313].

Следует отметить, что для государств Европы, Америки понятие «прикосновенность к преступлению» вовсе не характерно. Оно является достоянием дореволюционной российской и советской науки уголовного права. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и отдельных декретах советской власти после революции 1917 года и в период гражданской войны даже употреблялось и раскрывалось понятие «прикосновенные лица». Обращаясь к современным источникам уголовного законодательства различных стран, можем констатировать, что понятие «при-

косновенность к преступлению» используется лишь в одном из изученных нами уголовных законов иностранных государств – так называется ст. 31 УК Республики Узбекистан, однако содержание его в данной норме не раскрывается. Законодатель в ч.ч. 1 и 2 названной статьи включил отсылочные нормы на ст. 241 Особенной части УК Республики Узбекистан, предусматривающую ответственность за «несообщение о преступлении или его укрывательство», а в ч. 3 – правило об исключении ответственности за заранее не обещанное несообщение или укрывательство близких родственников подозреваемого, обвиняемого или подсудимого [10].

Недостаточное урегулирование уголовным законом института прикосновенности к преступлению приводит к тому, что до сих пор нет определенности в указании четкого перечня общественно опасных деяний, относящихся к ней. Более того, в литературе не наблюдается единства в выборе понятия, которым обозначались бы такие деяния. Некоторые авторы говорят о формах прикосновенности к преступлению [11], другие – о ее видах [12, с. 19], а третьи употребляют данные понятия как равнозначные [13, с. 70]. Представляется более предпочтительным использование термина «формы прикосновенности». Форма (от лат. forma) – способ организации и способ существования предмета, процесса, явления [14, с. 383]. Все формы прикосновенной деятельности характеризуются одинаковыми, объединяющими их и выражающими специфику этого института уголовного права признаками. Различаются они между собой именно по особенностям внешнего проявления, способу совершения. На наш взгляд, прикосновенность к преступлению является самостоятельным институтом уголовного права, имеющим следующие отличительные признаки (основные и дополнительные):

1. Действие или бездействие при прикосновенности всегда связано с преступлением другого субъекта. Отсюда вытекает в качестве дополнительного признака прикосновенности время действия (бездействия) прикосновенного лица – как правило, после совершения исполнителем основного преступления (исключение составляют попустительство и недоносительство о готовящемся или совершаемом преступлении).

2. Для прикосновенности, в отличие от соучастия, не характерна совместность совершения одного преступления двумя или более лицами.

3. Деяние прикосновенного лица по сравнению с деянием соучастника имеет меньшую общественную опасность и наказуемо не всегда, а лишь в случаях, прямо указанных в уголовном законе (является дополнительным признаком прикосновенности к преступлению, так как со временем подход законодателя может измениться).

4. Дополнительный признак прикосновенности к преступлению состоит в том, что деяние прикосновенного лица посягает на иной объект, нежели основное преступление, – на интересы правосудия.

5. При прикосновенности к преступлению не имеется двусторонней виновной связи между деяниями основного преступника и прикосновенного лица. Отличие от соучастия также состоит в том, что прикосновенность к преступлению характеризуется только прямым умыслом, соучастие же может совершаться и с косвенным умыслом.

6. Поскольку деяния исполнителя основного преступления и прикосновенного лица не имеют ни причинной, ни виновной связи, ответственность их также носит относительно самостоятельный характер, что также является дополнительным признаком прикосновенности, так как вытекает из названных ранее ее основных признаков. При решении вопроса об ответственности за прикосновенность учитывается лишь категория основного преступления.

С учетом указанных признаков прикосновенность к преступлению может быть определена как умышленное деяние (действие или бездействие) лица, которое не участвовало совместно с другими лицами в совершении преступления и не способствовало его совершению, выразившееся в заранее не обещанном укрывательстве преступления, недонесении о преступлении либо попустительстве преступлению, совершенному другим лицом (прикосновенность к преступлению).

Наиболее распространенным является мнение о выделении трех форм прикосновенности к преступлению: заранее не обещанного укрывательства, недонесения о преступлении и попустительства преступлению.

В настоящее время в Особенных частях всех рассматриваемых уголовных законов предусмотрена ответственность за заранее не обещанное укрывательство преступлений (ст. 405 УК Республики Беларусь, ст. 396 УК Украины, ст. 316 УК РФ), а в ст. 406 УК Республики Беларусь – еще и за недонесение о преступлении. Эти деяния отнесены к преступлениям против правосудия. Кроме того, лишь в Республике Беларусь по ст. 425 УК «Бездействие должностного лица» наказывается попустительство преступлению, то есть умышленное невоспрепятствование должностным лицом готовящемуся или совершаемому преступлению при условии, что данное должностное лицо в соответствии с его полномочиями обязано было и могло это сделать.

В соответствии с уголовным законодательством Республики Беларусь прикосновенностью к преступлению признаются не всякие укрывательство и попустительство, а только заранее не обещанные. В отношении попустительства такой вывод вытекает из п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 года № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)», согласно которому заранее обещанное со стороны должностного лица попустительство совершению преступления квалифи-

цируется по совокупности как бездействие должностного лица и соучастие (в виде пособничества) в совершении соответствующего преступления [15]. Разграничение заранее обещанного и заранее не обещанного укрывательства проводится в самом уголовном законе (ч. 6 ст. 16 и ст. 405 УК Республики Беларусь).

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» укрывательство преступления, а также приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, могли быть признаны соучастием, если эти действия были обещаны исполнителю до или во время совершения преступления, либо по другим причинам (например, в силу систематического их совершения) давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие [16, с. 685]. Заранее не обещанное систематическое совершение названных действий в настоящее время пособничеством не признается, поскольку при этом отсутствуют следующие признаки соучастия в преступлении:

1. Субъективные: отсутствует двусторонняя виновная связь, без которой нет соучастия. Предыдущее укрывательство, даже совершаемое систематически, не раскрывает, как правило, субъективной стороны деятельности укрывателя. Оно позволяет лишь выдвинуть предположение о наличии заранее данного обещания о желании лица еще до совершения преступления исполнителем оказать ему ту или иную услугу. Если такая договоренность была заключена на неопределенное время, то следует констатировать наличие соучастия в преступлении. Однако, когда такое лицо ставят перед уже свершившимся фактом (три раза), предъявляя, например, имущество, уже находящееся во владении укрывателя, без его предварительного на это (в том числе и молчаливого) согласия, и предлагают скрыть его, то говорить о соучастии нельзя [17, с. 8].

2. Объективные: укрыватель не может быть осведомлен о планах исполнителя, так как никаких предварительных соглашений между ними не было. Поэтому он не может направлять свои действия так, чтобы достигнуть совместного результата с действиями непосредственного исполнителя преступления. В этом случае нельзя говорить о совместности действий, поскольку нет сознательного сложения интеллектуальных и волевых усилий для достижения преступного результата [18, с. 48]. Действия лиц несовместны, несмотря на то, что у преступника, совершающего преступление, имеется расчет на укрывательство со стороны другого лица в силу его систематического совершения или каких-либо иных оснований.

Представляет интерес дискуссия, развернувшаяся на страницах работ современных российских правоведов, которые подвергают критике

понятие укрывательства, нашедшее отражение в ст. 316 УК Российской Федерации: «Заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений – наказывается ...» [2]. Диспозиция ст. 316 УК РФ является простой, она только называет деяние, не раскрывая его признаков, что и вызывает нарекания исследователей. Как простая сформулирована и диспозиция ст. 396 УК Украины. Абсолютное большинство норм об укрывательстве в УК других стран имеют описательные диспозиции, отличающиеся разной степенью конкретизации признаков наказуемого деяния. Для некоторых уголовных законов характерно слишком подробное описание признаков укрывательства, что неудачно, поскольку делает норму достаточно сложной для восприятия. Например, этим отличается ст. 451 УК Испании (раздел XX «Преступления против судебной власти», глава III «Об укрывательстве»), по которой наказывается «тот, кто, зная о совершении преступления и не участвуя в нем в качестве исполнителя или соучастника, примет в нем участие после его совершения одним из следующих способов:

- 1) оказывая помощь исполнителям или соучастникам в получении выгоды, дохода или цены за преступление, без умысла собственной выгоды;
- 2) скрыв, изменив или уничтожив труп, имущество или орудие преступления, с целью помешать его раскрытию;
- 3) помогая лицам, гипотетически ответственным в преступлении, уклониться от расследования, осуществляемого должностными лицами или представителями власти, либо помогая им скрыться от их розыска или ареста при наличии следующих обстоятельств: а) скрываемое деяние является изменой, убийством Короля..., б) содействующее лицо действует с превышением власти...» [19, с. 140–141].

Таким образом, конструкция диспозиции ст. 405 УК Республики Беларусь выглядит более удачной по сравнению с аналогичными нормами зарубежных законов. В ней отсутствует схематичность, присущая УК РФ и Украины, не позволяющая однозначно определить сущность укрывательства как преступного деяния, и ненужная детализация его признаков, которая может быть дана в официальном толковании или комментарии к законодательству.

По ст. 316 УК РФ уголовно наказуемым является укрывательство лишь особо тяжких преступлений, в то время как в ст. 405 УК Республики Беларусь и ст. 396 УК Украины уголовная ответственность распространяется на совершение аналогичного деяния и в отношении тяжкого преступления.

Наблюдается различный подход в определении круга лиц, могущих быть субъектами преступления – укрывательства: российский законодатель исключает из их числа супруга и близких родственников лица, совер-

шившего укрываемое преступление (примечание к ст. 316 УК РФ), а украинский – членов семьи или близких родственников лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 396 УК Украины). Конституционный Суд Республики Беларусь в Заключении от 25 марта 1999 г. № 3-77/99 «О толковании Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 1994 г. «О соответствии Конституции примечания к ст. 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь» также отмечает, что ответственность за это деяние близких родственников или членов семьи лица, совершившего преступление, может быть поставлена в зависимость не только от степени общественной опасности совершенного преступления, но и от формы совершаемых действий, а также от мотивов их совершения. Нередко указанные лица могут оказаться в таких ситуациях, когда страх перед угрозой наказания, которому будет подвергнуто близкое им лицо, явится наиболее значимым мотивом, предопределившим характер их поведения. Необходимо также учитывать и различную степень опасности заранее не обещанного укрывательства преступления, совершаемого из корыстных или иных низменных побуждений, и укрывательства, мотивы которого обусловлены только родственными чувствами. Отсюда не исключается возможность предусмотреть в примечании к ст. 405 УК Республики Беларусь норму об освобождении от уголовной ответственности близких родственников и членов семьи лица, совершившего преступление, за его заранее не обещанное укрывательство [20].

Что касается отсутствия в УК РФ и Украины запрета на недонесение о преступлении, считаем это их недостатком. Ответственность за недонесение является важным уголовно-правовым средством борьбы с преступностью. В ч. 1 ст. 326 Особенной части Модельного Уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств было рекомендовано криминализировать несообщение о достоверно известном готовящемся или совершенном особо тяжком преступлении [21], однако законодатели соседних государств эту рекомендацию не восприняли. Некоторые современные российские исследователи также считают преждевременным исключение соответствующей статьи из УК РФ. Например, В.Г. Трифонов пишет: «Декриминализация несообщения о преступлении представляется серьезной ошибкой законодателя не только в силу имеющихся негативных тенденций в криминогенной обстановке в стране, но и в силу того, что подобная декриминализация создала дополнительные отрицательные моменты, а именно: исключено одно из условий снижения латентной преступности; созданы трудности в обеспечении свидетельской базы по уголовным делам; оказалась под вопросом возможность реализации принципа неотвратимости ответственности; снижается авторитет государства у той части населения, которая не приемлет такого бездействия;

приобретают значение сомнительные формы стимулирования сообщений о преступлении – информирование за материальное вознаграждение, что с моральной точки зрения не всегда можно считать оправданным» [22, с. 20]. В. Колесник говорит, что отсутствие в российском УК статьи, предусматривающей ответственность за недонесение, оказывает негативное влияние на раскрытие многих преступлений, особенно убийств. Он подвергает сомнению довод о том, что декриминализация недоносительства является шагом в сторону приближения национального законодательства к уголовному праву цивилизованных (западных) стран, в которых соответствующие нормы действуют [23, с. 27–28].

Несомненно, государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности, обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан (ст.ст. 2, 59 Конституции Республики Беларусь). Однако и гражданин ответствен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией (ст. 2 Конституции Республики Беларусь). Непосредственно в Конституции указанные обязанности не содержатся, но в соответствии со ст. 52 Конституции Республики Беларусь каждый, кто находится на территории Республики Беларусь, обязан соблюдать ее законы, одним из которых является УК. На основании ст. 23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Думается, что предупреждение и своевременное выявление тяжких и особо тяжких преступлений соответствует достижению указанных интересов, а потому включение в статус граждан обязанностей, установленных ст.ст. 405 и 406 УК, не противоречит Конституции Республики Беларусь, вытекает из ее норм, не должно рассматриваться как чрезмерное обременение личности, переложение на нее правоохранительных функций государства.

В силу тех же причин можно рекомендовать российскому законодателю обсудить возможность установления уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений.

Уголовный закон не рассматривает заранее данное обещание не сообщать о преступлении как соучастие. Предлагается заранее обещанное недонесение признавать соучастием в преступлении в виде интеллектуального пособничества, так как характеризуется всеми его обязательными признаками. Объективные признаки соучастия при заранее обещанном недонесении о преступлении выражаются в следующем:

1) в преступлении участвуют как минимум два вменяемых, достигших возраста уголовной ответственности лица – исполнитель преступления и недоноситель о нем;

2) совместность в деяниях указанных лиц состоит в том, что данное недоносителем обещание является необходимым условием совершения преступления исполнителем, укрепившим решимость последнего действовать, без которого преступные намерения не были бы реализованы;

3) поскольку без полученного обещания не сообщить о преступлении исполнитель не совершил бы его, постольку существует непосредственная причинная связь между этим обещанием и преступными последствиями, наступившими в результате деяния исполнителя.

Виновная связь при этом заключается в том, что недоноситель сознает общественно опасный характер собственного деяния и характер готовящегося или совершаемого исполнителем преступления, а также факт содействия своим обещанием совершению исполнителем преступления, предвидит единый результат, желает или сознательно допускает его наступление.

Отсутствие в УК РФ и Украины понятия «попустительство преступлению» не означает безнаказанности такого бездействия. Оно квалифицируется по ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» или по ст. 364 УК Украины «Злоупотребление властью или служебным положением». В отличие от ст. 424 УК Республики Беларусь «Злоупотребление властью или служебными полномочиями» по названным статьям российского и украинского кодексов наказываются не только активные действия должностных лиц, но и их бездействие вопреки интересам службы. На это, в частности, указывается в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»: «Ответственность по статье 285 УК РФ наступает также за умышленное неисполнение должностным лицом своих обязанностей в том случае, если подобное бездействие было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности, объективно противоречило тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями, и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства» [24]. В комментарии к данной статье одной из форм злоупотребления должностными полномочиями называется попустительство совершению преступлений, например, должностное лицо, в полномочия которого входит контроль за хранением и расходованием товарно-материальных ценностей, сознательно не выполня-

ет этой обязанности, что приводит к существенному нарушению интересов государственного либо муниципального учреждения [5, с. 734].

П.Н. Панченко справедливо указывал: «В связи с тем, что бездействие попустителя в любом случае создает благоприятные условия для подготовки, совершения или сокрытия попущенного преступления (и в ряде случаев эти условия действительно реализуются в подготовку, совершение либо сокрытие основного преступления), объектом попустительства следует считать и общественные отношения из группы тех, на которые посягает попущенное преступление. Данный объект является как бы «производным» от непосредственного объекта попустительства» [25, с 30]. Следовательно, рассматриваемая форма бездействия должностного лица представляется более опасной по сравнению с иным противоправным бездействием, поэтому согласно ст. 425 УК Республики Беларусь попустительство преступлению сконструировано как формальный состав преступления, не требующий наступления последствий, обязательных для других проявлений бездействия должностного лица. В ст. 285 УК РФ и ст. 364 УК Украины в настоящее время сформулированы материальные составы преступного злоупотребления по службе. Думается, что было бы вполне обоснованным (в том числе с позиций борьбы с преступностью) российским и украинским законодателям предусмотреть в названных статьях УК этих стран попустительство преступлению как самостоятельный вид должностного злоупотребления, наказуемый независимо от наступления каких-либо общественно опасных последствий.

Не имеют аналогов в УК Республики Беларусь и РФ нормы ч. 6 ст. 27 Общей части УК Украины, в соответствии с которыми не является соучастием не обещанное заранее сокрытие преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем, или приобретение либо сбыт таких предметов. Фактически речь здесь идет об отграничении соучастия от прикосновенности к преступлению. Правильному разграничению при этом должны способствовать нормы законодательства, которых в настоящее время в УК Республики Беларусь и РФ явно не хватает. Целесообразно в этой части позаимствовать украинский опыт и обсудить вопрос о дополнении Общих частей УК Республики Беларусь и РФ статьями о прикосновенности к преступлению.

Проблемным вопросом является отнесение к прикосновенности легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК Республики Беларусь, ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, ст. 209 УК Украины), а также приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236 УК Республики Беларусь, ст. 175 УК РФ, ст. 198 УК Украины). В УК Республики Беларусь и РФ они включены в систему преступлений против порядка осуществле-

ния экономической деятельности, а в УК Украины легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, – преступление в сфере хозяйственной деятельности, приобретение, получение, хранение или сбыт имущества, полученного преступным путем – преступление против собственности. Прикосновенностью к преступлению данные деяния не признаются. Отнесение рассматриваемых действий по объекту к преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности или собственности представляется ошибочным, так как направлены они, в первую очередь, на сокрытие предметов, добытых преступным путем, а не на причинение вреда имущественным и экономическим отношениям. В составе легализации на это прямо указывает обязательная цель утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности средств (ч. 1 ст. 235 УК Республики Беларусь), придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом (ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ), направленность на сокрытие или маскировку незаконного происхождения средств и иного имущества (ст. 209 УК Украины).

По мнению А.В. Зарубина, эти составы преступлений должны считаться укрывательством в качестве видов, имеющих дополнительное уголовно-правовое значение [26, с. 99]. Такая позиция разделяется и законодателями некоторых европейских стран. Так, в Особенной части УК ФРГ выделяется отдельный раздел XXI «Укрывательство преступника и укрывательство имущества, добытого преступным путем», в который входит § 261 «Отмывание денег. Укрывательство незаконно полученных имущественных выгод». Согласно данному параграфу наказываются тот, «кто утаивает или прячет предмет, который получен в результате совершения... противоправного деяния, либо скрывает его происхождение или препятствует установлению происхождения этого предмета, его местонахождения, конфискации имущества или сохранению изъятых предметов». Наказываются также тот, кто указанный предмет: а) приобретает для себя или третьего лица; б) хранит или использует для себя или третьего лица, если ему было известно о происхождении этого предмета в тот момент, когда он его приобретал [27, с. 146–147]. Таким образом, легализация, по сути, рассматривается как разновидность укрывательства, которое, следуя системе УК Республики Беларусь, РФ и Украины является преступлением против правосудия.

На такое же решение ориентирует Конвенция Совета Европы № 141 «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS № 141)» (заключена в г. Страсбурге 08.11.1990 г.), в п. 1 ст. 6 которой в качестве обязательных признаков преступлений, связанных с отмыванием средств, является умысел и совершение их «с целью

скрыть незаконное происхождение такого имущества или помочь любому лицу, замешанному в совершении основного преступления, избежать правовых последствий своих деяний». В п. 3 ст. 6 Конвенции Совета Европы отмечено, что каждая Сторона может принять такие меры, которые она сочтет необходимыми, чтобы квалифицировать в качестве преступлений, согласно ее внутреннему законодательству, все или некоторые действия, указанные в п. 1 данной статьи, в любом из следующих случаев (или во всех этих случаях), когда преступник: а) должен был предполагать, что имущество является доходом, полученным преступным путем; б) действовал с целью получения выгоды; с) действовал с целью способствовать продолжению преступной деятельности. При этом «основное преступление» означает любое преступление, в результате которого были получены доходы, которые могут стать объектом преступления в соответствии со ст. 6 Конвенции Совета Европы (п. «е» ст. 1 Конвенции Совета Европы) [28].

Какой-либо существенной специфики по сравнению с укрывательством в составе преступления, предусмотренного ст. 236 УК Республики Беларусь, ст. 175 УК РФ, ст. 198 УК Украины, не усматривается. По нашему мнению, общими признаками, характеризующими оба данные преступления, являются: а) оба деяния общественно опасны в связи с совершением другим лицом какого-либо преступления, объективно способствуют его сокрытию; б) совершаются уже после окончания преступления без заранее данного исполнителю преступления обещания; в) действия виновных лиц осуществляются в отношении имущества, добытого преступным путем; г) совершаются умышленно; д) у данных преступлений совпадает объект посягательства – интересы правосудия; е) по конструкции объективной стороны они имеют формальный состав; ж) совпадают деяния, составляющие объективную сторону преступлений. Укрывательство предметов, добытых преступным путем, возможно в виде их приобретения, хранения или сбыта виновным без совершения каких-либо других активных действий. По сути своей хранение в обоих случаях означает одно и то же – нахождение предметов у лица. Приобретение предполагает любые способы принятия имущества в свое владение или собственность, не обязательно только их покупку. Нельзя представить действия по сокрытию предметов, добытых преступным путем, без их предварительной передачи укрывателю. Сбыт также не следует сводить лишь к продаже материальных ценностей. Он может заключаться в отчуждении имущества любым способом. Таким способом лицу, совершившему основное преступление, оказывается помощь в избавлении от, пожалуй, основного доказательства его вины. Сказанное тем более справедливо, что в ст. 236 УК Республики Беларусь, ст. 175 УК РФ, ст. 198 УК Украины нет указания на специаль-

ную цель последующего сбыта материальных ценностей, добытых преступным путем.

Легализация («отмывание») материальных ценностей, заведомо приобретенных преступным путем, также является видом укрывательства, поскольку направлена на сокрытие фактов получения имущества именно этим способом, но по сравнению с объективной стороной преступления, запрещенного ст. 236 УК Республики Беларусь, ст. 175 УК РФ, ст. 198 УК Украины, и укрывательства деяние при легализации характеризуется определенной спецификой. Поэтому целесообразно сохранить ответственность за легализацию в отдельной статье уголовного закона, но поместить ее с учетом объекта посягательства в главу 34 «Преступления против правосудия» после ст. 405 УК Республики Беларусь, показав тем самым, что легализация является особым видом укрывательства. Следует, как и в отношении других форм прикосновенности к преступлению, различать заранее обещанные и заранее не обещанные действия по легализации, приобретению, хранению или сбыту имущества, добытого преступным путем.

Анализ норм уголовного законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины позволяет констатировать нерешенность либо противоречивость в регламентации отдельных вопросов ответственности за соучастие в преступлении и прикосновенность. На основе сопоставления соответствующих статей уголовных законов можно адресовать законодательным органам ряд рекомендаций по их изменению и дополнению:

1) в УК Республики Беларусь на базе имеющихся статей 16–20 целесообразно выделить отдельную главу «Соучастие в преступлении». Дополнить ее можно положениями об отграничении соучастия от прикосновенности к преступлению, о соучастии в неоконченном преступлении и преступлении со специальным субъектом, о влиянии на ответственность соучастников обстоятельств, характеризующих личность одного из них;

2) в Общую часть УК Республики Беларусь и РФ включить нормы о прикосновенности к преступлению и ее формах, к примеру, путем введения в ст. 16 УК Республики Беларусь новой части;

3) дополнить ч. 6 ст. 16 УК Республики Беларусь способами интеллектуального пособничества: заранее обещанное недонесение о преступлении, заранее обещанное попустительство преступлению и заранее обещанная легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем;

4) дополнить ст. 405 УК Республики Беларусь примечанием, предусматривающим возможность освобождения от уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство тяжких и особо тяжких преступлений членов семьи и близких родственников лиц, их совершивших;

5) в ст. 406 УК Республики Беларусь установить ответственность лишь за заранее не обещанное недонесение о преступлении;

б) статью, запрещающую легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, поместить с учетом объекта посягательства в главу 34 «Преступления против правосудия» УК после ст. 405 УК и установить в ней ответственность лишь за заранее не обещанную легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем;

7) заранее не обещанное приобретение, хранение или сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем следует рассматривать как вид заранее не обещанного укрывательства, не имеющего существенной специфики по сравнению с последним, в связи с чем исключить ст. 236 из УК Республики Беларусь;

8) выделить в УК РФ и Украины в качестве отдельного вида соучастника руководителя, закрепить возможность пособничества путем оказания иной помощи, предусмотреть уголовную ответственность за недонесение о преступлении; выделить в составе должностного злоупотребления бездействие должностного лица в форме попустительства готовящегося или совершаемому преступлению, установив его наказуемость независимо от наступления последствий.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>. – Дата доступа: 05.01.2015.

3. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 05 апр. 2001 г., № 2341. – Режим доступа: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/>. – Дата доступа: 05.01.2015.

4. Хомич, В. М. Системно-содержательные изменения института соучастия в Уголовном кодексе Беларуси и стандарты законности при квалификации / В. М. Хомич // Судебная практика в контексте принципов права и законности : сб. науч. тр. / редкол. : В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей, 2006. – С. 37–62.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. – 5-е изд., доп. и испр. – М. : Юрайт-Издат, 2006. – 921 с.

6. Бурчак, Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы / Ф. Г. Бурчак. – Киев : Выща школа, 1986. – 207 с.

7. Конвенция против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 15 нояб. 2000 г., № 55/25 ; вступ. в силу для Республики Беларусь 29 сент. 2003 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

8. Питецкий, В. Неудавшееся соучастие в преступлении / В. Питецкий // Рос. юстиция. – 2003. – № 4. – С. 51.

9. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – М. : БЕК, 1996. – 560 с.

10. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : утв. Законом РУз от 22 сент. 1994 г., № 2012-ХП : в ред. Закона РУз от 20.01.2014 г. № ЗРУ-365. – Режим доступа: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug. – Дата доступа: 11.02.2015.

11. Баймурзин, Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению / Г. Баймурзин. – Алма-Ата : Наука, 1968. – 188 с.

12. Пономаренко, Е. В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. В. Пономаренко. – Саратов, 2007. – 26 с.

13. Макаров, А. Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Д. Макаров. – М., 2004. – 176 с.

14. Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. – Т. 5. – М. : Совет. энцикл., 1970. – 740 с.

15. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12 : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 02.06.2011 г. № 2 // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

16. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.). – М. : Известия, 1987. – 1040 с.

17. Безбородов, Д. Уголовная ответственность за заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем / Д. Безбородов, А. Зарубин // Уголовное право. – 2003. – № 4. – С. 7–8.

18. Семилетова, Л. В. О разграничении понятий «заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» и «соучастие в преступлении» / Л. В. Семилетова // Современное право. – 2003. – № 12. – С. 46–48.

19. Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисл. Ф. М. Решетникова. – М. : Изд-во Зерцало, 1998. – 218 с.

20. О толковании Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 1994 г. «О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : заключение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 25 марта 1999 г., № 3-77/99 // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

21. Модельный Уголовный Кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] : принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, 17 февр. 1996 г. – Режим доступа : <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/ihl-nat-3.htm>. – Дата доступа: 05.01.2015.

22. Трифонов, В. Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. Г. Трифонов ; С.-Петерб. ун-т МВД России. – СПб., 2000. – 26 с.

23. Колесник, В. Сомнительные новеллы УК / В. Колесник // Законность. – 1999. – № 3. – С. 27–28.

24. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Российской Федерации, 16 окт. 2009 г., № 19. – 2014. – Режим доступа: <http://www.vsrfr.ru/second.php>. – Дата доступа: 11.02.2015.

25. Панченко, П. Н. Преступное попустительство : учеб. пособие / П. Н. Панченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1976. – 98 с.

26. Зарубин, А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Зарубин. – Тюмень, 2004. – 212 с.

27. Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. – М. : Зерцало, 2000. – 208 с.

28. Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS № 141) [Электронный ресурс] : Конвенция Совета Европы № 141 : [заключена в г. Страсбурге 08.11.1990 г.]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/141.htm>. – Дата доступа: 11.02.2015.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВЫМАНИВАНИЯ КРЕДИТА ИЛИ СУБСИДИИ И СХОДНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Одними из наиболее проблемных для юридической оценки остаются преступления в сфере осуществления экономической деятельности.

Денежно-кредитная система государства – важнейший элемент экономики рыночного типа. Без кредитной поддержки, а в ряде случаев без целевого финансирования государством наиболее значимых сфер экономики невозможно быстрое и цивилизованное становление фермерских хозяйств, предприятий малого бизнеса, внедрение других видов предпринимательской деятельности. В этой связи денежно-кредитная система должна быть надежно защищена от криминальных проявлений, однако денежно-кредитная сфера экономики Беларуси сегодня по-прежнему одна из наиболее криминогенных. Ответственность за получение кредитов с использованием обмана, установленная гражданским законодательством и имплантируемая в тексты заключаемых кредитных договоров, никогда не являлась достаточной мерой, позволяющей обеспечить надлежащую охрану законных прав и интересов кредитодателей. В этой связи в предупреждении и пресечении выманивания кредитов и субсидий первостепенное значение имеют уголовно-правовые меры, направленные на привлечение виновных к ответственности и понуждение их к возмещению материального вреда.

Изучение судебно-следственной практики показало, что наибольшую сложность для правоприменителя представляют проблемы квалификации преступлений, связанных с выманиванием кредитов или субсидий, а также отграничение выманивания от смежных составов преступлений. Неясность многочисленных законодательных положений, регулирующих банковскую сферу деятельности, влечет за собой значительные трудности и ошибки при квалификации выманивания и приводит в ряде случаев к необоснованному отказу в возбуждении и прекращению уголовных дел.

Применение нормы о выманивании кредита или субсидии осложняется и отсутствием однозначного доктринального толкования положений ст. 237 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [1]. Для практических работников следствия и прокуратуры, судей крайне важен научный анализ проблем квалификации, которые постоянно ставят перед ними реальная действительность.

Таким образом, недостаточные изученность и разработанность теоретических и практических проблем уголовной ответственности за выманивание кредита или субсидии, необходимость дальнейшего совершенствования соответствующего законодательства, а также практики его применения определяют актуальность научной разработки элементов данного

состава преступления и обоснованных рекомендаций по его квалификации и отграничению от сходных преступлений.

Выманивание кредита или субсидии, обладая самостоятельными, свойственными только ему объективными и субъективными признаками, имеет также ряд общих черт с другими преступлениями. Поэтому для правильного применения ст. 237 УК и квалификации преступления, предусмотренного данной статьей, необходимо четко представить разграничительные линии между ним и смежными составами. Такое отграничение состава рассматриваемого преступления от признаков, принадлежащих другим составам, является непременным условием правильной квалификации.

На практике немало трудностей возникает при отграничении выманивания кредита или субсидий от состава мошенничества. Сопоставление этих двух видов преступлений показывает, что они сходны по объективной стороне. Способом совершения выманивания и мошенничества является обман, под воздействием которого введенное в заблуждение лицо, в том числе кредитор, передает преступнику имущество (например, кредитные средства).

Вместе с тем обман при выманивании лежит в плоскости обязательственных отношений по обеспечению и развитию экономической деятельности, обман при мошенничестве – в плоскости статики отношений (права) собственности.

Содержание обмана, т.е. обстоятельства, в отношении которых преступник вводит в заблуждение потерпевшего, при выманивании кредита или субсидии и мошенничестве значительно разнятся. Мошеннический обман может проявляться в сообщении заведомо ложных сведений различного характера (касающихся личности виновного, предмета мошенничества и т.д.) либо в несообщении самых разнообразных сведений, имеющих существенное значение для потерпевшего. Содержание же обмана в составе выманивания кредита или субсидии составляют только документы и сведения, имеющие существенное значение для получения кредита или субсидии, а также информация о возникновении обстоятельств, влекущих приостановление кредитования или субсидирования, т.е. главным образом обман лежит в плоскости хозяйственного положения и финансового состояния заемщика.

Отличие проявляется и в форме обмана. Общеизвестно, что мошеннический обман может быть совершен в любой форме: устно, письменно, путем различных действий и путем бездействия. При выманивании заведомо ложные сведения, представляемые в банк или орган, выделяющий дотацию, должны быть официальными, зафиксированными на бумаге. Сведения, не имеющие должного оформления – устные сведения,

личные заверения и т.п. не могут выступать признаком данного состава преступления.

Способом совершения мошеннических действий может выступать как обман, так и злоупотребление доверием, в случае выманивания кредита или субсидии таковым является только обман.

Существенная разница объективной стороны мошенничества и выманивания кредита или субсидии состоит также в конструкции составов рассматриваемых преступлений. Мошенничество имеет материальный состав преступления, для которого наступление определенных общественно опасных последствий в виде причинения имущественного вреда является обязательным признаком деяния. Мошенничество считается оконченным преступлением, когда виновный получает возможность распорядиться изъятым обманным путем имуществом по собственному усмотрению либо реализовать право на имущество. Выманивание кредита или субсидии, напротив, сформулировано законодателем как формальный состав, где причинение имущественного ущерба кредитору не относится к числу обязательных признаков данного деяния. Выманивание признается оконченным в момент деяния – совершения самого обмана, независимо от наступивших последствий.

Предметом хищения при мошенничестве могут быть любые вещи, имеющие экономическую ценность, и право на имущество. Предмет же преступного посягательства при выманивании кредита или субсидии специфичен – это денежные средства, получаемые по кредитному договору или в виде субсидии, а также имущественная льгота, предоставляемая в случае выманивания льготных условий кредитования.

Характерное различие наблюдается и в составе субъектов анализируемых деяний. Если мошенничество может быть совершено любым физическим, вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, то для привлечения к ответственности по ст. 237 УК требуется наличие специального субъекта преступления. На такой специальный субъект дается прямое указание в самом тексте закона. Субъектом выманивания кредита или субсидии может быть только индивидуальный предприниматель или должностное лицо юридического лица. При этом следует заметить, что действия, направленные на безвозмездное завладение кредитными средствами или субсидией могут быть квалифицированы как мошенничество лишь в случае совершения их индивидуальным предпринимателем. Хищение указанных средств должностным лицом юридического лица не может рассматриваться как мошенничество ввиду наличия здесь специального субъекта хищения – должностного лица. Такие действия должны расцениваться по ст. 210 УК как хищение путем злоупотребления служебными полномочиями.

Однако основное отличие мошенничества от выманивания, как отмечают многие ученые, следует проводить по субъективной стороне названных составов преступлений [2, с. 21; 3, с. 41; 4, с. 64; 5, с. 50; 6, с. 10]. На это же обстоятельство обращает внимание Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 8 июня 1998 г. № 4 «О некоторых вопросах применения судами законодательства по делам о выманивании кредита или дотаций» [7]: «судам следует тщательно выяснять направленность умысла заемщика, поскольку от этого зависит правильность квалификации его действий».

Мошеннические действия могут быть совершены только с прямым умыслом. Причем прямой умысел характеризует отношение лица как к совершаемым им действиям, так и к последствиям этих действий. Мошенник не только сознает, что противоправно, безвозмездно, путем обмана или злоупотребления доверием завладевает имуществом или приобретает право на имущество, но и предвидит, что этими действиями причиняет ущерб другому лицу и желает наступления таких последствий. Выманивание кредита или субсидии также характеризуется умышленной формой вины. Действия, направленные на обманное получение кредита или субсидии, совершаются с прямым умыслом: лицо сознает общественно опасный характер своего действия или бездействия и желает его совершить. Однако отношение виновного к возможным последствиям преступных действий характеризуется как прямым (при выманивании субсидии), так и косвенным умыслом, легкомыслием или небрежностью (в случае выманивания кредита, льготных условий кредитования и государственного целевого кредита).

Отличие субъективной стороны мошенничества от выманивания кредита или субсидии прослеживается также в мотивах совершения рассматриваемых преступлений. Основным и обязательным мотивом любого хищения, в том числе и мошенничества, является корысть. Как отмечают В.А. Владимиров и Ю.И. Ляпунов, «под корыстным мотивом понимается внутреннее стремление лица к незаконному обогащению и получению имущественной выгоды при заведомом отсутствии каких-либо правовых оснований претендовать на получение желаемых материальных выгод» [8, с. 50]. УК Республики Беларусь дает определение корыстных побуждений в ч. 10 ст. 4 УК и определяет их как мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат.

Корыстный мотив может присутствовать у лица и при совершении выманивания кредита или субсидии, однако он не является обязательным признаком данного преступления и в отличие от мошенничества не влияет

на квалификацию. Закон признает уголовно-наказуемым выманивание кредита или субсидии по любым мотивам, в том числе и некорыстным.

Самым существенным в разграничении мошенничества и выманивания кредита или субсидии, на наш взгляд, является правильное установление цели, на достижение которой направлены обманные действия. Корыстный мотив при мошенничестве побуждает лицо к постановке корыстной цели, которая является неотъемлемым признаком хищения.

При мошенничестве преступник, преследуя корыстную цель, стремится путем обмана обратить не принадлежащее ему имущество в свою собственность или собственность близких лиц, распорядиться им как своим собственным. Мошенник ставит своей целью поставить себя на место единовластного и постоянного владельца определенного имущества, чтобы получить полную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться похищенным по своему личному усмотрению. Действительный собственник имущества в таком случае, сохраняя за собой право собственности на имущество, фактически полностью утрачивает связь с ним и в результате действий виновного целиком теряет возможность не только владеть и пользоваться им, но главное – распоряжаться имуществом по своей воле. Объектом преступных действий мошенника выступают отношения собственности. Виновный сознает, что своими действиями причиняет имущественный вред собственнику и желает причинить этот вред.

Цель, к достижению которой лицо стремится при выманивании кредита или субсидии, особо оговорена законодателем в диспозиции ст. 237 УК: такой целью является получение кредита, льготных условий кредитования или субсидии. При этом виновный не преследует цель изъять кредитные средства из активов кредитора либо субсидиарные средства у государства, его первоначальные намерения заключаются только в использовании указанными средствами для удовлетворения хозяйственно-финансовых нужд предприятия или индивидуального предпринимателя. У виновного в выманивании кредита или субсидии, несмотря на использование обмана, отсутствует цель безвозмездно обратить чужое имущество в свою пользу или в пользу близких лиц. Преступник в этом случае ни объективно, ни субъективно не ставит и не пытается поставить себя на место собственника. Поэтому имущество не только юридически, но и фактически остается собственностью кредитора или государства. Основным объектом выманивания, в отличие от мошенничества, являются общественные отношения в денежно-кредитной и бюджетной сферах.

Для отграничения мошенничества от выманивания не имеет значения, было ли лицо уверено в том, что оно исполнит кредитно-субсидиарные обязательства. Существенное значение здесь имеет лишь предполагаемая цель дальнейшего использования незаконно полученных

денежных средств. Если же лицо в момент выманивания кредита или субсидии намеревалось исполнить и обязательства по договору (в частности, вернуть кредит), тем более нельзя говорить о наличии в его действиях состава мошенничества. Подтверждением такого намерения может служить надлежащее обеспечение по кредитному договору, например договор залога, где сумма заложенного имущества покрывает сумму возможного ущерба от невозвращения кредита (здесь речь идет только о сумме самого кредита, а не процентов по нему). Указанное обстоятельство исключает возможность утверждения о наличии у лица умысла на мошенническое завладение кредитными средствами, так как одним из основных признаков хищения является безвозмездность изъятия.

В составе выманивания законодателем прямо оговорена специальная цель данного преступления. В соответствии с требованиями статьи деятельность по выманиванию может быть направлена на достижение одного из следующих альтернативных результатов: 1) получение кредита; 2) получение кредита на льготных условиях кредитования; 3) выделение субсидии; 4) получение государственного целевого кредита. При этом лицо стремится путем обмана получить денежные средства в качестве кредита или субсидии не для личного потребления, а для использования их в предпринимательской или иной хозяйственной деятельности. В этом и заключается смысл выманивания.

В тех случаях, когда законодатель помимо способа совершения преступления обязательным признаком называет цель преступного деяния, ее установление является объективно необходимым, так как способ и цель в таком преступлении находятся в органическом единстве. Тот или иной способ используется для достижения определенной указанной в законе цели. Отсутствие цели будет свидетельствовать и об отсутствии состава преступления в целом.

«Смысл включения специальной цели в число признаков состава преступления, – отмечает П.С. Дагель, – заключается в том, чтобы подчеркнуть определенную субъективную направленность деяния, свидетельствующую об особом характере его общественной опасности и разграничить преступления, сходные по объективной стороне и даже по форме вины, но различающиеся по субъективной направленности» [9, с. 42].

Указав специальную цель в составе выманивания, законодатель стремился подчеркнуть особую направленность данного преступления на причинение вреда общественным отношениям в бюджетной и денежно-кредитной сфере и тем самым дать ориентир для разграничения выманивания и мошенничества. Вместе с тем, на наш взгляд, предложенная законодателем формулировка цели преступного выманивания не содержит в себе разрешения поставленных задач, так как недостаточно четко определяет

сферу предполагаемого лицом использования получаемых обманным способом денежных средств.

Из описания способа выманивания и так ясно, что лицо намерено добиться получения кредита или выделения субсидии, поэтому включение в диспозицию статьи слов «с целью получения кредита» по существу не меняет понимания сути рассматриваемого деяния. Более правильным, по нашему мнению, было бы указать не просто цель обманных действий (выманивания), а желаемую сферу использования полученного кредита или субсидии. Результат, к которому стремится виновный – незаконно получить кредитные или субсидиарные средства с целью использования их в осуществлении предпринимательской или иной хозяйственной деятельности. Подобная формулировка позволит правоприменителю глубже понять сущность выманивания и отличие его от преступных посягательств на собственность.

В юридической литературе высказано мнение о том, что, в отличие от выманивания кредита, выманивание субсидии индивидуальным предпринимателем – это вид мошеннических действий, считающихся оконченным преступлением уже на стадии представления органу, выделяющему субсидию, заведомо ложной информации, а ст. 237 УК, соответственно, является специальной по отношению к общей норме – ст. 209 УК [4, с.65; 10, с. 162]. Данное положение аргументировано тем, что субсидии не подлежат возврату и, следовательно, поступив на счет индивидуального предпринимателя в банке, перейдут в его собственность. В силу этого авторы рекомендуют действия лица, связанные с представлением заведомо ложных документов в орган, уполномоченный на выделение субсидии, квалифицировать по ст. 237 УК (исходя из правил квалификации преступлений при конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм), а если такие действия достигли цели получения субсидии – по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 237 и 209 УК.

Однако, если следовать логике указанной точки зрения, криминализация обмана с целью получения субсидии в ст. 237 УК становится странной, так как по существу выманивание субсидии представляется здесь как смягчение ответственности за наиболее опасные виды мошенничества. Изложенная позиция, на наш взгляд, является весьма спорной, поскольку ее авторы необоснованно смешивают понятия выманивания и мошенничества и неверно понимают сущность такого обмана.

Основное отличие выманивания субсидии от мошенничества состоит в том, что субсидиарный обман преследует цель незаконного получения денежных средств для использования их в осуществлении предпринимательской деятельности, тогда как мошеннический обман направлен на завладение субсидией для удовлетворения своих личных потребностей или

потребностей близких лиц. При мошенническом завладении субсидией виновный уже в момент представления в орган, выделяющий субсидию, заведомо ложных документов и сведений рассчитывает присвоить денежные средства и не намерен пускать их в экономический оборот.

В практической деятельности доказать наличие у лица умысла на мошенническое завладение кредитными средствами или субсидией в момент их получения весьма проблематично. Зачастую обман в намерениях обнаруживается лишь на стадии неисполнения обязательства по договору. Однако к этому времени виновные лица, как правило, успевают распорядиться по своему усмотрению полученным имуществом, продумать оправдательные версии, подготовить надежные доказательства своей невиновности. «Для выяснения содержания умысла лица, завладевшего чужим имуществом, установления наличия у него уже в момент получения вещи намерения обратить ее в свою собственность, – пишет И.С. Тишкевич, – нужно учитывать все конкретные обстоятельства дела: характер поведения потерпевшего до случившегося, действия виновного до и после завладения имуществом, наличие данных, подтверждающих намерение взявшего вещь возвратить ее владельцу, или наоборот, сразу присвоить и т.д.» [11, с. 114].

Анализ судебной практики и научных источников показывает, что о заранее обдуманном умысле лица на мошенническое завладение кредитом или субсидией могут свидетельствовать факты сокрытия заемщиком данных о себе; переезд с места жительства и несообщение об этом кредитору; использование кредита или субсидии не на хозяйственную деятельность (помещение на депозитные счета других коммерческих банков, раздача в виде коммерческих кредитов и т.п.); растрата кредитных и субсидиарных средств на личные нужды (оплата учебы своих детей, детей родственников, приобретение недвижимости, ценных бумаг, автомашин, иных дорогостоящих вещей и ценностей, оплата поездок за рубеж и т.п.).

Характерным примером существующих сложностей в разграничении составов выманивания кредита или субсидии и хищения кредитных средств служит уголовное дело по обвинению директора ООО «Солтэм» М., которая на основании представленных в АКБ «Кредкомбанк» заведомо ложных документов (страхового свидетельства, договора купли-продажи товаров и товаро-транспортной накладной на их отгрузку) получила кредит в сумме 500 млн. рублей на покупку 10 тракторов МТЗ-82. Кредитные средства М. были использованы не по целевому назначению, а истрачены на погашение долгов и приобретение путевок для отдыха, по истечении установленного срока кредит банку не возвращен. Органами предварительного следствия директору ООО «Солтэм» М. было предъявлено обвинение в выманивании кредита и хищении кредитных средств путем мошенничества. Суд Первомайского района г. Минска не признал М. винов-

ной в хищении кредитных средств, оправдал ее по указанной статье и осудил за выманивание кредита. Судебной коллегией по уголовным делам Минского городского суда приговор в отношении М. был отменен и дело направлено на новое судебное рассмотрение. При новом рассмотрении суд пришел к выводу, что М. совершила не выманивание кредита, а хищение кредитных средств, так как использовала деньги в личных целях, на протяжении длительного времени мер к погашению кредита не предпринимала и не намеревалась его возвращать. Вместе с тем действия М. были квалифицированы судом не как хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, а как мошенничество.

На практике правоприменитель зачастую сталкивается с проблемами, когда должник обманным способом получает кредит, не имея намерений использовать его в предпринимательской деятельности, но правоохранительные органы далеко не во всех случаях имеют возможность доказать наличие умысла на мошенническое завладение кредитом. Даже при обнаружении ложных сведений и подложных документов на ранней стадии рассмотрения кредитных заявок весьма проблематично определить субъективное отношение лица в виде прямого умысла на мошенническое хищение. Еще сложнее это сделать на более поздних стадиях, так как, завладев денежными средствами и переведя их на счета других фирм, мошенники не прячутся, а сами всячески демонстрируют желание возместить ущерб. Виновный в свое оправдание обычно утверждает, что он не мошенник, а неудачный бизнесмен и что он предполагал вернуть кредит, но у него не получилось.

При недоказанности умысла на мошенничество правоприменителю ничего больше не остается, как квалифицировать подобного рода действия лица по ст. 237 УК. В связи с этим примечателен опыт некоторых стран, например, Англии и Австрии, где кредитный обман может влечь ответственность по обычной норме о мошенничестве [12, с. 192–193]. Уголовные кодексы Японии (ст. 246) и Испании (ст. 248) вообще не проводят разграничения между мошенничеством и кредитным мошенничеством, давая формулировку общеуголовного мошенничества [13, с. 146; 14, с. 104].

В белорусском же уголовном праве, на наш взгляд, нельзя вести речь об исключении ст. 237 из УК по причине сложности отграничения на практике данного преступления от мошенничества. Дело в том, что данная норма предусматривает уголовную ответственность за деяние, которое объективно менее общественно опасно, чем мошенничество, поэтому постановка знака равенства в вопросах ответственности за совершение мошенничества и незаконного получения кредита или субсидии противоречила бы принципу справедливости, предусмотренному ст. 3 УК.

Актуально проведение отграничения выманивания кредита или субсидии от должностного злоупотребления (ст. 424 УК) и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК). Норма об ответственности за злоупотребление властью или служебными полномочиями охватывает в обобщенном виде все возможные случаи преступного злоупотребления властью или служебными полномочиями со стороны должностных лиц. Злоупотребление властью или служебными полномочиями является родовым понятием по отношению ко всем другим умышленным преступлениям должностных лиц с использованием служебных полномочий, которые по существу представляют из себя особые (специальные) случаи должностных злоупотреблений. В качестве одного из таких случаев выступает выманивание кредита или субсидии должностным лицом юридического лица.

При совершении выманивания должностным лицом наблюдается конкуренция общей – ст. 424 УК и специальной – ст. 237 УК норм. Как достаточно единодушно отмечается в уголовно-правовой литературе, конкуренция имеет место в тех случаях, когда совершается одно преступление, которое подпадает под действие двух и более норм, но применению подлежит только одна из них, так как совершено одно преступление.

При конкуренции общей и специальной норм одна из них охватывает определенный круг деяний, а другая (специальная) – часть этого круга, т.е. разновидности деяний, предусмотренных общей нормой. Общая норма шире по объему, охватывает более широкий круг деяний; в то же время специальная норма богаче по содержанию, так как в ней предусматривается больше признаков, за счет которых она выделилась из общей.

«Конкуренция общей и специальной норм, – пишет А.С. Горелик, – выступает тогда, когда в действиях должностного лица имеются признаки общего преступления против интересов службы и специального его вида или же такого общеуголовного преступления, в составе которого прямо оговорена возможность его совершения должностным лицом наряду с другими субъектами; если же такого указания нет, содеянное должно квалифицироваться по совокупности» [15, с. 49].

Главным признаком, выделяющим выманивание кредита или субсидии в специальную норму, является то, что в ней абстрактное использование вопреки интересам службы должностным лицом своих служебных полномочий представлено конкретным описанием соответствующего действия или бездействия должностного лица с указанием цели служебного злоупотребления. Преступное выманивание кредита или субсидии также предусматривает иной основной объект посягательства, наряду с интересами службы, являющимися здесь дополнительным объектом. Различие имеется и в субъектном составе преступлений. Субъектом выманивания, в отличие

от злоупотребления властью или служебными полномочиями, не могут быть любые должностные лица, круг субъектов здесь конкретно оговорен в диспозиции ст. 237 УК – это должностные лица юридических лиц.

Исследуемые составы различаются и по своей конструкции: злоупотребление властью или служебными полномочиями является материальным составом преступления, выманивание – формальным.

В указанном случае конкуренции общей и специальной норм в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 42 УК применению подлежит специальная норма, т.е. ст. 237 УК, ибо она более полно и предметно определяет конкретный вид совершенного должностного злоупотребления. На это обстоятельство обращается внимание в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 4 от 16 декабря 2004 года «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)», а также в ч. 1 примечаний к главе 35 УК. В п. 23 названного постановления отмечается, что «если совершенное должностным лицом преступление предусмотрено в качестве признака преступления, не входящего в главу 35 УК, то такое лицо должно нести ответственность по специальной статье. Дополнительной квалификации его действий по статьям уголовного закона, предусматривающим ответственность против интересов службы, не требуется» [16].

Однако в научных источниках обосновываются и другие позиции относительно правильности квалификации подобных действий. Так, российский исследователь А.А. Мамедов полагает, что действия должностного лица, связанные с незаконным получением кредита, в зависимости от конкретных обстоятельств совершения преступления могут быть квалифицированы по совокупности статей, устанавливающих ответственность за обманное получение кредита и злоупотребление служебными полномочиями, так как при совершении данного преступления вред наносится не только интересам кредитора, но и организации, в которой работает должностное лицо, в виде различных финансовых санкций [17, с. 16].

Позиция А.А. Мамедова представляется не основанной на законе, поскольку УК Российской Федерации содержит норму (ч. 3 ст. 17 УК РФ), аналогичную ч. 2 ст. 42 УК, устанавливающую правила квалификации при конкуренции общей и специальной норм. Действия должностного лица, направленные на неправомерное получение кредитных средств в любом случае (даже если организации не причинен материальный ущерб), нарушают законные интересы юридического лица, от имени которого представлены заведомо ложные сведения для получения кредита, так как они связаны с нарушением закона. Подобные действия нельзя считать совершенными в интересах организации, даже если они принесли ей какую-либо выгоду, одновременно такие действия подрывают престиж организации и

причиняют ей моральный вред. В силу этого, на наш взгляд, недопустимо проводить разграничение в квалификации действий должностных лиц, связанных с незаконным получением кредита, в зависимости от вреда, причиненного такими действиями самому юридическому лицу и соответственно квалифицировать их по совокупности преступлений.

Ряд сходных черт имеют составы выманивания кредита или субсидии, совершенного должностным лицом юридического лица, и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями. Основным моментом, объединяющим эти преступления, является возможность совершения их только должностным лицом, которое и в том, и в другом случае в качестве способа совершения преступления использует свои служебные полномочия. Как хищение, так и выманивание могут быть совершены только умышленно. Оба преступления могут сопровождаться незаконным извлечением имущественной выгоды и причинением ущерба собственнику имущества. Совпадение указанных признаков рассматриваемых преступлений вызывает определенные трудности на практике при их разграничении.

Для правильного разрешения вопроса о разграничении этих преступлений следует обратиться к определению хищения имущества. В соответствии с ч. 1 примечаний к главе 24 УК под хищением понимается умышленное, противоправное, безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью. Таким образом, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями предполагает безвозмездное обращение должностным лицом чужого имущества в свою пользу или пользу близких лиц. Обязательным признаком объективной стороны хищения является корыстная цель – виновный стремится присвоить чужое имущество безвозмездно и навсегда, чтобы приобщить его к собственному имуществу или имуществу близких лиц и использовать его по своему личному усмотрению. Действия лица в случае совершения хищения причиняют материальный ущерб собственнику имущества и имеют своим объектом отношения собственности. Одновременно происходит обогащение преступника за счет того, что он получает возможность распоряжаться изъятым имуществом как собственник и тем самым удовлетворить свои потребности.

При выманивании кредита или субсидии у должностного лица отсутствует корыстная цель в традиционном понимании. Корыстные устремления здесь имеют иное содержание и проявление. Преступник не стремится поставить себя на место собственника кредитных средств или субсидии. Злоупотребление служебными полномочиями направлено на временное получение кредитных средств для использования их в хозяйственно-финансовой деятельности юридического лица с последующим, пусть и не-

своевременным возвращением их займодавцу, либо на неправомерное получение субсидии для расширения экономического оборота юридического лица. Основным объектом преступного выманивания, совершенного должностным лицом, являются отношения в денежно-кредитной и бюджетной сферах, отношения собственности могут рассматриваться лишь как дополнительный объект данного посягательства. Извлечение имущественной выгоды, соответственно, происходит не за счет обращения чужого имущества в свою пользу или пользу близких лиц, а в результате незаконного получения такого имущества во временное или постоянное пользование юридического лица.

Таким образом, действия должностного лица юридического лица, связанные с обманом получением кредита или субсидии, могут расцениваться как хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) в случае, когда будет установлено, что умысел преступника уже в момент введения кредитора или орган, выделяющий субсидию, в заблуждение с использованием своих служебных полномочий был направлен на противоправное и безвозмездное с корыстной целью изъятие и обращение кредитных средств или субсидии в пользу виновного или близких лиц.

При этом следует отметить, что субъектом преступных посягательств при выманивании кредита или субсидии может выступать не любое должностное лицо, а лишь должностное лицо юридического лица, специфичен и предмет посягательства – кредитные и субсидиарные средства или имущественная льгота. Состав выманивания кредита или субсидии сформулирован законодателем как формальный, в чем также наблюдается отличие от состава хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, где состав материальный.

В юридической литературе высказана точка зрения, согласно которой действия должностного лица, представившего заведомо ложную информацию с целью обращения кредита в свою собственность, следует квалифицировать по совокупности преступлений как выманивание кредита или субсидии (ст. 237 УК) и хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК). «Выманивание кредита в этом случае, – пишет А.И. Лукашов, – является приготовлением к хищению, однако ввиду того, что такое приготовление образует состав самостоятельного преступления, должностное лицо должно нести ответственность за выманивание кредита по ст. 237. Последовавшее за этим хищение кредитных средств, поступивших на счет юридического лица, подлежит самостоятельной квалификации по ст. 210 УК» [18, с.118].

Квалификация указанных действий должностного лица по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 237 и ст. 210 УК, на наш взгляд,

является неверной. Представление должностным лицом кредитору или в орган, выделяющий субсидию, заведомо ложных документов и сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для получения кредита или субсидии, с целью обращения денежных средств в свою собственность нельзя рассматривать как приготовление к хищению. Указанные действия входят в состав объективной стороны хищения, так как образуют способ его совершения, каковым является должностной обман. В данном случае представление заведомо ложных документов и сведений – это действие, непосредственно направленное на совершение хищения, должностное лицо таким образом начинает выполнение объективной стороны задуманного преступления. В этой связи указанные действия являются не приготовлением, а покушением на хищение кредитных средств или субсидии путем злоупотребления служебными полномочиями. Если используемый для хищения должностной обман привел к незаконному выделению кредита или субсидии, которые в последующем были обращены должностным лицом в свою пользу, налицо оконченное хищение. Поэтому квалификация подобных действий должностного лица по совокупности преступлений, предусмотренных стст. 237 и 210 УК, недопустима, такие действия следует квалифицировать только по ст. 210 УК. Аналогичная квалификация предложена авторами учебного пособия «Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть» под редакцией Н.А. Бабя и И.О. Грунтова, а также В.В. Хилютой [19, с. 341; 20, с. 55].

Объективные признаки выманивания кредита или субсидии, предусмотренные ст. 237 УК делают его схожим с причинением имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК). Основное сходство наблюдается в том, что субъекты указанных посягательств в результате обманных действий незаконно извлекают имущественную выгоду. Однако, не взирая на внешнюю схожесть, каждая из названных статей устанавливает ответственность за самостоятельные преступные деяния. Различие между ними можно провести по ряду признаков. Так, выманивание кредита или субсидии имеет специфический предмет преступного посягательства: им являются кредитные средства, имущественная льгота и денежные средства, получаемые в виде субсидии. Отличие наблюдается и в способах совершения рассматриваемых преступлений. Если имущественная выгода при причинении имущественного ущерба без признаков хищения может извлекаться в результате обмана, злоупотребления доверием или путем модификации компьютерной информации, то при выманивании кредита или субсидии способом является только обман. Злоупотребление доверием и модификация компьютерной информации не предусмотрены законодателем в качестве значимого с точки зрения уголовного закона способа совершения выманивания кредита или субсидии [21, с. 33].

При этом содержание и форма обмана в указанных преступлениях также разнятся. Обман в составе выманивания кредита или субсидии по содержанию значительно меньше обмана, предусмотренного ст. 216 УК, он может касаться не любых обстоятельств, а только документов и сведений, имеющих существенное значение для получения кредита или субсидии, а также информации о возникновении обстоятельств, влекущих приостановление кредитования или субсидирования. Заведомо ложные сведения должны быть оформлены документально.

В ст. 237 УК, в отличие от ст. 216 УК, законодателем предусматривается возможность совершения описанных в ней деяний только субъектом, обладающим специальными признаками – индивидуальным предпринимателем и должностным лицом юридического лица.

Между тем, самое существенное различие, на наш взгляд, наблюдается в механизме извлечения незаконной имущественной выгоды при совершении рассматриваемых преступлений. В случае причинения имущественного ущерба без признаков хищения вред причиняется отношениям собственности, на охрану которых и нацелена данная норма. Имущественная выгода извлекается виновным в результате неуплаты должного и неразрывно связана с наступлением имущественного ущерба от таких действий (бездействия). Отношение лица к наступлению последствий в виде причинения ущерба характеризуется прямым умыслом: виновный предвидит, что своими действиями сберегает от расходов свое имущество, тем самым причиняет ущерб потерпевшему и желает этого.

При выманивании кредита или субсидии нарушается нормальное функционирование денежно-кредитной и бюджетной систем. Имущественная выгода извлекается в результате незаконного использования виновным в предпринимательской деятельности полученных обманным способом кредитных средств или субсидии. Извлечение имущественной выгоды напрямую не связано с причинением имущественного ущерба. Ущерб кредитору или государству причиняется лишь в случае невозврата кредита или нецелевого использования субсидии. При этом отношение виновного к таким последствиям при выманивании кредита характеризуется косвенным умыслом, легкомыслием или небрежностью; при выманивании субсидии – прямым умыслом. Лицо не желает извлечь имущественную выгоду путем причинения ущерба займодавцу, а стремится, не имея на то законных оснований, получить кредитные средства во временное пользование для осуществления предпринимательской деятельности либо субсидию для расширения экономического оборота предприятия.

Многие практические работники, а также отдельные научные сотрудники рассматривают ст. 216 УК как норму, являющуюся общей по отношению к ст. 237 УК – норме специальной и возлагают на нее большие

надежды. Они полагают, что если ст. 237 УК не может быть применена, например, ввиду несоответствия посягателя признакам специального субъекта, вменяется ст. 216 УК. «Обманные действия физического лица, причинившие банку имущественный ущерб в значительном размере, либо совершенные при наличии иных обстоятельств, приведенных в уголовном законе, – пишет А.И. Лукашов, – подлежат уголовной ответственности по совокупности преступлений по ст. 380 УК и ст. 216 УК» [4, с. 63].

Подобная точка зрения представляется спорной. Механизм извлечения имущественной выгоды в указанных составах преступлений, как указывалось выше, значительно разнится. Весьма сомнительна в такой ситуации возможность рассмотрения ст. 216 УК в качестве общей нормы по отношению к ст. 237 УК – специальной.

Конструируя состав выманивания кредита или субсидии, законодатель преследовал цель уголовно-правовой охраны хозяйственных отношений. В силу этого в круг субъектов данного преступления обоснованно не были включены физические лица, которые получают кредиты на нужды, не связанные с осуществлением финансово-хозяйственной деятельности. Строгое ограничение применения нормы хозяйственной сферой законодателем установлено, на наш взгляд, и в целях отграничения преступного поведения от иных форм правонарушений участников кредитных отношений. Наличие состава преступления связывается с конкретным признаком – выманиванием кредита или субсидии для осуществления предпринимательской или иной хозяйственной деятельности. Указанный признак определяет повышенную степень опасности совершенного деяния и делает его преступным, отсутствие такого признака свидетельствует об отсутствии состава преступления, о пониженной степени опасности совершенного деяния, об отнесении его к числу экономических проступков, влекущих за собой финансовую ответственность.

Кредитные отношения регулируются нормами гражданского и банковского права, которые конкретизируют не только порядок установления таких отношений, но и процедуру восстановления нарушенных прав участников правоотношений. Так, ст. 180 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) дает возможность кредитору признать недействительной сделку, совершенную под влиянием обмана, т.е. предусматривает гражданскую ответственность за действия, аналогичные описанным в диспозиции ст. 237 УК. В данном случае наблюдается межотраслевая конкуренция норм. Уголовный закон, охраняя конституционные права и свободы граждан, установленные ГК, придает значение состава преступления лишь тем действиям (бездействию), которые образуют не просто ненадлежащее исполнение, но общественно опасное нарушение гражданского законодательства. Обманное получение кредита физическим лицом на потребитель-

ские нужды не представляет такой общественной опасности, как выманивание кредита или субсидии для осуществления предпринимательской или иной хозяйственной деятельности, суммы, получаемые по таким кредитам, существенно отличаются.

Мы полагаем, что квалификация действий физического лица, связанных с обманным получением кредита, по ст. 216 УК недопустима. В данном случае сделка может быть признана недействительной как совершенная под влиянием обмана в соответствии с требованиями ст. 180 ГК, а нарушенные права кредитора восстановлены путем добровольных действий кредитополучателя либо в ходе искового производства на любой стадии обнаружения обмана, независимо от наступивших последствий.

Проведенное исследование уголовно-правовой характеристики выманивания кредита или субсидии позволило сформулировать следующие теоретические выводы и правила квалификации.

1. Выманивание кредита или субсидии имеет самостоятельную юридическую природу, не является формой хищения. Состав выманивания обоснованно размещен законодателем в главе о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности, так как данное общественно опасное деяние посягает на общественные отношения в денежно-кредитной и бюджетной сферах. Виновный желает в отсутствие на то законных оснований получить денежные средства во временное пользование для удовлетворения хозяйственно-финансовых нужд предприятия или индивидуального предпринимателя. Криминализация выманивания кредита или субсидии имеет специфические основания, является своевременной, целесообразной и предполагает дальнейшую дифференциацию ответственности с учетом сложного объекта посягательства.

2. Отличие выманивания кредита или субсидии от мошенничества прослеживается в объекте посягательства, содержании и форме обмана, составе субъектов, форме вины, мотивах и цели, а также юридической конструкции данных составов. Для разграничения этих преступлений наиболее существенным является правильное установление цели, на достижение которой направлены обманные действия. При мошенничестве преступник преследует корыстную цель, стремится путем обмана обратить не принадлежащее ему имущество в свою пользу или пользу близких лиц. Лицо, выманивающее кредит или субсидию, намерено получить их путем обмана не для присвоения, а с целью последующего использования таких денежных средств в осуществлении предпринимательской деятельности.

3. Выманивание кредита или субсидии должностным лицом юридического лица представляет собой особый (специальный) случай должностных злоупотреблений. Главным признаком, выделяющим выманивание в специальную норму, является то, что абстрактное использование долж-

ностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы представлено в ней конкретным описанием соответствующего действия или бездействия должностного лица с указанием цели служебного злоупотребления. В случае выманивания кредита или субсидии должностным лицом юридического лица наблюдается конкуренция общей – ст. 424 УК – и специальной – ст. 237 УК норм. Применению в такой ситуации подлежит специальная норма (ст. 237 УК), т.к. она более полно и предметно определяет конкретный вид совершенного должностного злоупотребления.

4. Основное различие в составах выманивания кредита или субсидии, совершенного должностным лицом юридического лица, и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями наблюдается в цели, к достижению которой направлено посягательство. При хищении путем злоупотребления служебными полномочиями лицо преследует корыстную цель и стремится присвоить чужое имущество. Злоупотребление служебными полномочиями в случае выманивания кредита или субсидии направлено на получение кредитных средств для временного использования их в хозяйственно-финансовой деятельности юридического лица либо на неправомерное получение субсидии для расширения экономического оборота предприятия.

5. Существенное отличие состава выманивания кредита или субсидии от причинения имущественного ущерба без признаков хищения выражается в механизме извлечения незаконной имущественной выгоды. В случае причинения имущественного ущерба без признаков хищения имущественная выгода извлекается виновным в результате неуплаты должного и неразрывно связана с наступлением имущественного ущерба от таких действий (бездействия). При выманивании имущественная выгода извлекается в результате незаконного использования виновным в предпринимательской деятельности полученных обманным способом кредитных средств или субсидии и напрямую не связана с причинением имущественного ущерба.

6. Основные сложности в правоприменительной деятельности возникают при отграничении выманивания кредита от мошенничества. В целях установления более четких критериев разграничения указанных составов преступлений, а также для отграничения выманивания от гражданского правонарушения предлагается в ст. 237 УК более четко определить цель, на достижение которой направлены обманные действия при выманивании, дополнив статью после слов «в целях получения кредита либо льготных условий кредитования» уточнением «для осуществления предпринимательской деятельности».

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Векленко, С. Отграничение незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) от смежных преступлений / С. Векленко, С. Гудков // Уголов. право. – 2007. – № 9. – С. 21–26.

3. Жиганов, С. В. Невозврат кредита, полученного обманным путем: тонкости квалификации / С. В. Жиганов // Уголов. процесс. – 2009. – № 9. – С. 40–46.

4. Лукашов, А. И. Выманивание кредита или дотаций: вопросы уголовной ответственности / А. И. Лукашов // Право Беларуси. – 2003. – № 48. – С. 62–65.

5. Хилюта, В. Теория и практика расследования преступлений в сфере банковского кредитования / В. Хилюта // Судовы веснік. – 2004. – № 4. – С. 50–53.

6. Казакевич, С. М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты предупреждения выманивания кредита или дотаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.М. Казакевич; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2005. – 21 с.

7. О некоторых вопросах применения судами законодательства по делам о выманивании кредита или дотаций [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 8 июня 1998 г., № 4 : с изм. и доп. : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 29 марта 2001 г. № 5 // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

8. Владимиров, В. А. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность / В. А. Владимиров, Ю. И. Ляпунов. – М. : Юрид. лит., 1986. – 224 с.

9. Дагель, П. С. Уголовно-правовое значение мотива и цели преступления / П. С. Дагель // Социалист. законность. – 1986. – № 5. – С. 41–44.

10. Теплова, О. Выманивание кредита или дотаций / О. Теплова // Бюллетень нормативно-правовой информации. – 2000. – № 27. – С. 159–162.

11. Тишкевич, И. С. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность / И. С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1984. – 168 с.

12. Уголовный кодекс Австрии : принят 29 янв. 1974 г. : вступ. в силу с 1 янв. 1975 г. : с изм. и доп. на 1 мая 2003 г. / науч. ред. и вступит. ст. С. Ф. Милюкова ; пер. с нем. Л. С. Вихровой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 352 с.

13. Уголовный кодекс Испании : принят в 1995 г. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. – М. : Зерцало, 1998. – 218 с.

14. Уголовный кодекс Японии : Закон от 27 апр. 1907 г. : в ред. Закона от 12 мая 1995 г. : с изм. и доп. на 1 янв. 2002 г. / науч. ред. и предисл. А. И. Коробеева ; пер. с яп. В. Н. Еремина. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 226 с.

15. Горелик, А. С. Конкуренция уголовно-правовых норм / А. С. Горелик. – 2-е изд. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1998. – 68 с.

15. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12 : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 02.06.2011 г. № 2 // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

17. Мамедов, А. А. Квалификация преступлений в сфере кредитных и валютных операций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. А. Мамедов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2001. – 27 с.

18. Лукашов, А. И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации / А. И. Лукашов. – Минск : Тесей, 2002. – 256 с.

19. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. Н. А. Бабия, И. О. Грунтова. – Минск : Новое знание, 2002. – 912 с.

20. Хилюта, В. В. Охрана кредитно-банковских отношений от преступных посягательств / В. В. Хилюта. – Гродно : ГГАУ, 2005. – 160 с.

21. Ванцев, В. А. Борьба с кредитными преступлениями (криминологические и уголовно-правовые проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. А. Ванцев; Моск. гос. юрид. акад. М-ва образования РФ. – М., 2001. – 46 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЕ

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Республики Беларусь и наших ближайших соседей – Российской Федерации и Украины предполагает выявление сходства и различий в установлении законодательных запретов на совершение общественно опасных деяний против интересов службы, подходов к криминализации и декриминализации. Позволяет сделать вывод о том, что из зарубежного законодательного опыта может быть использовано в Республике Беларусь, а что заимствовать не стоит.

В УК РФ, принятом в 1996 г. [1], ответственность за преступления против интересов службы в государственном и частном секторах сразу была предусмотрена в разных главах – в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» и в главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях».

В России субъектами преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ) признаются, как сказано в примечаниях к ст. 285 «Злоупотребление служебными полномочиями» УК РФ, лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ. Под лицами, занимающими государственные должности РФ, понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Под лицами, занимающими государственные должности субъектов РФ – лица, занимающие должности, устанавливаемые конституциями или уставами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий государственных органов.

К числу преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления в РФ отнесены (с учетом изменений и дополнений в российское уголовное законодательство на сегодняшний день) злоупотребление должностными пол-

номочиями (ст. 285) и частные случаи злоупотребления: нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285–1), нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285–2) и внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (ст. 285–3); превышение должностных полномочий (ст. 286), неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа (ст. 285–1), отказ в предоставлении информации Федеральному собранию Российской Федерации или счетной палате Российской Федерации (ст. 287), присвоение государственным служащим или служащим органа местного самоуправления, не являющимся должностным лицом, полномочий должностного лица (ст. 288), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289), получение взятки (ст. 290), дача взятки (ст. 291), посредничество во взяточничестве (ст. 291–1), служебный подлог (ст. 292), незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации (ст. 292–1) и халатность (ст. 293).

В отличие от государственного сектора, субъектами преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 23 УК РФ) являются, как определено в ч. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, а именно выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лица, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях.

При этом если деяние, предусмотренное статьями главы 23 УК РФ, причинило вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия. Если же деяние причинило вред интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, уголовное преследование осуществляется на общих основаниях.

Преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных организациях в российском уголовном законодательстве признаются злоупотребление лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, полномочиями (ст. 201), злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202), превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной орга-

низации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей (ст. 203), коммерческий подкуп (ст. 204). Как видно, в России не криминализованы как преступления управленцев коммерческих и иных организаций превышение полномочий, подлог документов и халатность.

В Республике Беларусь при криминализации преступлений против интересов службы пошли по иному пути. Отдельной главы «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» в УК Республики Беларусь 1999 г. [2] нет. Ответственность за преступления всех должностных лиц – как государственных, так и негосударственных учреждений, организаций, предприятий установлена нормами главы 35 «Преступления против интересов службы» УК. Об этом сказано в понятии должностного лица, закрепленном в п. 3 ч. 4 ст. 4 УК Республики Беларусь: должностными признаются лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей.

В Республике Беларусь криминализованы как должностные преступления злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК), бездействие должностного лица (ст. 425 УК), превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 УК), служебный подлог (ст. 427 УК), служебная халатность (ст. 428 УК), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК), получение взятки (ст. 430 УК), дача взятки (ст. 431 УК), посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК), принятие незаконного вознаграждения работником государственного органа либо иной государственной организации, не являющимся должностным лицом (ст. 433 УК).

Следует обратить внимание на то, что под коммерческим подкупом в уголовных законодательствах Республики Беларусь и России понимаются разные деяния, сходные по объективной стороне и выражающиеся в предоставлении и принятии незаконного вознаграждения. В России субъект принятия коммерческого подкупа – лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. По родовому объекту посягательства это преступление включено в главу 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». В Беларуси такое деяние должностного лица в частном секторе квалифицируется как преступление против интересов службы (глава 35) – получение взятки (ст. 430 УК Республики Беларусь). В составе же принятия коммерческого подкупа (ст. 252 УК Республики Беларусь) в качестве специ-

ального субъекта определен работник индивидуального предпринимателя или юридического лица, не являющийся должностным лицом. Предполагается, что в данном случае юридическое лицо не является государственным органом или иной государственной организацией, поскольку ответственность за принятие незаконного вознаграждения работником государственного органа либо иной государственной организации, не являющимся должностным лицом, предусмотрена в главе 35 УК «Преступления против интересов службы» (ст. 433 УК).

Тем самым сегодня уголовное законодательство Республики Беларусь, в отличие от УК Российской Федерации, обеспечивает равную уголовную ответственность должностных лиц в государственном и частном секторах.

Представляет интерес с точки зрения правоприменения органов уголовной юстиции проблема понимания оценочных последствий в базовом составе должностных преступлений – злоупотреблении властью или служебными полномочиями в Беларуси и России.

В Беларуси ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями установлена ст. 424 УК Республики Беларусь, в части 2 которой сформулировано понятие преступления: это умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. Установлена повышенная ответственность за злоупотребление, совершенное должностным лицом, занимающим ответственное положение, либо при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества, либо повлекшее тяжкие последствия (ч. 3 ст. 424 УК).

В России к числу преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления сегодня отнесены злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и такие частные случаи злоупотребления, как нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285–1), нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285–2) и внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (ст. 285–3). Преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных организациях в российском уголовном законодательстве признаются злоупотребление лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, полномочиями (ст. 201) и злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202).

При этом в статьях 285–285-3 УК РФ в качестве криминообразующего последствия злоупотребления, позволяющего отграничить преступление от должностного проступка, названо «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства»; в ст.ст. 201 и 202 УК РФ последствие сформулировано несколько иначе – «причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства».

«Существенный вред» («существенное нарушение») относится к оценочным признакам состава преступления, вследствие чего установление его содержания представляет на практике значительную сложность. В Беларуси в самом уголовном законе определено только одно правило: существенным вредом в составах преступлений против интересов службы признается совершение должностным лицом с использованием своих служебных полномочий преступления, не названного в главе 35 УК (ч. 1 примечаний к главе 35 УК Республики Беларусь).

Поскольку в законе не содержится более или менее определенных критериев «существенности» вреда, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь закрепил сложившуюся еще в советское время судебную практику в постановлении от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)»: «при решении вопроса о том, является ли вред ... существенным ... судам нужно учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и т.п. Существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка» [3].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» дал более развернутое разъяснение с приведением примерных случаев: «под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления ... следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в госу-

дарственным органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.). При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п. Под нарушением законных интересов граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать, в частности, создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности (например, создание должностным лицом препятствий, ограничивающих возможность выбрать в предусмотренных законом случаях по своему усмотрению организацию для сотрудничества)» [4].

Следует отметить, что в ст. 424 УК Республики Беларусь при определении последствий упущены в качестве охраняемых интересы коммерческих и некоммерческих юридических лиц негосударственной (частной) формы собственности, в т.ч. иностранных. В таком виде ст. 424 УК Республики Беларусь не согласуется с конституционным положением о том, что «государство ... гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности» (ст. 13 Конституции Республики Беларусь). Российское уголовное законодательство в этой части более совершенно: в ст.ст. 201, 202, 285–285–3 УК РФ говорится о причинении существенного вреда не только интересам отдельных граждан, общества или государства, но еще и интересам организаций.

В уголовном законодательстве и Беларуси, и России предусмотрена повышенная ответственность за злоупотребление, повлекшее тяжкие последствия. К тяжким последствиям в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Республики Беларусь относятся «крупные аварии, катастрофы, длительная дезорганизация работы транспорта или производственного процесса, работы учреждения, предприятия, организации, нанесение имущественного ущерба в особо крупных размерах, причинение смерти или тяжких телесных повреждений хотя бы одному человеку, доведение до самоубийства и т.п.» [3]. В России под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком понимаются «последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.» [4].

Как видно, Пленумы Верховных Судов Республики Беларусь и Российской Федерации ясности для практиков не добавили: содержание оценочных понятий «существенный вред» и «тяжкие последствия» раскрывается через такие же оценочные (неопределенные) признаки, что не способствует однозначному пониманию смысла уголовного закона. Очевидно, дискуссия по поводу этих оценочных последствий вряд ли когда-нибудь будет окончена.

Сравнение базового состава злоупотребления властью или служебными полномочиями в уголовных законах Беларуси и Украины позволило отметить, что в Украине сейчас три статьи предусматривают уголовную ответственность за должностное злоупотребление – ст.ст. 364, 364–1 и 365–2 УК Украины [5]. Различаются эти составы, прежде всего, по непосредственному объекту посягательства и специальному субъекту. В Беларуси же предусмотрена равная ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями в одной статье 424 УК Республики Беларусь для всех должностных лиц – работников как государственных, так и негосударственных учреждений, организаций, предприятий.

Сравнивая признаки объективной стороны злоупотребления в уголовном праве Беларуси и Украины, необходимо, прежде всего, обратить внимание на само понятие этого преступления и описание противоправного действия: в ст. 424 УК Республики Беларусь – «злоупотребление властью или служебными *полномочиями*» и, соответственно, «совершение должностным лицом ... действий с использованием своих служебных *полномочий*»; в ст. 364 УК Украины «злоупотребление властью или служебным *положением*» как «использование должностным лицом власти или служебного *положения*».

Тем самым в Украине понятием злоупотребления служебным положением охватывается любое умышленное использование должностным лицом вопреки интересам службы не только своих прав, но также авторитета и возможностей, связанных с должностью. В Беларуси же с 2001 г. не является злоупотреблением и не влечет уголовную ответственность использование должностным лицом не конкретных своих полномочий, а авторитета предоставленной ему власти (должности). Тем самым, как представляется, в УК Беларуси более четко определены границы криминализации злоупотребления и меньше остается простора для усмотрения правоприменителя. Что характерно, в ст.ст. 364–1 и 365–2 УК Украины говорится уже о злоупотреблении полномочиями, а не положением.

Далее – о «потерпевшей стороне». В ст. 424 УК Республики Беларусь, как отмечено выше, при определении последствий упущены в качестве охраняемых интересы коммерческих и некоммерческих юридических лиц негосударственной (частной) формы собственности, в т.ч. иностран-

ных. Украинское уголовное законодательство в этой части более совершенно: в части 1 ст.ст. 364, 364–1 и 365–2 УК Украины говорится о причинении существенного вреда не только интересам отдельных граждан, государственным или общественным интересам, но еще и интересам юридических лиц.

В ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь в качестве последствий названы причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда; в ч. 1 ст.ст. 364, 364–1 и 365–2 УК Украины – причинение существенного вреда. О том, что такой вред может носить материальный и нематериальный характер, говорится в ч. 3 примечаний к ст. 364 УК Украины: «существенным вредом в статьях 364, 364–1, 365, 365–1, 365–2, 367, если он заключается в нанесении материального ущерба, считается такой вред, который в сто и более раз превышает необлагаемый минимум доходов граждан». Критерий крупного размера ущерба установлен в ч. 2 примечаний к главе 35 УК Республики Беларусь – это ущерб на сумму, в 250 и более раз превышающую размер базовой величины.

Выше приведено разъяснение Пленума Верховного Суда Республики Беларусь о содержании оценочного понятия «существенный вред» как последствия злоупотребления. Аналогичное, по сути, разъяснение приведено и в постановлении Пленума Верховного Суда Украины от 26 декабря 2003 г. № 15 «О судебной практике по делам о превышении власти или служебных полномочий» [6]. Как видно, и Пленум Верховного Суда Украины ясности для практиков не добавил: содержание оценочного понятия «существенный вред» раскрывается через такие же оценочные (неопределенные) признаки, что не способствует однозначному пониманию смысла уголовного закона.

В уголовном законодательстве и Беларуси, и Украины предусмотрена повышенная ответственность за злоупотребление, повлекшее тяжкие последствия (ч. 3 ст. 424 УК Республики Беларусь, ч. 2 ст.ст. 364 и 364–1, ч. 3 ст. 365–1 УК Украины). К тяжким последствиям в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Республики Беларусь относятся «крупные аварии, катастрофы, длительная дезорганизация работы транспорта или производственного процесса, работы учреждения, предприятия, организации, нанесение имущественного ущерба в особо крупных размерах, причинение смерти или тяжких телесных повреждений хотя бы одному человеку, доведение до самоубийства и т.п.» [3]. В Украине – причинение потерпевшему тяжких телесных повреждений или смерти, доведение его до самоубийства, причинение материального ущерба, в 250 и больше раз превышающего необлагаемый минимум доходов граждан, развал деятельности предприятия, учреждения, организации, их банкротство, создание аварийной ситуации, повлекшей человеческие жертвы, и т.д. [6].

В рамках сравнительно-правового исследования проведен также анализ соотношения понятий «предмет подкупа» в Европейской конвенции «Об уголовной ответственности за коррупцию», ратифицированной в Республике Беларусь в 2003 г. [7], и «предмет взятки» в УК Республики Беларусь.

Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. предлагает всем подписавшим ее сторонам признать в качестве уголовных правонарушений в соответствии с внутренним правом преднамеренное обещание, предложение или предоставление каким-либо лицом, прямо или косвенно, какого-либо неправомерного преимущества любому из публичных должностных лиц с тем, чтобы оно совершило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций (активный подкуп, ст. 2 Конвенции), испрашивание или получение публичным должностным лицом неправомерного преимущества, принятие предложения или обещания такого преимущества за такое же поведение при осуществлении своих функций (пассивный подкуп, ст. 3 Конвенции). Аналогично термином «неправомерное преимущество» определяется предмет подкупа членов национальных и иностранных публичных собраний, иностранных публичных должностных лиц, должностных лиц международных организаций (ст.ст. 4–6, 9–11 Конвенции), а также предмет подкупа в частном секторе в ходе коммерческой деятельности (ст.ст. 7, 8 Конвенции).

Таким же термином «неправомерное преимущество» определяется предмет подкупа в публичном и частном секторах и в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 года (ст.ст. 15, 16, 18, 21, 22), которая была ратифицирована в Беларуси в 2004 г. [8].

В Республике Беларусь используемым в названных конвенциях понятиям «пассивный подкуп» и «активный подкуп» соответствуют такие преступления против интересов службы (глава 35 УК), как получение взятки (ст. 430 УК) и дача взятки (ст. 431 УК), которые вместе с посредничеством во взяточничестве (ст. 432 УК) относятся к категории коррупционных преступлений.

Получение взятки определяется в ч. 1 ст. 430 УК как принятие должностным лицом для себя или для близких материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера, предоставляемых исключительно в связи с занимаемым им должностным положением, за покровительство или попустительство по службе, благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку или представляемых им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий.

Тем самым в качестве предмета взятки в уголовном законе Республики Беларусь названы, во-первых, материальные ценности, во-вторых – выгоды имущественного характера. Именно в таком понимании предмет взятки является обязательным признаком составов получения взятки, дачи взятки и посредничества во взяточничестве (ст.ст. 430–432 УК). В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» [9] разъясняется: «предметом взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т.п.) либо выгоды имущественного характера независимо от их стоимости, предоставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением (различного вида услуги, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие оплате, производство строительных, ремонтных, иных работ и т.п.)».

В.М. Хомич к выгодам имущественного характера как предмету взятки относит также «замаскированные виды вознаграждения: передача части акций с условием их оплаты за счет дивидендов; занижение стоимости приватизированных объектов; уменьшение ставок арендной платы или процентных ставок за пользование банковским кредитом (ссудой), оплата фиктивной работы по совместительству и т.д.» [10, с. 558].

К выгодам имущественного характера Н.А. Бабий предлагает «относить и предоставление должностному лицу прав имущественного характера, хотя и без полномочий, присущих праву собственности. Примером такого рода прав является включение должностного лица в число участников субъектов хозяйствования, например, общества с ограниченной ответственностью». «Под имущественными выгодами, – продолжает Н.А. Бабий, – следует понимать и избавление должностного лица от материальных затрат, т.е. освобождение его от выполнения возникших ранее обязанностей материального характера (прощение долга), а также занижение причитающихся к оплате денежных сумм, например, размера платежей за пользование кредитом или арендуемым помещением» [11, с. 313].

В п. 12 названного постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 [9], определено, что предмет взятки во всех случаях подлежит оценке в национальной валюте Республики Беларусь на основании действующих цен, официального курса иностранных валют, расценок или тарифов на услуги. При их отсутствии оценка предмета взятки должна происходить на основании заключения экспертов о его стоимости на момент совершения преступления.

Тем самым, как видно, предмет взятки в уголовном законе Республики Беларусь, включающий материальные ценности и выгоды имущественного характера, т.е. незаконное материальное вознаграждение, соот-

ветствует понятию «неправомерное преимущество», используемому в названных конвенциях.

Вместе с тем под понятие «неправомерное преимущество» подпадают также услуги нематериального характера и иные проявления нематериального преимущества. Однако в Республике Беларусь предоставление и получение услуг нематериального характера (к примеру, помощь при поступлении в вуз, на работу, выдача положительной характеристики, лестный отзыв в средствах массовой информации или другом печатном издании и т.п.) не являются взяточничеством.

Тем самым возникает вопрос: стоит ли, следуя рекомендациям названных конвенций, расширить в уголовном законе Республики Беларусь содержание предмета взятки путем включения в него, наряду с материальным вознаграждением, еще и «неправомерного преимущества нематериального характера»? Представляется, что нет. Ведь если еще можно оценить предмет взятки в национальной валюте Республики Беларусь и определить размер взятки, хотя и это нередко достаточно сложно, то определить, какой круг явлений должно охватывать понятие «неправомерное преимущество нематериального характера», вовсе невозможно. Можно с достаточной уверенностью прогнозировать, что появление этого нового оценочного признака приведет к необоснованному расширению уголовной репрессии, поскольку будут размыты границы криминализации получения и дачи взятки. Увеличится вероятность квалификационных ошибок, заключающихся в признании преступлениями тех деяний, которые таковыми не являются.

Кроме того, получение должностным лицом услуг нематериального характера или иного неправомерного преимущества нематериального характера за свои действия (бездействие) по службе свидетельствует о его «иной личной заинтересованности» и, тем самым, при наличии остальных обязательных признаков состава преступления, может быть признано соответственно злоупотреблением властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) или бездействием должностного лица (ст. 425 УК), т.е. коррупционными преступлениями. Но преступлением следует признавать не само по себе получение должностным лицом услуг нематериального характера за свои действия (бездействие) по службе, а именно обусловленное такой заинтересованностью противоправное поведение должностного лица, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. При отсутствии таких последствий содеянное образует не преступление, а должностной проступок.

Тем самым механическое перемещение понятия «неправомерное преимущество» из Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за

коррупцию в уголовное законодательство Республики Беларусь не будет способствовать соблюдению принципа законности при привлечении должностных лиц за нарушения по службе к уголовной и иным видам ответственности и вряд ли повысит социальную эффективность правоприменительной деятельности в сфере борьбы с коррупционными преступлениями.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>. – Дата доступа: 05.01.2015.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12 : с изм. и доп. : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 02.06.2011 г. № 2 // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Российской Федерации, 16 окт. 2009 г., № 19. – Режим доступа : http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=6439. – Дата доступа : 05.01.2015.

5. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 05 апр. 2001 г., № 2341. – Режим доступа: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/>. – Дата доступа: 05.01.2015.

6. О судебной практике по делам о превышении власти или служебных полномочий [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Украины, 26 дек. 2003 г., № 15. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v0015700-03/print138259350577592>. – Дата доступа: 05.01.2015.

7. О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: Закон Респ. Беларусь, 26 мая 2003 г., № 199-З: с изм. и доп.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.06.2008 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

8. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 2004 г., № 344-З: с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.06.2008 г. // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

9. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6 : с изм. и доп. : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 24.09.2009 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

10. Правила регистрации, учета и квалификации преступлений : науч.-практ. пособие для следователей прокуратуры / Н. А. Бабий [и др.]; под общ. ред. Н. А. Бабя. – Минск : Тесей, 2008. – 744 с.

11. Коррупционная преступность : криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.]; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2008. – 504 с.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Значение проблем законодательного закрепления и квалификации преступлений против интересов службы в практической деятельности органов уголовного преследования и суда определяется важностью проблем борьбы с коррупцией в государстве. Результаты противодействия коррупции зависят от комплекса принимаемых общественно-политических, социальных и экономических мер, в том числе от правильного применения уголовного закона. Вместе с тем нередко допускаемые в следственной и судебной практике ошибки, обусловленные сложностью юридической оценки преступных деяний должностных лиц, препятствуют эффективной борьбе с коррупцией. Ошибочное понимание уголовного закона и, как следствие, неправильное его применение приводят в одних случаях к необоснованному расширению уголовной репрессии, в других же позволяют должностным лицам, действительно виновным в коррупционных преступлениях, уклониться от уголовной ответственности.

Одним из проблемных вопросов правоприменения остается определение имущественного ущерба и существенного вреда как квалификационных последствий преступлений против интересов службы. Правильное установление содержания и объема имущественного ущерба и существенного вреда влияет на разграничение преступлений, на отграничение преступлений против интересов службы от иных правонарушений – административных и дисциплинарных, индивидуализацию наказания, решение вопросов освобождения от уголовной ответственности и, конечно же, на возмещение ущерба, причиненного коррупционными преступлениями.

Любое преступление причиняет вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Это – широкое понимание последствий преступления. Однако для юридической оценки (квалификации) преступлений и отграничения их от других преступлений, а также разграничения с иными правонарушениями необходимо учитывать только те общественно опасные последствия, которые предусмотрены в статье Уголовного кодекса в качестве обязательного признака объективной стороны конкретного состава преступления.

Установление вида и размера общественно опасного последствия (вреда) является залогом не только правильной квалификации деяния, но и назначения справедливого наказания. Одним из принципов уголовного закона и уголовной ответственности является принцип справедливости, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовной ответственности должны быть справедливыми, т.е. устанавливаться и назначаться с учетом

характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного (ч. 6 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [1]). Характер общественной опасности преступления определяется видом вреда, а степень общественной опасности – его размером. Принцип индивидуализации наказания, закрепленный в ст. 62 «Общие начала назначения наказания» УК, предполагает учет судом при назначении наказания, наряду с иными обстоятельствами, характера нанесенного вреда и размера причиненного ущерба.

Важность установления общественно опасных последствий по уголовному делу подчеркивается в ряде норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [2]. При производстве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовного дела подлежат доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 89 УПК). В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должно быть приведено описание инкриминируемого обвиняемому преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 89 УПК (п. 2 ч. 1 ст. 241 УПК). Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления (ч. 1 ст. 360 УПК).

Преступление с материальным составом признается совершенным, т.е. юридически оконченным, в момент наступления общественно опасного последствия, предусмотренного в диспозиции статьи Особенной части УК. Тем самым такие последствия являются обязательным признаком преступлений с материальным составом. Под ними в теории уголовного права понимают: а) вредные изменения в объективной действительности, б) вред, причиненный преступлением объекту, охраняемому уголовным законом, в) предусмотренный уголовным законом существенный вред, причиняемый участникам общественных отношений путем посягательства на принадлежащие им социальные блага и т.д.

Как представляется, именно последнее определение, предложенное Н.А. Бабием [3, с. 125], можно назвать наиболее полным и признать допустимым для целей практического использования при квалификации преступлений, поскольку оно содержит разграничительный признак – «существенность» вреда, позволяющий отграничить преступление от малозначительного деяния.

Как определяется в ч. 4 ст. 11 УК, «не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительно-

сти не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению. Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания» [1].

Общественно опасные последствия (далее – последствия) могут иметь материальный или нематериальный характер. К материальным последствиям относят имущественный, физический и экологический вред.

К умышленным коррупционным преступлениям, наряду с иными, относятся совершаемые из корыстной либо иной личной заинтересованности такие преступления против интересов службы, как злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК), бездействие должностного лица (ст. 425 УК) и превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 УК). Эти преступления традиционно называют должностными, подразумевая, что они совершаются специальным субъектом – должностным лицом с противоправным использованием служебных полномочий.

В ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425 и ч. 1 ст. 426 УК сформулированы материальные составы должностных преступлений. В качестве альтернативных обязательных признаков основного состава они включают причинение одного из последствий: имущественного ущерба в крупном размере, существенного вреда правам и законным интересам граждан, существенного вреда государственным интересам либо существенного вреда общественным интересам.

В п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» (далее постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12) [4] сказано: «учитывая, что одним из признаков объективной стороны злоупотребления властью или служебными полномочиями, бездействия должностного лица, превышения власти или служебных полномочий является причинение крупного ущерба ... судам при рассмотрении таких дел надлежит проверять и указывать в приговоре размер причиненного ущерба».

Квалифицирующим признаком в ч. 3 ст. 424, ч. 3 ст. 425 УК и особо квалифицирующим признаком в ч. 3 ст. 426 УК является причинение в результате этих умышленных должностных преступлений тяжких последствий. Тяжким последствием признается, наряду с иными, также причинение имущественного ущерба в особо крупном размере, о чем сказано

в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 [4].

Имеют формальный состав лишь бездействие, сопряженное с попустительством преступлению (ч. 2 ст. 425 УК), и превышение власти с насилием, мучением или оскорблением потерпевшего либо применением оружия или специальных средств (ч. 3 ст. 426 УК). Эти преступления при наличии названных признаков, характеризующих деяние, способ, орудия его совершения, имеют формальный состав и поэтому признаются оконченными преступлениями с момента совершения самого деяния независимо от наступления последствий.

Имущественный ущерб может быть причинен незаконными действиями должностного лица а) гражданам (как работникам организации, учреждения, предприятия, где работает должностное лицо, в том числе подчиненным, так и посторонним гражданам), либо б) юридическим лицам (тому, где работает должностное лицо, или посторонним), либо в) государству.

Возможность причинения должностным лицом имущественного ущерба всем названным или только кому-либо из них зависит от объема и характера служебных полномочий. Для установления прав, обязанностей и запретов должностного лица, а также порядка его действий в различных ситуациях необходимо обращение к нормативным правовым актам, регулиющим служебную деятельность должностного лица.

В уголовном праве под материальным последствием в виде имущественного ущерба понимается: а) уменьшение имеющегося (наличного) имущества, а также б) неполучение причитающегося имущества (в т.ч. денег).

Для правильной квалификации необходимо выделить способы и определить механизм причинения имущественного ущерба.

Уменьшение имеющегося (наличного) имущества называют еще реальным материальным (имущественным) ущербом. В организации, учреждении, на предприятии – недостачей имущества. Но сама по себе недостача имущества еще не свидетельствует о его хищении материально ответственным лицом. Необходимо установить причины образования недостачи.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить характерные способы (механизмы) умышленного причинения должностными лицами реального имущественного ущерба в виде уменьшения имущества:

- хищение имущества;
- уничтожение имущества;
- повреждение имущества;
- приведение имущества иным способом в непригодное для эксплуатации состояние;

- незаконное отчуждение имущества (при отсутствии признаков хищения);
- незаконное расходование имущества (при отсутствии признаков хищения);
- незаконные поборы с подчиненных или посторонних лиц – физических или юридических (при отсутствии признаков хищения и дачи-получения взятки);
- нецелевое использование полученных по договору с государственным органом (организацией) бюджетных средств (при отсутствии признаков хищения);
- сокрытие имущества, вверенного виновному или находящегося в соответствии со служебной компетенцией в его распоряжении (при отсутствии признаков хищения);
- незаконное оставление имущества с целью отказа от права собственности на него (брошенные движимые вещи, имущество);
- незаконное изъятие имущества у собственника – постороннего юридического или физического лица и его удержание либо передача иному лицу – физическому или юридическому (при отсутствии признаков хищения);
- возникновение у юридического или физического лица имущественных обязательств, которые он на себя не принимал, и их вынужденное выполнение;
- вынужденная оплата юридическим или физическим лицом работ, услуг, которые были незаконно выполнены для должностного лица, к примеру, оплата его личных телефонных переговоров, ремонта личного автомобиля и т.д. (при отсутствии признаков хищения и дачи-получения взятки);
- расходование средств юридического лица в связи с гражданско-правовой ответственностью за ненадлежащее исполнение обязательств перед кредиторами;
- незаконное возмещение (в виде реального возврата) плательщику из бюджета сумм налогов и (или) таможенных платежей (при отсутствии признаков хищения) и др.

Определение способа (механизма) причинения имущественного ущерба влияет на юридическую оценку (квалификацию) содеянного. Вместе с тем следует учитывать, что имущественный ущерб некоторыми названными способами может быть причинен не только умышленно, но также по неосторожности или вовсе невиновно.

Для утраты имущества нехарактерна умышленная вина. Утратой признается выбывание вверенного должностному лицу имущества из обладания собственника или иного законного владельца помимо его воли по

собственной неосторожности либо без вины должностного лица в результате стихийного бедствия, действия непреодолимой силы и т.д., в результате чего имущество становится бесконтрольным (безнадзорным) и может быть присвоено посторонними. Тем самым причинение имущественного ущерба вследствие утраты имущества не может быть последствием умышленных должностных преступлений.

Одним из способов причинения должностными лицами имущественного ущерба в виде уменьшения имеющегося (наличного) имущества является его хищение. Хищение имущества может: а) быть совершено самим должностным лицом либо б) быть следствием его деяний, когда оно само не принимало непосредственное участие в завладении имуществом.

Хищением имущества признается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью одним из способов, перечисленных в ст.ст. 205–212 УК (ч. 1 примечаний к главе 24 «Преступления против собственности» УК). Как определено в примечаниях к ст. 295 УК и к главе 29 УК, признается хищением независимо от наличия или отсутствия корыстной цели умышленное противоправное безвозмездное завладение огнестрельным оружием, его составными частями или компонентами, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами, оружием массового поражения либо основными частями такого оружия (ст. 294 УК), радиоактивными материалами (ст. 323 УК), наркотическими средствами, психотропными веществами либо их прекурсорами или аналогами (ст. 327 УК), сильнодействующими или ядовитыми веществами (ст. 333 УК).

Совершение хищения имущества самим должностным лицом в качестве исполнителя или соисполнителя в составе группы лиц по предварительному сговору квалифицируется как хищение имущества путем злоупотребления служебными полномочиями по ст. 210 УК, либо как присвоение или растрата по ст. 211 УК, либо как одно из специальных хищений (ст.ст. 294, 323, 327 или 333 УК).

Как разъясняется в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» (далее – постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15) [5], «хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) характеризуется использованием должностным лицом своих служебных полномочий для завладения имуществом или приобретения права на него. При этом не имеет значения, находится ли имущество в непосредственном владении должностного лица либо вверено другим лицам, через которых должностное лицо в силу служебных полномочий имеет право по управлению и распоряжению им. Разновидностями такого

хищения могут являться: присвоение имущества, в отношении которого должностное лицо в силу своих служебных полномочий имеет право по управлению и распоряжению; умышленное незаконное получение должностным лицом средств в качестве премий, надбавок к заработной плате, а также пенсий, пособий и других выплат; обращение в свою собственность средств по заведомо фиктивным трудовым соглашениям или иным договорам под видом заработной платы за работу или услуги, которые фактически не выполнялись или были выполнены не в полном объеме, и т.п.».

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 [5] сказано: «хищение имущества путем присвоения или растраты (ст. 211 УК) может быть совершено только лицом, которому это имущество вверено. По этой же статье УК наступает ответственность должностного лица, не использовавшего своих служебных полномочий для завладения вверенным ему имуществом. Вверенным является имущество, в отношении которого лицо в силу трудовых, гражданско-правовых или иных отношений наделено полномочиями владения, пользования или распоряжения. Присвоение выражается в обращении виновным в свою пользу вверенного ему имущества, а растрата – в отчуждении такого имущества или в потреблении его самим виновным. Растрата ранее уже присвоенного имущества не меняет способа хищения с присвоения на растрату».

Хищение имущества может быть также следствием действия или бездействия должностного лица, когда хищение было совершено иными лицами – его подчиненными или вовсе посторонними, а само должностное лицо не принимало непосредственное участие в завладении имуществом:

– хищение вследствие злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) или их превышения (ст. 426 УК), когда должностное лицо использовало свои властные или другие служебные полномочия для соучастия в хищении иным лицом (лицами) в виде организации хищения, подстрекательства к хищению или пособничества ему; в соответствии с ч. 1 примечаний к главе 35 «Преступления против интересов службы» УК такое соучастие в хищении влечет ответственность по совокупности преступлений, и, кроме того, признается существенным вредом злоупотребления властью или служебными полномочиями или их превышения;

– хищение вследствие бездействия должностного лица (ст. 425 УК), когда оно заранее обещало иному лицу не препятствовать хищению; заранее обещанное попустительство преступлению признается соучастием в виде пособничества, что также в соответствии с ч. 1 примечаний к главе 35 УК влечет ответственность по совокупности преступлений, и, кроме того, признается существенным вредом бездействия должностного лица;

– хищение может быть следствием бездействия должностного лица, когда оно заранее не обещало иному лицу не препятствовать хищению; заранее не обещанное попустительство преступлению квалифицируется только по ст. 425 УК и не образует соучастия в хищении;

– хищение может быть следствием служебной халатности должностного лица, когда хищение совершается подчиненными или вовсе посторонними лицами;

– хищение может быть совершено иными лицами без вины должностного лица (последние два варианта хищения не связаны с умышленными преступлениями должностных лиц).

Под уничтожением имущества следует понимать его полное разрушение, исчезновение либо приведение в состояние, не позволяющее использовать это имущество по назначению, когда оно не может быть восстановлено либо его восстановление экономически нецелесообразно. Размер ущерба, который должен учитываться при квалификации, определяется стоимостью уничтоженного имущества.

Повреждение имущества – это физическое, химическое и иное воздействие на вещь, которое привело к снижению, полной или частичной утрате свойств имущества и, соответственно, к снижению или полному лишению его стоимости вследствие изменения внешнего вида имущества, приведения его в состояние временной непригодности к использованию по назначению при условии (в отличие от уничтожения имущества), что сниженные и (или) утраченные при этом свойства могут быть восстановлены и восстановление имущества экономически целесообразно. Размер ущерба, который должен учитываться при квалификации, определяется суммой реальных и обоснованных расходов собственника (иного законного владельца) на полное восстановление имущества.

Следует отметить, что порча имущества не является самостоятельным способом причинения ущерба, т.к. в результате порчи имущество либо уничтожается, либо повреждается. Частные лица за умышленное уничтожение или повреждение имущества несут ответственность по ст. 218 УК.

Приведение имущества иным способом в непригодное для эксплуатации состояние может наступить, к примеру, в результате его загрязнения – радиоактивного, химического, бактериологического, токсического или иного. Не всякое загрязнение имущества признается причинением имущественного ущерба. Приведением имущества в непригодное состояние следует признавать загрязнение при достижении такого уровня, который: а) в соответствии с действующими нормативами признается опасным для жизни и здоровья людей и (или) для окружающей среды, и (либо)

б) не позволяет с технической точки зрения использовать имущество по назначению.

Размер ущерба зависит от технической возможности либо невозможности, а также экономической целесообразности или нецелесообразности восстановления безопасных эксплуатационных свойств имущества. При квалификации необходимо учитывать размер имущественного ущерба: а) если восстановление имущества невозможно либо возможно, но нецелесообразно – в размере стоимости имущества; б) если восстановление возможно и целесообразно – в размере реальных и обоснованных расходов собственника имущества (иного законного владельца) на проведение дезактивационных или иных восстановительных мероприятий.

Незаконным признается отчуждение имущества, вверенного должностному лицу или находящегося в соответствии со служебной компетенцией в его распоряжении, вопреки закону (запрету) или на основании закона, но с нарушением установленного порядка. Это – волевое действие. Вверенным является имущество, в отношении которого лицо в силу трудовых, гражданско-правовых или иных отношений наделено полномочиями владения, пользования или распоряжения (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 [5]). Имущество, находящееся в распоряжении – это имущество, в отношении которого должностное лицо имеет и использует свои служебные полномочия по оперативно-хозяйственному управлению или распоряжению через иных лиц.

Незаконное отчуждение имущества может быть возмездным или безвозмездным. Возмездным будет незаконное отчуждение, к примеру, при нарушении порядка разгосударствления или приватизации государственного имущества. Безвозмездным незаконным отчуждением следует признавать передачу имущества иному лицу – физическому или юридическому, на которое последнее не имеет ни действительного, ни предполагаемого права, без получения взамен денежного или натурального эквивалента.

Обязательный признак – отсутствие при незаконном безвозмездном отчуждении имущества корыстной цели (в отличие от хищения), о чем сказано в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 [5]. Если получателем имущества при незаконном безвозмездном отчуждении является сам виновный, его близкий либо иное лицо, в судьбе которого виновный материально заинтересован, налицо корыстная цель, что свидетельствует о хищении имущества. Частные лица за незаконное безвозмездное отчуждение вверенного имущества (при отсутствии корыстной цели) несут ответственность по ст. 217 УК.

Должностное лицо, используя свои служебные полномочия вопреки интересам службы, может незаконно израсходовать имущество, ему вверенное или находящееся в соответствии со служебной компетенцией в его распоряжении. При превышении власти или служебных полномочий – незаконно израсходовать еще и постороннее имущество, в отношении которого должностное лицо не имеет никаких правомочий. Обязательное условие для квалификации незаконного расходования имущества только как преступления против интересов службы по ст. 424 или ст. 426 УК – отсутствие признаков хищения.

Это может быть:

- незаконное расходование имущества физического или юридического лица без завладения им – топлива, масел при пользовании принадлежащими им автомобильной, строительной и др. техникой;

- незаконное расходование (потребление) газа, электро- и тепловой энергии, которые оплачивает физическое или юридическое лицо;

- необоснованное перечисление денег по договору вследствие завышения стоимости и объемов работ, услуг;

- оплата средствами учреждения, организации, предприятия работ, услуг, которые не производились вовсе (при отсутствии признаков хищения);

- незаконная передача имущества посторонним лицам – физическим или юридическим (при отсутствии признаков незаконного отчуждения и хищения);

- незаконное расходование денежных средств юридического лица, где работает должностное лицо, путем выплаты заработной платы рабочим, чей труд использовался должностным лицом в рабочее время в личных целях (на уборке урожая, строительных, ремонтных работах и т.д.);

- незаконное приобретение товаров (продукции, материалов), услуг, работ по более высоким ценам, чем это было возможно и целесообразно; размер незаконного расходования – разница между обоснованной и завышенной ценой (определение целесообразности в хозяйственных отношениях и обоснованности цены – предмет отдельного исследования);

- незаконное начисление должностным лицом заработной платы, премиальных вознаграждений, надбавок к заработной плате, а также пенсий, пособий и других выплат подчиненным (следует учитывать, что незаконное начисление руководителем предприятия денег себе, в том числе в соучастии с подчиненными, к примеру, с главным бухгалтером, своими заместителями, является хищением);

- незаконное получение средств юридического лица по заведомо фиктивным трудовым соглашениям или иным договорам под видом заработной платы за работу или услуги, которые фактически не выполнялись или были выполнены не в полном объеме, а также по фиктивным коман-

дировочным удостоверениям, когда командировок не было вовсе либо командировочные расходы были завышены (при отсутствии признаков хищения, т.е. когда незаконно полученные деньги не присвоены должностным лицом, а израсходованы на нужды организации, учреждения, предприятия) и др.

Незаконные поборы с подчиненных или посторонних лиц – физических или юридических – это требование должностным лицом у подчиненных или посторонних лиц (физических или юридических) имущества, денег и их получение а) для нужд организации, учреждения, предприятия или б) на общественные нужды. В первом случае это, к примеру, требование топлива для служебного автомобиля, денег для приобретения оргтехники, мебели и т.п., во втором – требование и сбор денег на строительство памятника, облагораживание закрепленной территории населенного пункта и т.д.

Незаконные поборы совершаются без инициативы со стороны граждан или представителей юридических лиц, вопреки их желанию и даже под угрозой причинить вред их правоохраняемым интересам. Следует учитывать, что превышение власти или служебных полномочий, сопряженное с незаконными поборами, признается преступлением независимо от мотива, в том числе и когда совершается из ложно понятых интересов службы, общества и государства при отсутствии корыстной и иной личной заинтересованности.

Незаконные поборы признаются превышением власти или служебных полномочий, когда отсутствуют признаки хищения и дачи-получения взятки, т.е. когда должностное лицо требует и получает имущество не для себя или своих близких, а на служебные или общественные нужды.

Имущественным ущербом, наряду с уменьшением имущества, является также неполучение причитающегося имущества (в т.ч. денег). Способами его причинения могут быть:

- неперечисление или неполное перечисление в бюджет обязательных платежей – налогов, сборов, таможенных платежей, иных платежей;
- неперечисление или неполное перечисление физическим или юридическим лицам денег за пользование их имуществом, выполнение ими работ или оказание услуг, когда оплата была обязательной;
- неисполнение должником перед кредитором имущественной обязанности, к примеру, вследствие уклонения от погашения кредиторской задолженности (ст. 242 УК);
- незаконное возмещение (в виде зачета) плательщику из бюджета сумм налогов и (или) таможенных платежей и др.

Как обоснованно отмечает В.М. Хомич, «не могут учитываться при исчислении квалификационного (уголовно-правового) размера ущерба ма-

териальные потери субъекта хозяйствования в связи с применением штрафных типов ответственности, например, административно-экономических санкций за административные правонарушения против порядка осуществления предпринимательской деятельности, а также начисленные (установленные) и выплаченные премии (надбавки к должностным окладам) главным специалистам предприятий (организаций) при наличии задолженности по налогам, сборам (пошлинам), пеням. ... Вряд ли следует рассматривать в качестве квалификационного ущерба случаи реализации должностным лицом заложенного имущества в смысле причинения ущерба, например, банковскому учреждению, с которым был заключен кредитный договор, поскольку у залогодержателя (банка) в рамках гражданско-правового обязательства существует возможность добиться исполнения обязательства в полном объеме и за счет иного имущества, принадлежащего залогодателю» [6, с. 256–257].

Нельзя рассматривать как ущерб дебиторскую задолженность предприятия, когда срок исковой давности не истек и взыскание задолженности возможно.

Выделенные способы причинения имущественного ущерба могут быть использованы для выдвижения и проверки версий в надзорной деятельности органов прокуратуры, в работе контролирующих органов, при проведении проверок и предварительного расследования, в оперативно-розыскной деятельности, а предложенные формулировки – при составлении процессуальных документов – постановлений о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела, постановлений о привлечении в качестве обвиняемого и приговоров.

Одним из проблемных вопросов правоприменения остается определение размера имущественного ущерба как квалификационного последствия преступлений против интересов службы. Выработаны правила определения этого последствия для целей уголовно-правовой квалификации и разграничения преступлений и иных правонарушений.

Имущественный ущерб подлежит денежной оценке в национальной валюте Республики Беларусь. Если ущерб первоначально определен в иностранной валюте, следует исчислять его размер на основании официального курса иностранных валют.

Для квалификации размер имущественного ущерба определяется на день его причинения, т.е. наступления вредного последствия, а не на момент совершения общественно опасного деяния и не на время проведения проверки, предварительного расследования, судебного рассмотрения уголовного дела. Для цели возмещения ущерба сумма устанавливается на день возмещения, но это уже за рамками применения уголовного права. Тем самым для уголовно-правовой квалификации должен быть точно

установлен момент причинения вреда, что не всегда очевидно, когда между деянием – нарушением должностного лица по службе и наступившим в результате последствием – имущественным ущербом существует разрыв во времени.

Размер имущественного ущерба должен быть установлен точно. Формулировки «не более» или «не менее» в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в приговоре не допускаются. Обвинение и приговор должны быть конкретными: вменить в вину можно только точно установленный и доказанный размер ущерба.

Размер ущерба определяется на основе цен, действовавших на момент его причинения (т.е. на момент наступления последствия). Зачастую для определения размера ущерба необходимо назначение и проведение проверки, ревизии, экспертизы (товароведческой, судебно-экономической, комплексной технико-экономической и др.).

При этом следует обратить внимание специалистов (экспертов) на необходимость установления размера имущественного ущерба отдельно на день его причинения (для цели квалификации) и на день проведения проверки, ревизии, экспертизы (для возмещения ущерба).

Как правило, противоправное воздействие на имущество, приведшее к его хищению, уничтожению и т.д., происходит спустя время после приобретения его собственником. Поэтому при определении размера имущественного ущерба для цели квалификации следует учитывать не цену этого имущества на момент его приобретения (нового имущества), тем более что цены в последние два с половиной десятилетия постоянно менялись, а действительную цену (остаточную стоимость) имущества на момент причинения ущерба. Стоимость имущества устанавливается на основе документов, обязательно учитываются его износ, интенсивность использования, повреждения, имевшиеся до противоправного воздействия на имущество, и другие факторы.

При установлении размера имущественного ущерба в результате преступлений против интересов службы можно придерживаться разъяснения, которое было дано Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь применительно к хищениям имущества: «при определении стоимости похищенного имущества следует исходить в зависимости от обстоятельств приобретения его собственником из государственных розничных, рыночных, комиссионных или иных цен на день совершения преступления. При отсутствии цены, а при необходимости и в иных случаях стоимость имущества определяется на основании заключения эксперта» (п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» [5]).

Критерии определения размера имущественного ущерба в результате преступлений против интересов службы установлены в ч. 2 примечаний к главе 35 УК: ущербом в крупном размере признается ущерб на сумму, в 250 и более раз превышающую размер базовой величины (БВ), ущербом в особо крупном размере – на сумму, в 1 000 и более раз превышающую размер БВ. Это – квалификационный ущерб, который влияет на отграничение должностного преступления от должностного проступка, а также на вменение предусмотренного ч. 3 ст.ст. 424–426 УК квалифицирующего признака «причинение тяжкого последствия», которым признается ущерб в особо крупном размере.

При квалификации следует учитывать размер базовой величины, который был установлен Постановлением Совета Министров Республики Беларусь на период, к которому относится момент причинения имущественного ущерба, т.е. наступления последствия (а не время совершения деяния – должностного нарушения).

Соответствие размера имущественного ущерба базовой величине устанавливается путем выполнения арифметического действия «деление».

Для правильной юридической оценки факта возмещения должностным лицом имущественного ущерба важно установить момент юридического окончания преступления против интересов службы. Преступление с материальным составом признается оконченным при фактическом наступлении последствий, указанных в статье Особенной части УК (ч. 3 ст. 11 УК).

Недопущение наступления имущественного ущерба до момента его фактического причинения, т.е. до момента юридического окончания преступления, если лицо сознавало возможность доведения преступления до конца, свидетельствует о добровольном отказе от преступления. В соответствии с ч. 2 ст. 15 УК деяние, в отношении которого осуществлен добровольный отказ, не влечет уголовной ответственности. Лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит признаки иного преступления.

Тем самым не может включаться в общую сумму имущественного ущерба тот ущерб, наступление которого было добровольно не допущено должностным лицом.

Вместе с тем полное или частичное добровольное возмещение ущерба после юридического окончания преступления (т.е. после фактического причинения должностным лицом имущественного ущерба) не влияет на определение размера имущественного ущерба, не исключает уголовную ответственность и не учитывается при квалификации. Однако подобное посткриминальное поведение должностного лица, свидетельствующее о его деятельном раскаянии, может быть признано судом при назначении наказания

обстоятельством, смягчающим ответственность (п. 4 ч. 1 ст. 63 УК), а при условиях, определенных в ст.ст. 86–89 УК, может послужить одним из оснований освобождения от уголовной ответственности.

При определении размера имущественного ущерба следует учитывать разницу между такими понятиями, как уничтожение и повреждение имущества. Размер ущерба зависит от технической возможности либо невозможности, а также экономической целесообразности или нецелесообразности восстановления безопасных эксплуатационных свойств имущества. Если восстановление имущества невозможно либо возможно, но нецелесообразно – при квалификации должен учитываться имущественный ущерб в размере стоимости имущества. Если же восстановление имущества возможно и целесообразно – размер реальных и обоснованных расходов собственника имущества (иного законного владельца) на проведение дезактивационных или иных восстановительных мероприятий.

Разновидностью незаконного расходования имущества, т.е. денежных средств организации, учреждения, предприятия (при отсутствии признаков хищения), является незаконное приобретение товаров (продукции, материалов), услуг, работ по более высоким ценам, чем это было возможно и целесообразно (понятие «целесообразность» в хозяйственных отношениях – предмет отдельного исследования). Размер имущественного ущерба при незаконном расходовании определяется разницей между обоснованной и завышенной ценой.

Определенную сложность представляет разграничение таких схожих умышленных должностных преступлений, причиняющих имущественный ущерб, как злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершенное из корыстных побуждений (ч. 2 ст. 424 УК), и хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК).

Как определяется в ч. 2 ст. 424 УК, злоупотребление властью или служебными полномочиями – это умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Хищением путем злоупотребления служебными полномочиями признается завладение имуществом либо приобретение права на имущество, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ст. 210 УК).

При их разграничении следует руководствоваться разъяснением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, содержащимся в пп. 14 и 15 постановления от 21 декабря 2001 г. № 15 [5]: «хищение путем злоупо-

требления служебными полномочиями (ст. 210 УК) характеризуется использованием должностным лицом своих служебных полномочий для завладения имуществом или приобретения права на него. При этом не имеет значения, находится ли имущество в непосредственном владении должностного лица либо вверено другим лицам, через которых должностное лицо в силу служебных полномочий имеет право по управлению и распоряжению им.

Разновидностями такого хищения могут являться: присвоение имущества, в отношении которого должностное лицо в силу своих служебных полномочий имеет право по управлению и распоряжению; умышленное незаконное получение должностным лицом средств в качестве премий, надбавок к заработной плате, а также пенсий, пособий и других выплат; обращение в свою собственность средств по заведомо фиктивным трудовым соглашениям или иным договорам под видом заработной платы за работу или услуги, которые фактически не выполнялись или были выполнены не в полном объеме, и т.п.

Злоупотребление служебными полномочиями, которое хотя и было совершено по корыстным мотивам и причинило имущественный вред, однако не связано с безвозмездным завладением имуществом (например, сокрытие путем запутывания учета недостачи, образовавшейся в результате служебной халатности, временное пользование имуществом без намерения обратить его в свою собственность, расходование денег на устройство банкетов, приемов и т.п.), не образует состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК».

Тем самым при злоупотреблении властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) путем незаконного использования служебных полномочий извлекается имущественная выгода, но не происходит безвозмездное обращение имущества в свою собственность или собственность других лиц; при хищении (ст. 210 УК) злоупотребление служебными полномочиями является способом завладения имуществом без намерения вернуть его обратно собственнику.

В.М. Хомич также обращает внимание на то, что «для злоупотребления из корыстной заинтересованности в контексте отграничения от хищения характерен имущественный ущерб в виде неполучения от должностного лица компенсации за использование финансовых или материальных ресурсов (средств) в корыстных целях, а для хищения – уменьшение наличного имущества (финансовых средств) вследствие безвозмездного изъятия имущества или права на его получение (обладание, приобретение)» [59, с. 266].

Расходование незаконно полученных средств по заведомо фиктивным трудовым соглашениям или иным договорам под видом заработной платы за работу или услуги, которые фактически не выполнялись или бы-

ли выполнены не в полном объеме, по фиктивным командировочным удостоверениям, когда командировки не было вовсе либо командировочные расходы были завышены, на нужды организации, учреждения, предприятия является не хищением имущества, а злоупотреблением властью или служебными полномочиями либо их превышением (преступлением или проступком в зависимости от наличия других обязательных признаков этих составов преступлений, предусмотренных ст. 424 или ст. 426 УК).

Завладение должностным лицом полученными таким образом деньгами является хищением имущества и квалифицируется по ст. 210 или ст. 211 УК.

Как следует из приведенного разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, незаконное расходование должностным лицом денег на устройство банкетов, приемов и т.п. квалифицируется как злоупотребление служебными полномочиями, а не хищение (п. 15 постановления от 21 декабря 2001 г. № 15 [5]). Подразумевается, что подобные мероприятия проводятся в интересах службы, т.е. организации, учреждения, предприятия.

Однако расходование должностным лицом материальных средств юридического лица на устройство личных банкетов, приемов и т.п. по случаю своего юбилея, награждения и т.п. следует признавать хищением имущества, поскольку в таком случае присутствуют все его признаки – умышленность и противоправность действий, безвозмездность завладения имуществом и корыстная цель.

Признаки хищения отсутствуют, когда должностное лицо, совершая с использованием служебных полномочий действия, направленные на незаконное возмещение из бюджета сумм налогов и (или) таможенных платежей в виде реального возврата, не имеет корыстной цели, полученные денежные средства им не обналичиваются и не присваиваются, а используются в интересах организации.

Завладение должностным лицом деньгами, полученными юридическим лицом (плательщиком) в результате реального возврата из бюджета сумм налогов и (или) таможенных платежей, образует хищение.

Злоупотреблением служебными полномочиями является незаконное отчуждение имущества (возмездное или безвозмездное), вверенного должностному лицу или находящегося в соответствии со служебной компетенцией в его распоряжении, вопреки закону (запрету) или на основании закона, но с нарушением установленного порядка (при отсутствии признаков хищения).

Безвозмездным незаконным отчуждением следует признавать передачу имущества иному лицу – физическому или юридическому, на которое последнее не имеет ни действительного, ни предполагаемого права, без

получения взамен денежного или натурального эквивалента. Обязательный признак – отсутствие при незаконном безвозмездном отчуждении имущества корыстной цели (в отличие от хищения), о чем сказано в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 [5].

Если же получателем имущества при незаконном безвозмездном отчуждении является сам виновный, его близкий либо иное лицо, в судьбе которого виновный материально заинтересован, налицо корыстная цель, что свидетельствует о хищении имущества.

Разграничив при юридической оценке конкретного случая, что произошло – хищение имущества путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) либо злоупотребление властью или служебными полномочиями (с. 424 УК), следует обратить внимание на размер причиненного ущерба.

Квалификационный размер ущерба при хищении имущества, позволяющий разграничить преступление и административное правонарушение – мелкое хищение, ответственность за которое установлена ст. 10.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [7], определяется в ч. 4 примечаний к главе 24 «Преступления против собственности» УК: «не подлежит уголовной ответственности лицо, совершившее хищение имущества юридического лица путем кражи, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения или растраты в сумме, не превышающей десятикратного размера базовой величины, установленного на день совершения деяния, за исключением хищения ордена, медали, нагрудного знака к почетному званию Республики Беларусь или СССР, или хищение имущества физического лица путем кражи, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения или растраты в сумме, не превышающей двукратного размера базовой величины, установленного на день совершения деяния, за исключением хищения ордена, медали, нагрудного знака к почетному званию Республики Беларусь или СССР либо хищения, совершенного группой лиц, либо путем кражи, совершенной из одежды или ручной клади, находившихся при нем, либо с проникновением в жилище». Такое же положение содержится в примечании к ст. 10.5 КоАП.

Квалификационный размер ущерба для состава злоупотребления властью или служебными полномочиями, позволяющий разграничить преступление и должностной проступок, определяется в ч. 2 примечаний к главе 35 «Преступления против интересов службы» УК: «...ущербом в крупном размере в статьях настоящей главы признается ... ущерб на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления». Тем самым причи-

нение при должностном злоупотреблении имущественного ущерба в размере, не превышающем 250 базовых величин, когда отсутствует иной существенный вред, может быть расценено только как должностной проступок, влекущий дисциплинарную ответственность.

Различна юридическая оценка должностного нарушения как способа совершения хищения и способа его сокрытия. Хищением путем злоупотребления служебными полномочиями признается завладение имуществом либо приобретение права на имущество, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ст. 210 УК). Если злоупотребление властью или служебными полномочиями, превышение власти или служебных полномочий либо служебный подлог являлись способом совершения хищения, т.е. были совершены до завладения имуществом должностным лицом, содеянное охватывается ст. 210 УК и дополнительной квалификации по ст.ст. 424, 426 или 427 УК не требует.

Если же эти должностные нарушения были совершены после юридического окончания хищения с целью его скрыть и избежать уголовной и материальной ответственности, содеянное (при наличии обязательных признаков состава) образует реальную совокупность хищения (ст. 210 УК) и соответствующего преступления против интересов службы (ст.ст. 424, 426 или 427 УК).

Проблематична квалификация соучастия должностного лица с использованием служебных полномочий в совершении преступления иным лицом. Характерными являются случаи, когда должностное лицо, используя свои служебные полномочия либо проявляя бездействие, совершает соучастие в преступлении, которое исполняется другим лицом, при этом само должностное лицо не принимает непосредственное участие в его исполнении. Это могут быть, к примеру: а) организация должностным лицом преступления, совершаемого его подчиненными; б) склонение должностным лицом своего подчиненного к преступлению с использованием его служебной зависимости; в) заранее обещанное должностным лицом непрепятствование совершению преступления; г) пособничество со стороны сотрудника таможенного органа уклонению от уплаты таможенных платежей путем незаконного оформления перемещаемых через границу товаров и т.п.

При квалификации следует придерживаться правила, прямо закрепленного в тексте УК: должностное лицо, которое использовало свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в главе 35 «Преступления против интересов службы» УК, должно нести ответственность по совокупности преступлений. При этом совершение такого преступления признается существенным вредом, предусмотренным статьями главы 35 УК (ч. 1 примечаний к главе 35 УК).

В приведенных случаях содеянное, при наличии других обязательных признаков состава, должно квалифицироваться по совокупности преступлений как соответствующее преступление против интересов службы – злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК), бездействие должностного лица (ст. 425 УК) либо превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 УК) и, кроме того, как соучастие в преступлении исполнителя (со ссылкой на части 4, 5 или 6 ст. 16 УК). Это – идеальная совокупность преступлений, когда одним действием (бездействием) совершается одновременно и должностное преступление, причиняющее существенный вред, и соучастие в ином преступлении.

Обязательное условие – в содеянном исполнителем должен быть признан состав преступления. При отсутствии в деянии исполнителя состава преступления (к примеру, когда оно квалифицируется как административный проступок) не может быть уголовно-правового соучастия со стороны должностного лица. Это, к примеру, случаи мелкого хищения, административных таможенных и налоговых правонарушений и т.д.

Хищение имущества также может быть следствием действия или бездействия должностного лица, когда хищение было совершено иными лицами – его подчиненными или вовсе посторонними, а само должностное лицо не принимало непосредственное участие в завладении имуществом:

– хищение вследствие злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) или их превышения (ст. 426 УК), когда должностное лицо использовало свои властные или другие служебные полномочия для соучастия в хищении иным лицом (лицами) и совершило активные действия в виде организации хищения, подстрекательства к хищению или пособничества ему;

– хищение вследствие бездействия должностного лица (ст. 425 УК), когда оно заранее обещало иному лицу не препятствовать хищению; заранее обещанное попустительство преступлению признается соучастием в виде пособничества (ч. 6 ст. 16 УК).

В соответствии с ч. 1 примечаний к главе 35 УК такое соучастие в хищении влечет ответственность по совокупности преступлений, и, кроме того, признается существенным вредом злоупотребления властью или служебными полномочиями, их превышения и бездействия должностного лица.

В случаях, когда хищение было следствием бездействия должностного лица, но оно заранее не обещало иному лицу не препятствовать хищению, подобное заранее не обещанное попустительство преступлению квалифицируется только по ст. 425 УК и не образует соучастия в хищении.

Представляет проблему правильная квалификация случаев, когда начальник отдает подчиненному незаконный приказ совершить преступление и последний, сознавая его преступный характер, выполняет этот при-

каз путем совершения преступления, однако сам подчиненный по предусмотренным законом основаниям либо не подлежит уголовной ответственности, либо освобождается от нее. Это, в частности, могут быть случаи, когда:

- потерпевший от одного из преступлений, перечисленных в ст. 33 УК, не выразил в установленном порядке требование привлечь виновного к уголовной ответственности;

- к подчиненному применены основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в ст.ст. 83, 86–89 УК;

- потерпевший не обратился с заявлением в отношении близкого о совершенных тем краже, мошенничестве, присвоении, растрате, угоне транспортного средства или маломерного водного судна (ч. 6 примечаний к главе 24 УК);

- подчиненный после дачи взятки, посредничества во взяточничестве либо соучастия в получении или даче взятки, исполненных по заведомо преступному приказу начальника, добровольно заявил о содеянном (примечания к ст.ст. 431 и 432 УК) и т.п.

В таких случаях необходимо учитывать, что не само деяние признается непроступным, а только деятель, т.е. исполнитель (подчиненный) не подлежит уголовной ответственности или освобождается от нее.

От умышленного совершения преступления во исполнение приказа (распоряжения) необходимо отличать случаи, когда по подстрекательству начальника, действующего не в связи со служебной деятельностью (к примеру, на основе личных товарищеских отношений), подчиненный совершает преступление. То же можно сказать об организации либо руководстве начальником совершения подчиненным преступления. Поскольку такие личные отношения находятся вне порядка подчиненности и не посягают на интересы службы, действия начальника должны быть квалифицированы только по правилам соучастия в конкретном преступлении, исполнителем которого был подчиненный. В таком случае нет оснований для дополнительной квалификации содеянного начальником как превышения власти или служебных полномочий.

Традиционно проблематичным остается разграничение продолжаемого преступления и повторных преступлений, в том числе при квалификации преступлений против интересов службы, прежде всего, злоупотреблений властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК). Сложилась негативная практика, когда в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого и приговорах по уголовным делам о многоэпизодных должностных преступлениях без приведения и оценки признаков продолжаемого преступления механически складываются размеры ущерба, причиненного в каждом эпизоде, и содеянное квалифицируется с учетом общей

суммы как преступление против интересов службы, повлекшее имущественный ущерб в крупном или особо крупном размере. В процессуальных документах обязательные признаки продолжаемого преступления и сам этот термин не приводятся, потому что они либо вовсе не устанавливаются в ходе предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела в суде, либо не могут быть доказаны органом уголовного преследования, а суд это не принимает во внимание.

Тем самым понятие «продолжаемого преступления», что является единым сложным преступлением, подменяется понятием «преступной деятельности», которая состоит из ряда отдельных преступлений и образует множественность преступлений. Однако подобная практика противоречит законодательно определенному принципу уголовного закона и уголовной ответственности – принципу личной виновной ответственности (ч. 5 ст. 3 УК) и является, по сути, объективным вменением. Само по себе систематическое совершение должностных преступлений еще не свидетельствует о совершении одного продолжаемого преступления. Систематичность – это совершение более двух тождественных или однородных преступлений (ч. 15 ст. 4 УК), это повторность как вид множественности преступлений (ст. 41 УК).

Нормативно понятие продолжаемого (единого) преступления и, соответственно, критерии отграничения его от множественности преступлений определены только применительно к хищениям имущества и получению взятки. Как сказано в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 [5], «продолжаемым хищением следует считать неоднократное противоправное безвозмездное завладение имуществом с корыстной целью, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, если они совершены при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии у лица общей цели и единого умысла на хищение определенного количества материальных ценностей».

В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» [8] определено: «если взятка в крупном либо в особо крупном размере получена частями, но эти действия представляли собой эпизоды одного продолжаемого преступления, содеянное должно квалифицироваться как получение взятки в крупном либо в особо крупном размере».

Для случаев же многоэпизодных злоупотреблений властью или служебными полномочиями, их превышения и бездействия должностного лица подобное правило квалификации нигде не определено.

Основываясь на приведенных нормативных разъяснениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, можно сформулировать и предложить для практического использования понятие: продолжаемым долж-

ностным преступлением, когда допустимо сложение всех размеров ущерба в каждом эпизоде и учет при квалификации общей суммы ущерба, можно считать два (или более) тождественных, т.е. одинаковых, преступных действия (действий), если они совершены при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии у лица общей цели и единого умысла на причинение определенного размера имущественного ущерба.

Тем самым определяющим для признания нескольких эпизодов должностных нарушений единым продолжаемым преступлением является содержание субъективной стороны – наличие общей цели и единого умысла на причинение определенного размера имущественного ущерба, а не сами по себе общий размер ущерба или частое совершение нарушений.

Как обращает внимание В.М. Хомич, «для определения окончательного размера ущерба допускается сложение сумм стоимости ущерба, причиненного нескольким субъектам, если такой ущерб охватывался единым умыслом» [6, с. 255].

Когда же должностному лицу ни количество эпизодов, ни размер ущерба, который будет причинен в каждом случае, заранее известны не были, при таком неконкретизированном умысле говорить об общей цели и едином умысле на причинение определенного имущественного ущерба, что является одним из обязательных признаков продолжаемого преступления, нет оснований.

Поэтому, когда умысел на совершение последующего деяния возникал у лица каждый раз заново, несколько деяний продолжаемым правонарушением не признаются и сложение сумм ущерба, причиненного в результате каждого из них, не допускается. Каждый эпизод с причинением ущерба необходимо оценивать отдельно как самостоятельное деяние – преступление или проступок в зависимости от наличия или отсутствия обязательных признаков состава преступления.

Если ущерб по отдельному эпизоду не превышает размер, соответствующий 250 БВ, т.е. не образует крупный размер, при отсутствии существенного вреда и тяжких последствий содеянное вообще не может быть признано преступлением, а образует только должностной проступок.

С учетом изложенного можно предложить правила квалификации (на примерах).

Если в результате каждого из трех эпизодов одного продолжаемого должностного преступления был причинен ущерб на сумму, соответствующую 100, 150 и 200 БВ, содеянное представляет единое преступление, повлекшее ущерб на общую сумму 450 БВ, т.е. в крупном размере. Это – должностное преступление.

Если же умысел на совершение последующего деяния с причинением имущественного ущерба возникал у должностного лица каждый раз за-

ново, пусть даже одинаковыми способами и в одном месте, несколько деяний продолжаемым правонарушением не признаются и сложение сумм ущерба, причиненного в результате каждого из них, не допускается. Каждый эпизод (деяние) и причиненный ущерб необходимо оценивать самостоятельно.

Пример 1: в результате трех злоупотреблений должностного лица причинен ущерб на сумму, соответствующую в первом случае 100 БВ, во втором 150 и в третьем – 200 БВ. Поскольку ни в одном из случаев ущерб не составил сумму, соответствующую 250 и более БВ, т.е. крупный размер, при отсутствии существенного вреда содеянное не может быть признано преступлением, а в каждом случае расценивается только как должностной проступок.

Пример 2: тремя самостоятельными злоупотреблениями должностного лица причинен ущерб на сумму, соответствующую в первом случае 100 БВ, во втором 350 и в третьем – 200 БВ. Поскольку только во втором случае ущерб составил сумму, эквивалентную более 250 БВ, т.е. крупный размер, он должен признаваться преступлением. Первый и третий факты злоупотреблений при отсутствии существенного вреда расцениваются как должностные проступки.

При определении особо крупного размера ущерба следует применять такие же правила. Сложение всех сумм ущерба, причиненного в результате каждого эпизода, применяется только тогда, когда общий размер ущерба охватывался единым умыслом должностного лица и несколько эпизодов образуют одно продолжаемое преступление. К примеру, если в результате трех эпизодов одного продолжаемого должностного преступления был причинен ущерб на сумму, соответствующую 300, 400 и 500 БВ, содеянное представляет единое преступление, повлекшее ущерб на сумму, эквивалентную 1 200 БВ, т.е. в особо крупном размере. Поскольку это является тяжким последствием, содеянное будет квалифицировано по ч. 3 ст. 424, ч. 3 ст. 425 или ч. 3 ст. 426 УК.

Если же умысел на совершение должностного преступления или проступка возникал всякий раз заново, сложение сумм ущерба не допускается. Каждый эпизод необходимо оценивать как самостоятельное деяние – преступление или проступок в зависимости от наличия или отсутствия обязательных признаков состава преступления.

Пример 1: в результате трех отдельных преступлений должностного лица был причинен ущерб на сумму, соответствующую в первом случае 300 БВ, во втором 400 и в третьем – 500 БВ. Поскольку ни в одном из случаев ущерб не составил сумму, соответствующую более 1 000 БВ, но в каждом превышает 250 БВ, содеянное следует квалифицировать как должностное преступление по признаку причинения ущерба в крупном размере

по ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425 или ч. 1 ст. 426 УК (при отсутствии квалифицирующих признаков). Причинение тяжкого последствия в виде ущерба в особо крупном размере (ч. 3 ст. 424, ч. 3 ст. 425 или ч. 3 ст. 426 УК) в таком случае вменить нельзя.

Пример 2: в результате шести самостоятельных злоупотреблений должностного лица в каждом случае был причинен ущерб на сумму, соответствующую 200 БВ. Несмотря на то, что общая арифметическая сумма составляет 1 200 БВ, для целей уголовно-правовой квалификации при отсутствии доказанности продолжаемого преступления такое сложение сумм ущерба не допускается. Более того, поскольку ни в одном из случаев ущерб не составил сумму свыше 250 БВ, т.е. крупный размер, при отсутствии существенного вреда либо каких-то тяжких последствий содеянное вообще не может быть признано преступлением, а в каждом случае расценивается только как самостоятельный должностной проступок.

Сформулированные правила квалификации умышленных преступлений против интересов службы призваны способствовать формированию единой следственно-судебной практики. Правильная юридическая оценка содеянного обеспечит соблюдение законности при решении вопросов уголовной и дисциплинарной ответственности должностных лиц и повысит социальную эффективность правоприменительной деятельности в сфере борьбы с коррупцией.

Актуальна для правоприменительной практики проблема определения существенного вреда как криминообразующего (квалификационного) последствия умышленных преступлений против интересов службы (ст.ст. 424–426 УК).

В связи с использованием в УК оценочных признаков, в том числе при определении общественно опасных последствий, одними из наиболее проблемных для применения остаются нормы главы 35 УК «Преступления против интересов службы». Правильное установление содержания существенного вреда как последствия злоупотребления властью или служебными полномочиями (ч. 2 ст. 424 УК), бездействия должностного лица (ч. 2 ст. 425 УК) и превышения власти или служебных полномочий (ч. 1 ст. 426 УК) влияет на разграничение преступлений, на отграничение преступлений против интересов службы от иных правонарушений – административных и дисциплинарных, индивидуализацию наказания, решение вопросов освобождения от уголовной ответственности.

Понятие «существенный вред» относится к оценочным признакам состава преступления, вследствие чего установление его содержания представляет значительную сложность. Четких критериев разграничения существенного и несущественного вреда, т.е. преступного и не преступного поведения должностного лица, нет. Это расширяет рамки усмотрения право-

применителя, что может привести (а нередко и приводит) на практике к неоправданному расширению уголовной репрессии, увеличивает вероятность квалификационных ошибок, заключающихся в признании преступлений теми деяниями, которые таковыми в силу недостаточной общественной опасности не являются.

Поскольку в законе не содержится более или менее определенных критериев «существенности» вреда, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь закрепил сложившуюся еще в советское время судебную практику в п. 19 постановления от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» [216]: «при решении вопроса о том, является ли вред, причиненный правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, существенным (ч. 2 ст. 424 УК, ч. 2 ст. 425 УК, ч. 1 ст. 426 УК), судам нужно учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и т.п. Существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка».

Как видно, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь ясности для практиков не добавил: содержание оценочного понятия «существенный вред» раскрывается через такие же оценочные (неопределенные) признаки, что не способствует однозначному пониманию смысла уголовного закона. Поэтому к проблеме определения содержания существенного вреда все чаще обращаются как теоретики, так и практики [225; 226; 67; 31; 227; 73]. Вместе с тем, очевидно, дискуссия по поводу этого оценочного последствия вряд ли когда-нибудь будет окончена.

Следует признать обоснованным высказанное в литературе предложение при определении содержания понятия «существенный вред» идти по пути формирования примерного (ориентирующего) перечня обстоятельств, которые могут быть признаны существенным вредом как криминообразующим признаком преступлений против интересов службы, предусмотренных ст.ст. 424–426 УК (далее – «примерный перечень»).

Для его формирования предлагаются следующие правила и ограничения, призванные не допустить необоснованного включения в «примерный перечень» обстоятельств, которые либо вовсе не могут признаваться общественно опасными последствиями, либо не являются существенным вредом.

1. Формальной логикой выработаны правила формулирования понятий, в том числе «правило компетентности»: в определение понятия можно включать только ранее определенные понятия; нельзя определять неиз-

вестное (неопределенное) через неизвестное. Тем самым нежелательно определять содержание оценочного признака, используя четко не определенные оценочные понятия. Вместе с тем, поскольку избежать этого вовсе невозможно, применять их следует взвешенно, не размывая еще больше границы определяемого понятия «существенный вред». Включаемое в «примерный перечень» обстоятельство не должно быть излишне широким.

Поэтому едва ли оправдано такое предложение: «в условиях дефицита бюджета и принимаемых государством мер по привлечению инвестиций в белорусскую экономику под существенным вредом государственным интересам можно понимать следующие аспекты: подрыв имиджа Республики Беларусь как инвестиционно-привлекательного государства; срыв выполнения государственных программ в той или иной отрасли экономики; замедление реформирования конкретной отрасли белорусской экономики; использование средств государственной поддержки с нарушением установленного порядка; ухудшение экономического положения государственного предприятия; вред системе налогового администрирования; вред бюджетной системе Республики Беларусь», применительно к преступлениям против интересов службы в таможенных органах «причинение вреда мерам экономической политики государства» [9].

Следует отметить, что, наряду с явной неопределенностью содержания, эти «аспекты» скорее могут быть признаны тяжкими последствиями для государства (ч. 3 ст.ст. 424–426 УК), чем существенным вредом.

2. В тексте закона (ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425, ч. 1 ст. 426 УК) при перечислении альтернативных криминообразующих последствий умышленных преступлений против интересов службы говорится о причинении существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. О причинении нематериального существенного вреда «другим» интересам, в частности, интересам юридических лиц частной формы собственности, интересам иностранных юридических лиц, интересам совместных предприятий, как коммерческих, так и некоммерческих, речь в названных статьях УК не идет.

Тем самым Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, предлагая судам в приведенном выше п. 19 постановления от 16 декабря 2004 г. № 12 признавать существенным вредом не только подрыв авторитета органов власти, государственных, общественных организаций, но и подрыв авторитета других организаций, несколько вышел за пределы своей компетенции. Подобное расширительное толкование противоречит принципу законности (ч. 2 ст. 3 УК) и, по сути, является криминализацией должностных нарушений, повлекших существенный вред интересам организаций, не относящихся к государственным или общественным, в виде подрыва их авторитета.

Криминализация деяний – прерогатива законодательной, а не судебной власти. Если такое последствие по мнению законодателя является общественно опасным, необходимо изменить содержание закона, а именно диспозиции ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425 и ч. 1 ст. 426 УК. Пока же подрыв авторитета названных «других» организаций формально не может быть признан существенным вредом в смысле ст.ст. 424–426 УК.

3. Явно неопределенным (оценочным) является само содержание понятия «подрыв авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций», что в соответствии с приведенным разъяснением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь признается проявлением существенного вреда в составах умышленных преступлений против интересов службы.

Действительно, в судебной практике «подрыв авторитета» традиционно относят к существенному вреду в составах преступлений против интересов службы. При отсутствии иных вредных последствий достаточно указать в приговоре на «подрыв авторитета» в результате должностного нарушения, чтобы осудить должностное лицо за преступление против интересов службы. Однако подобный подход вызывает обоснованные возражения со стороны не только современных белорусские ученых, но и практиков. В.М. Хомич отмечает, что «хотя понятие существенного вреда правам и законным интересам либо государственным или общественным интересам носит оценочный характер, но по своему содержанию оценка причиненного вреда в качестве существенного должна основываться и подтверждаться объективными обстоятельствами (последствиями совершенного деяния), а не нарушением принципов деятельности органов местного управления и самоуправления» [6, с. 246–247].

Поддерживаем также мнение В.В. Хилюты о том, что «посягательство на нормальное функционирование органов государственной власти, подрыв авторитета государства и его органов при злоупотреблении властью или служебными полномочиями всегда должны быть сопряжены с нарушением прав субъектов общественных отношений. Сам по себе аппарат управления в качестве объекта уголовно-правовой охраны выступать не может, поэтому оценка причиненного вреда по своему содержанию должна основываться и подтверждаться объективными показателями (последствиями совершенного деяния), а не нарушением принципов деятельности тех или иных органов» [10].

В свою очередь, Г.В. Гончарова обоснованно предлагает: «исходя из проблем, возникающих на практике, и концепции единства задач власти и службы с правоохраняемыми интересами личности и общества, следует разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, что подрыв авторитета органов власти не является существенным

вредом и не свидетельствует о наличии состава должностного преступления» [11].

4. Общественно опасное последствие – признак объективной стороны преступления. Тяжесть оценочных последствий – «существенного вреда» и «тяжких последствий» зависит исключительно от характера и степени вредных изменений в объекте, т.е. охраняемом уголовным законом общественном отношении. Тем самым это объективная категория, на определение которой никак не могут (и не должны) влиять содержание субъективной стороны поведения конкретного человека, его умысел или неосторожность, а также способ действия (злоупотребление властью или служебными полномочиями, либо их превышение, либо бездействие должностного лица) и признаки субъекта преступления (должностное лицо (ч. 4 ст. 4 УК) или должностное лицо, занимающее ответственное положение (ч. 5 ст. 4 УК)).

5. В «примерный перечень» последствий, образующих существенный вред, следует включать лишь общественно опасные последствия. При всей очевидности этого тезиса необходимо пояснение.

Создание опасности как возможность наступления вреда, являющееся само по себе действием, не может быть признано последствием – как материальным, так и нематериальным. Н.А. Бабий, обоснованно относя составы создания опасности к формальным, отмечает, что «опасность и последствие исключают друг друга, существование одного из этих явлений означает отсутствие другого явления. Констатация наличия опасности – это констатация отсутствия последствий» [3, с. 132]. Поэтому не может быть признано общественно опасным последствием предлагаемое в литературе для включения в примерный перечень проявлений существенного вреда от злоупотребления сотрудником таможни служебными полномочиями действие, создающее опасность – «вовлечение в торговый оборот несертифицированных товаров, товаров, не отвечающих требованиям безопасности» [9].

6. В самом уголовном законе определено, что существенным вредом в составах преступлений против интересов службы признается совершение должностным лицом с использованием своих служебных полномочий преступления, не названного в главе 35 УК (ч. 1 примечаний к главе 35 УК). Ключевым здесь является термин «преступление».

Вместе с тем в литературе предлагается считать существенным вредом «грубое нарушение норм нетарифного регулирования» [9] (что, кроме того, является скорее действием, а не последствием), а также если «посредством злоупотребления ... были сокрыты ... административные правонарушения» [12]. Однако существует и противоположная позиция, к примеру, В.В. Хилюты, который обоснованно отмечает: «не следует вред

признавать существенным и видеть его признаки при любом нарушении правовых предписаний» [10].

Как представляется, не могут признаваться в качестве существенного вреда злоупотребления властью или служебными полномочиями и бездействия должностного лица такие последствия, как: совершение административных или дисциплинарных проступков иными лицами (как подчиненными, так и посторонними гражданами), создание условий для совершения таких проступков, сокрытие таких правонарушений, непринятие мер по привлечению виновного к административной или дисциплинарной ответственности. Равно не является существенным вредом совершение должностным лицом с использованием своих служебных полномочий административного или дисциплинарного правонарушения. При отсутствии других общественно опасных последствий такое противоправное поведение должностного лица не является преступлением.

7. Учитывая приведенное выше законодательное положение (ч. 1 примечаний к главе 35 УК), нельзя признавать существенным вредом злоупотребления должностным лицом служебными полномочиями совершение этим же лицом другого преступления против интересов службы – получения взятки.

Получение взятки должностным лицом за совершенное им злоупотребление служебными полномочиями квалифицируется как самостоятельное преступление и не может быть само по себе существенным вредом (в том числе и в виде «подрыва авторитета») другого преступления – злоупотребления служебными полномочиями. Нельзя отрицать, что получение взятки подрывает авторитет: но, во-первых, подрывает авторитет конкретного должностного лица, ее получившего, а не всей организации, где оно работает, и, во вторых, получение взятки не может быть криминообразующим последствием злоупотребления служебными полномочиями.

8. Не имеет смысла признавать существенным вредом (что подразумевает его неимущественный, в отличие от ущерба в крупном размере, характер) тот вред, который по сути является имущественным. Если ущерб может быть четко определен в рублевом исчислении и соотнесен с размером базовой величины на день его причинения, оценка существенности вреда здесь не нужна. Формализованный критерий криминообразующего признака «ущерб в крупном размере» законодательно определен в ч. 2 примечаний к главе 35 УК. Именно имущественным ущербом, а не, как предлагается, существенным вредом, следует считать «вред от злоупотребления сотрудником таможни, который оформил товар в режиме ложного транзита через границу с целью освобождения его собственника от уплаты таможенных платежей в крупном размере» [9]. Это – прямой ущерб бюджету государства в размере неуплаченных таможенных платежей.

Более того, в соответствии с примечанием к ст. 231 УК уклонением от уплаты таможенных платежей в крупном размере признается уклонение, при котором сумма неуплаченных таможенных платежей превышает в две тысячи раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. Но даже меньшая сумма имущественного ущерба, соответствующая одной тысяче базовых величин, применительно к умышленным преступлениям против интересов службы (ст.ст. 424–426 УК) является ущербом в особо крупном размере (ч. 2 примечаний к главе 35 УК) и, соответственно, как разъясняется в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)», тяжким последствием, но никак не существенным вредом этих преступлений.

9. В самом уголовном законе заложен ориентир: существенным вредом в ст.ст. 424–426 УК может быть признан и тем самым включен в «примерный перечень» вред, соотносимый по своей общественной опасности с имущественным ущербом в крупном размере (сумма, в 250 и более раз превышающая базовую величину), поскольку эти понятия перечисляются в одном ряду последствий в ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425 и ч. 1 ст. 426 УК. Тем самым видится не совсем оправданным высказанное предложение «о закреплении на законодательном уровне размера количественной характеристики существенного вреда, который выражается в рублевом исчислении» и дополнении примечания к главе 35 УК указанием на то, что «существенный вред охраняемым уголовным законом интересам не может составлять менее 100 базовых величин, правам и законным интересам граждан с учетом их имущественного положения – менее 30 базовых величин» [9].

Разработку примерного (ориентирующего) перечня обстоятельств, которые могут быть признаны существенным вредом как криминообразующим признаком преступлений против интересов службы, предусмотренных ст.ст. 424–426 УК, а также критериев «существенности вреда» следует продолжать. Соблюдение предлагаемых правил квалификации позволит уменьшить количество ошибок при применении уголовного закона.

Вместе с тем проблема составления «примерного перечня» – комплексная. Поскольку самыми различными могут быть проявления общественно опасных последствий преступлений против интересов службы, потребуется привлечение специалистов и иных отраслей знаний – экономистов, политологов и т.д. Сформированный с учетом предложенных правил и ограничений «примерный перечень» с различной степенью обобщения может быть закреплён в постановлении Пленума Верховного Суда Респуб-

лики Беларусь, а также приведен в научной литературе для использования в практике правоприменения.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. / Н. А. Бабий. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.

4. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12 : с изм. и доп. : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 02.06.2011 г. № 2 // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

5. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15 : с изм. и доп. : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 24.09.2009 г. № 8 // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

6. Коррупционная преступность : криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2008. – 504 с.

7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

8. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6 : с изм. и доп. : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 24 сент. 2009 г. // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

9. Гончарова, Г. К вопросу о значении понятия существенного вреда по делам о преступлениях против интересов службы / Г. Гончарова // Законность и правопорядок. – 2011. – № 3. – С. 30–34.

10. Хилюта, В. Существенный вред в теории и практике должностного злоупотребления (по состоянию на 22.08.2011) [Электронный ресурс] / В. Хилюта // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

11. Гончарова, Г. Причинение существенного вреда должностными лицами: проблемы теории и практики (по состоянию на 27.10.2011) [Электронный ресурс] / Г. Гончарова // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

12. Трипузова, А. Судебная практика по делам о преступлениях против интересов службы нуждается в совершенствовании / А. Трипузова // Законность и правопорядок. – 2011. – № 1. – С. 22–27.

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ВЛАСТИ ИЛИ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Актуальной для правоприменительной практики органов уголовной юстиции остается проблема определения пределов криминализации превышения власти или служебных полномочий. Правильное установление содержания и объема понятий «насилие», «угроза насилием», «применение оружия» и «применение специальных средств» влияет на разграничение преступлений, на отграничение этого преступления против интересов службы от иных правонарушений – административных и дисциплинарных.

Анализ нормативных и теоретических источников показывает, что имеющиеся рекомендации расширяют пределы уголовной репрессии, увеличивают вероятность квалификационных ошибок, заключающихся в признании преступлениями тех деяний, которые таковыми не являются. В числе подобных проблем – квалификация угрозы насилием со стороны должностного лица, а также квалификация применения должностным лицом оружия и специальных средств при отсутствии обстоятельств, предусмотренных главой 6 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [1] (необходимая оборона, задержание преступника, крайняя необходимость) и другими нормативными правовыми актами.

Сформулированы правила квалификации этих случаев, а также изменения и дополнения в постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» [2], призванные не допустить необоснованного расширения пределов уголовной ответственности должностных лиц – представителей власти.

Превышение власти или служебных полномочий определяется в ч. 1 ст. 426 УК как умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

В ч. 3 ст. 426 УК сформулирован наряду с квалифицированным материальным составом («действия, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные лицом, занимающим ответственное положение, либо повлекшие тяжкие последствия») также самостоятельный формальный состав превышения власти – «а равно умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, сопряженное с насилием, мучением или оскорблением потерпевшего либо применением оружия или специальных средств».

Прежде всего, следует отметить, что превышение власти или служебных полномочий, сопряженное с насилием, мучением или оскорблением потерпевшего либо применением оружия или специальных средств, нет оснований, как предлагается в литературе [3, с. 293], называть особо квалифицированным составом. Это основной состав, самостоятельное проявление превышения власти или служебных полномочий, помещенное законодателем в связи с повышенной общественной опасностью и с целью дифференциации (усиления) ответственности в ч. 3 ст. 426 УК.

Это замечание имеет не только теоретическое, но и принципиально важное значение для практики применения уголовного права. Такое превышение власти или служебных полномочий признается окончательным преступлением независимо от наступления каких-либо общественно опасных последствий, предусмотренных в ч. 1 ст. 426 УК (причинения ущерба в крупном размере или существенного вреда), даже при отсутствии вреда здоровью потерпевшего. Преступным превышением власти признается нанесение должностным лицом, выходящим за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, одного удара, не повлекшего за собой телесные повреждения. Такое превышение власти или служебных полномочий (условно его называют на практике «насильственным») относится к категории тяжких преступлений.

Казалось бы, в ч. 3 ст. 426 УК четко и недвусмысленно перечислены альтернативные обязательные признаки преступного превышения власти или служебных полномочий: а) насилие, б) мучение, в) оскорбление потерпевшего, г) применение оружия или д) применение специальных средств. Каждое из этих понятий имеет более или менее определенное содержание. Оценочными следует считать понятия «мучение» и «оскорбление». Более четко определены (ограничены по содержанию), в том числе в самом УК и других законах, понятия «насилие», «применение оружия» и «применение специальных средств». Однако здесь также есть проблемы правоприменения. Сегодня отдельные устоявшиеся в практике правила квалификации превышения власти или служебных полномочий по признакам применения оружия и специальных средств требуют переосмысления с учетом изменения законодательства.

Представляет проблему квалификация угрозы применением насилия, высказанной (выраженной иным образом) должностным лицом при отсутствии обстоятельств, предусмотренных главой 6 УК (необходимая оборона, задержание преступника, крайняя необходимость) и другими нормативными правовыми актами.

В абзаце 2 п. 13 названного постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)»

сказано: «решая вопрос о том, сопровождалось ли превышение власти или служебных полномочий насилием (ч. 3 ст. 426 УК), судам необходимо исходить из того, что по смыслу закона насилие может выражаться в причинении физической боли, побоев, телесных повреждений, а также в реальной угрозе таких действий». Это дало основание утверждать в современной литературе, что «квалификацией по части 3 статьи 426 УК охватываются все виды физического и психического насилия» [3, с. 294].

Действительно, ранее на практике под насилием понимали не только физическое, но и психическое насилие, хотя до 1993 г. постановлений Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда БССР о судебной практике по делам о должностных преступлениях (за исключением постановлений по делам о взяточничестве) и, соответственно, разъяснений высших судебных инстанций по данному конкретному вопросу не было.

Эту позицию поддерживали отдельные теоретики. К примеру, А.В. Галахова указывала: «большинство криминалистов считают, что насилие при превышении власти может быть как физическим, так и психическим» [4, с. 82], но при этом не приводила какое-либо теоретическое обоснование подобной позиции, видимо, считая это излишним.

Однако не все ученые придерживались такой точки зрения и в советский период. Л.Д. Гаухман утверждал, что «в законе под термином насилие подразумевается только физическое насилие. Если же предусматривается ответственность за угрозу применения насилия, то это специально оговаривается в диспозиции уголовно-правовой нормы» [5, с. 75].

Сложившаяся судебная практика впервые была нормативно закреплена в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 4 июня 1993 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, превышении власти или служебных полномочий, служебной халатности, должностном подлоге» (действовало до 2003 г.), в п. 11 которого содержалось разъяснение: «под «насилием», предусмотренным ч. 2 ст. 167 УК (ч. 3 ст. 426 УК), необходимо понимать как физическое, так и психическое насилие... Психическое насилие при превышении власти или служебных полномочий может быть выражено в реальной угрозе причинения физического или иного насилия в отношении потерпевшего или его близких» [6].

Как видим, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь и в следующем, действующем в настоящее время, постановлении от 16 декабря 2004 г. № 12 повторил разъяснение, что «по смыслу закона насилие может выражаться в причинении физической боли, побоев, телесных повреждений, а также в реальной угрозе таких действий». Повторяют это утверждение как рекомендацию по квалификации превышения власти или служебных полномочий и отдельные современные белорусские авторы [7, с. 199–200].

Однако такую позицию следует признать не просто примером расширительного толкования, что еще допускает теоретические споры, но уже прямо противоречащей действующему законодательству Республики Беларусь. Сегодня «по смыслу закона» в уголовном законе под насилием понимается только фактически примененное насилие, которое еще называют «физическим насилием», но не угроза им, т.е. «психическое насилие». К примеру, в ст. 206 («грабеж»), ст. 207 («разбой»), ст. 208 («вымогательство»), ст. 364 («насилие либо угроза применения насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел»), ст. 366 («насилие либо угроза в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг») и других статьях УК термины «насилие» и «угроза применения насилия» («угроза насилием») разграничиваются путем их перечисления в диспозициях этих статей с использованием разделительного союза «либо».

В составе вымогательства (ст. 208 УК) «угроза применить насилие» и «применение «насилия» – это самостоятельные способы совершения вымогательства, предусмотренные в различных частях этой статьи. В главе 37 «Воинские преступления» УК насильственные действия в отношении начальника (ст. 441 УК) и угроза начальнику, в том числе убийством и причинением телесных повреждений (ст. 442 УК) – вовсе разные преступления.

Как видим, в уголовном законе, в отличие от подзаконного нормативного правового акта – постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, «угроза насилием» не признается «насилием», так называемое «психическое насилие» не охватывается понятием «применение насилия».

Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [8] содержит принципиальные положения нормотворческой техники: «нормативные правовые акты должны быть внутренне согласованными, логично построенными и соответствовать нормотворческой технике... Термины и понятия, используемые в тексте нормативного правового акта, должны быть понятными и однозначными» (ст. 23). Тем самым, поскольку термины одного закона должны иметь одинаковое содержание во всех его статьях, не следует делать исключение для ч. 3 ст. 426 УК и расширительно толковать понятие «насилие», включая в него, помимо физического, также и психическое насилие – угрозу физическим насилием.

В ч. 2 ст. 3 УК при определении содержания принципа законности сказано, что нормы уголовного закона подлежат строгому толкованию, применение уголовного закона по аналогии не допускается. Расширительное толкование понятия «насилие» и включение в него, помимо физического, также и психического насилия, а именно угрозы физическим наси-

лием, противоречит также принципам субъективного вменения и личной виновной ответственности (ч. 5 ст. 3 УК). Лицо можно привлечь к уголовной ответственности лишь за те общественно опасные действия, в отношении которых установлена его вина. Должностное лицо, как и любой человек, под насилием понимает именно физическое насилие, но не угрозу насилием. Его умыслом при совершении превышения власти или служебных полномочий с применением насилия охватывается осознание общественно опасного характера деяния в виде насилия и желание незаконно применить именно насилие (а не угрозу) к потерпевшему.

Как видим, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в части 2 пункта 13 постановления от 16 декабря 2004 г. № 12 при даче обязательного для исполнения разъяснения вышел за пределы своей компетенции и по сути криминализировал (более того, назвал тяжким преступлением) не повлекшее вредных последствий превышение власти или служебных полномочий, сопряженное с угрозой применения насилия, чего делать был не вправе. Криминализация деяний – прерогатива законодательной, а не судебной власти.

Вместе с тем руководящие разъяснения постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, являющегося нормативным правовым актом, до их отмены или изменения обязательны к выполнению судами и органами уголовного преследования.

В абзаце 2 п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 сказано: «по смыслу закона насилие может выражаться в причинении физической боли, побоев, телесных повреждений...». Следует учитывать, прежде всего, при описании признаков преступления в процессуальных документах (постановлениях о возбуждении уголовного дела и привлечении в качестве обвиняемого, в приговоре и др.), что физическая боль и телесные повреждения «причиняются», а побои, т.е. несколько ударов, также как один удар – «нанесаются» (к примеру, ст. 154 УК). «Причинить» побои нельзя, также и словосочетание «нанесение телесных повреждений» не соответствует закону (см. ст.ст. 147–153, 155 УК). Нанесение одного удара побоями не является (слово «побои» в русском языке употребляется только в множественном числе).

С учетом изложенного представляется целесообразным изменить часть 2 пункта 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» [2], изложив его в следующей редакции:

«Решая вопрос о том, сопровождалось ли превышение власти или служебных полномочий насилием (ч. 3 ст. 426 УК), судам необходимо исходить из того, что насилие может выражаться в нанесении удара, побоев,

причинении физической боли, телесных повреждений, совершении иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы».

Возможно также дополнить пункт 13 этого постановления разъяснением о том, что угроза насилем не является основанием для квалификации превышения власти или служебных полномочий по ч. 3 ст. 426 УК. Подобное деяние может быть признано преступлением лишь при наступлении одного из последствий, предусмотренного ч. 1 ст. 426 УК, а при установлении корыстной или иной личной заинтересованности – по ч. 2 ст. 426 УК.

Проблемным является также вопрос – охватывается ли угроза применением оружия составом превышения власти или служебных полномочий, сопряженного с применением оружия (ч. 3 ст. 426 УК)?

В части 4 пункта 13 названного постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 указано, что при решении вопроса о наличии в действиях виновного квалифицирующего признака «применение оружия» (в соответствии с его поражающими свойствами) судам надо исходить из того, что такой вывод может быть сделан в случаях, когда по делу установлено фактическое применение оружия для причинения физического вреда потерпевшим, а также для психического воздействия путем угрозы причинения такого вреда.

Начало этого разъяснения существенных сомнений не вызывает, за исключением двух замечаний: а) «применение оружия» – это не квалифицирующий, а альтернативный обязательный признак формального состава превышения власти или служебных полномочий, предусмотренного ч. 3 ст. 426 УК; б) вред может быть причинен и одному потерпевшему, а не обязательно нескольким потерпевшим.

Продолжение же, как представляется, противоречит законодательству. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь при даче этого обязательного для исполнения разъяснения, как и в приведенном выше случае с квалификацией угрозы насилем, несколько вышел за пределы своей компетенции.

Действительно, ранее сложилась судебная практика признания угрозы оружием его применением, хотя постановлений Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда БССР о судебной практике по делам о должностных преступлениях (за исключением постановлений по делам о взяточничестве) и соответственно разъяснений высших судебных инстанций по данному конкретному вопросу не было. Эту позицию поддерживали и отдельные теоретики, к примеру, А.В. Галахова указывала: «Оружие может служить средством психического насилия. Психическим насилем, в частности, является угроза применением оружия. Подкреп-

ленная действиями угроза является формой применения оружия и одновременно может рассматриваться как психическое насилие» [4, с. 90], но при этом не приводила какое-либо теоретическое обоснование подобной позиции.

Только 4 июня 1993 г. Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь было принято постановление № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, превышении власти или служебных полномочий, служебной халатности, должностном подлоге» [6] (отменено в 2003 г.), в п. 13 которого была закреплена сложившаяся судебная практика и дано разъяснение: при решении вопроса о наличии в действиях виновного квалифицирующего обстоятельства – применения оружия судам следует исходить из того, что такой вывод может быть сделан в случаях, когда по делу установлено фактическое использование оружия для физического воздействия на потерпевшего путем причинения ему смерти или нанесения телесных повреждений, а также для психического воздействия путем угрозы причинения такого вреда.

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в действующем постановлении от 16 декабря 2004 г. № 12 [2] повторил разъяснение, что применение оружия возможно не только для физического, но и для психического воздействия путем угрозы причинения такого вреда. Соглашаются с этим разъяснением и рекомендуют как правило квалификации превышения власти или служебных полномочий и отдельные современные белорусские авторы, к примеру: «квалифицирующий признак «применение оружия» может быть вменен виновному только в том случае, если будет установлено фактическое применение оружия для причинения физического вреда потерпевшим либо имел место факт психического воздействия на потерпевших путем угрозы причинения такого вреда» [7, с. 200].

Но сегодня такую позицию следует так же, как и в случае с угрозой насилием, признать не просто примером расширительного толкования, что еще допускает теоретические споры, но уже прямо противоречащей действующему законодательству Республики Беларусь. В ст. 29 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [9] прямо сказано: «сотрудник органов внутренних дел имеет право на применение оружия, то есть на производство выстрелов из него, в отношении лица ...» (далее перечисляются лица, совершающие или совершившие преступные действия). В ст. 26 Закона Республики Беларусь «Об оружии» [10] сказано, что оружие применяется по целевому назначению, а таковым в соответствии со ст. 1 этого закона является «поражение живой или иной цели», для огнестрельного оружия – «производство выстрелов».

В самом уголовном законе – в ч. 3 ст. 339 УК в качестве альтернативных признаков особо злостного хулиганства называются применение

оружия, других предметов, используемых в качестве оружия для причинения телесных повреждений, применение взрывчатых веществ или взрывных устройств либо угроза их применения.

Тем самым нигде в действующих нормативных правовых актах, кроме постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 [2], угроза оружием не признается его применением. Поэтому и в уголовном праве (ч. 3 ст. 426 УК) не следует признавать «применением оружия» психическое воздействие путем угрозы причинить оружием вред без производства выстрелов в человека.

То же касается и применения специальных средств, о чем в действующем постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 [2] ничего не сказано. Если исходить из разъяснений применительно к насилию и оружию, то словесная угроза должностного лица применить специальные средства, к примеру, наручники должна признаваться тяжким преступлением и наказываться по ч. 3 ст. 426 УК как превышение власти или служебных полномочий, сопряженное с применением специальных средств, что нельзя признать обоснованным.

В современной литературе указывается, что понятием «применение оружия и специальных средств» охватывается как их реальное использование для причинения вреда потерпевшим, так и «попытка применения указанных средств» [11, с. 973]. Однако этим также расширяется содержание понятия «применения оружия и специальных средств», которое в соответствии с законом обязательно включает производство выстрела с целью поражения человека.

Сформулированы и предлагаются следующие правила квалификации:

– применение огнестрельного оружия путем производства выстрела, который не достиг цели и никому не причинил вреда по обстоятельствам, не зависящим от должностного лица (к примеру, из-за промаха), следует считать окончанным «применением» оружия для причинения вреда потерпевшему, когда выполнены все объективные признаки формального состава превышения власти или служебных полномочий (ч. 3 ст. 426 УК): это окончанное преступление, а не покушение, поскольку действие, образующее состав преступления – незаконное применение оружия уже выполнено, а последствия (в том числе смерть человека и вред здоровью) не входят в число обязательных признаков такого превышения власти или служебных полномочий;

– если же должностное лицо только попыталось применить оружие, но фактическое его применение – производство выстрела не удалось по причинам, не зависящим от виновного (к примеру, из-за осечки по причине неисправности огнестрельного оружия или патрона, из-за того, что патрон

в патроннике отсутствовал, и т.д.), содеянное следует расценивать по правилам покушения на преступление (ст. 14 и ч. 3 ст. 426 УК).

Обращается внимание, что в современном законодательстве (Законы Республики Беларусь «Об оружии» (ст. 26) [10], «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (ст. 29) [9], «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» (ст.ст. 19, 22) [12], «О Следственном комитете Республики Беларусь» (ст.ст. 22, 25) [13] и др.) различаются термины «применение оружия» и «использование оружия», при этом речь идет только об огнестрельном оружии.

К примеру, ст. 29 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» называется «Применение и использование оружия». В ней определено, что сотрудник органов внутренних дел имеет право на применение оружия, то есть на производство выстрела (выстрелов) из него, в отношении лица, совершающего нападение на сотрудника органов внутренних дел и (или) иного гражданина, когда их жизнь или здоровье подвергаются опасности (приводится перечень возможных случаев применения оружия). Далее говорится о праве на использование огнестрельного оружия, то есть на производство выстрела (выстрелов) из него, для подачи сигнала тревоги или вызова помощи, обезвреживания животного, непосредственно угрожающего жизни или здоровью граждан, остановки транспортного средства путем его повреждения.

Само название ст. 19 «Условия и пределы применения физической силы, специальных средств, боевой и специальной техники, применения и использования оружия» Закона Республики Беларусь «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь», как видно, подчеркивает разницу этих понятий. О разграничении понятий применения и использования оружия также говорится в ч. 1 и 4 данной статьи этого Закона.

Статья 22 «Применение и использование оружия» Закона Республики Беларусь «О Следственном комитете Республики Беларусь» аналогична по содержанию ст. 29 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» и устанавливает такие же условия применения оружия и использования оружия.

Под применением оружия понимается производство выстрела в человека. Использование огнестрельного оружия – это производство выстрелов: а) для подачи сигнала тревоги или вызова помощи, б) для обезвреживания животного и в) для остановки транспортного средства путем его повреждения.

Это различие понятий «применение оружия» и «использование оружия» необходимо учитывать при квалификации преступлений и, конечно же, при составлении процессуальных документов (постановлений об отка-

зе в возбуждении уголовного дела, о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, а также приговоров).

Представляется, что под применением оружия следовало бы, не используя расширительное толкование термина уголовного закона и не противореча иным актам законодательства, понимать: для огнестрельного оружия – производство выстрела в человека, в том числе не достигшего цели; для иных видов оружия (холодного, газового, пневматического, метательного) – фактическое применение такого оружия по целевому назначению, т.е. для поражения человека.

Незаконную угрозу огнестрельным оружием без производства выстрелов и без намерения стрелять в процессе превышения должностным лицом власти или служебных полномочий, равно как незаконное использование оружия, можно признавать преступлением и квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 426 УК лишь при условии причинения одного из альтернативных общественно опасных последствий, образующих материальный состав превышения власти или служебных полномочий, – причинения ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам

Представляет проблему оценка незаконного производства должностным лицом выстрелов в животных. В ст. 29 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» сказано: «сотрудник органов внутренних дел имеет право на использование огнестрельного оружия, то есть на производство выстрела (выстрелов) из него ... для обезвреживания животного, непосредственно угрожающего жизни или здоровью граждан». В других названных законах производство выстрелов в животных также называется «использованием», а не «применением» оружия. Тем самым незаконное производство выстрелов в животных не может быть квалифицировано по ч. 3 ст. 426 УК как «умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, сопряженное с применением оружия».

Квалификация подобных действий должна зависеть от того, является ли животное домашним или диким. Причинение смерти, ранения домашнему животному следует квалифицировать как превышение власти или служебных полномочий, причинившее имущественный ущерб его собственнику. Если размер ущерба является крупным, т.е. в двести пятьдесят и более раз превышает размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, содеянное признается преступлением (части 1 или 2 ст. 426 УК). Если же размер ущерба не достиг крупного и должностное лицо не причинило существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, та-

кое превышение власти или служебных полномочий следует расценивать как должностной проступок, но не преступление.

Незаконная стрельба из оружия в дикое животное может быть квалифицирована как «незаконная охота» (ст. 282 УК) или административный проступок – «нарушение правил охоты» либо «стрельба из огнестрельного оружия в населенном пункте или в месте, не предназначенном для стрельбы» (ст.ст. 15.37 или 17.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [14]).

Помимо предложенных выше правил квалификации, сформулированы следующие выводы и предложения.

Очевидно, что приведенные разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь не соответствуют в полном объеме действующему законодательству и расширяют пределы криминализации, противоречат тем самым принципу законности, в соответствии с которым нормы УК подлежат строгому толкованию, а применение уголовного закона по аналогии не допускается (ч. 2 ст. 3 УК). Криминализация деяний – прерогатива законодательной, а не судебной власти.

Возможны два пути решения проблемы: изменить текст УК или изменить постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12.

Если изменить текст уголовного закона, то сделать это путем расширения альтернативных признаков и криминализации превышения власти или служебных полномочий, помимо сопряженного с применением оружия или специальных средств, еще и с угрозой их применения, а также с использованием оружия.

Если же, по мнению законодателя, подобные проявления превышения власти или служебных полномочий не настолько общественно опасны, чтобы их криминализировать, следует внести изменения и дополнения в постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)», при этом:

изложить часть 4 пункта 13 постановления в следующей редакции:

«При решении вопроса о наличии в действиях виновного признаков «применение оружия» и «применение специальных средств» судам следует исходить из того, что такой вывод может быть сделан в случаях, когда по делу установлено фактическое применение оружия и специальных средств. Содержание действий, образующих применение оружия и специальных средств, определено в соответствующих нормативных правовых актах (например, законах Республики Беларусь от 13 ноября 2001 года «Об оружии», от 17 июля 2007 г. «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» и т.д.)»;

дополнить п. 13 постановления частью 5 следующего содержания:

«Угроза насилием и угроза применением оружия либо специальных средств, равно как незаконное использование оружия не являются основанием для квалификации превышения власти или служебных полномочий по ч. 3 ст. 426 УК. Подобные деяния могут быть признаны преступлением лишь при наступлении одного из последствий, предусмотренных ч. 1 ст. 426 УК, а при установлении корыстной или иной личной заинтересованности – по ч. 2 ст. 426 УК».

Нормативное закрепление этих правил квалификации позволит обеспечить соблюдение принципа законности при привлечении должностных лиц за нарушения по службе к уголовной и иным видам ответственности, повысит социальную эффективность правоприменительной деятельности в сфере борьбы с превышениями власти или служебных полномочий.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12 : с изм. и доп. : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 02.06.2011 г. № 2 // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. Коррупционная преступность : криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2008. – 504 с.

4. Галахова, А. В. Превышение власти или служебных полномочий. Вопросы уголовно-правовой квалификации / А. В. Галахова. – М. : Юрид. лит., 1978. – 96 с.

5. Гаухман, Л. Д. Насилие как средство совершения преступления / Л. Д. Гаухман. – М. : «Юрид. лит.», 1974. – 167 с.

6. О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 04 июня 1993 г., № 4 // Судовы веснік. – 1993. – № 3. – С. 5–7.

7. Марчук, В. В. Квалификация преступлений : учеб. пособие / В. В. Марчук; М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 210 с.

8. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 г. // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

9. Об органах внутренних дел [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

10. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-З : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 окт. 2014 г. // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

11. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

12. Об органах государственной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 390-З // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

13. О Следственном комитете Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 403-З // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

14. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

ЛАТЕНТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Текущая официальная статистика о состоянии преступности ведется в каждом государстве, в том числе и в Республике Беларусь. Но она не учитывает латентную преступность.

В нашей стране проблема латентной преступности многие годы носила скорее теоретический характер, изучаемый в рамках криминологической науки. Простые граждане в большинстве своем вообще не знали и не знают, что обозначает понятие «латентная преступность». Это касается различных слоев населения.

Для того, чтобы приблизиться к решению проблем латентной преступности и дать ответ на вопрос о ее познаваемости, необходимо как можно более точно определить криминологическое понятие этого явления. Иными словами, исходной методологической задачей научного исследования проблем латентной преступности является определение искомого понятия. В этой связи сразу следует отметить, что среди ученых существуют различные подходы к определению понятия «латентная преступность».

Сам термин «латентный» (от лат. *latentis*) означает «скрытый, невидимый, не проявляющийся» [1, с. 393]. Не случайно, что данный термин достаточно широко используется в различных отраслях знаний для определения явлений и процессов, протекающих скрытно, внешне незаметно. Латентность включает также «действия, направленные на сокрытие, умолчание о чем-либо; скрывающий, недоступный для взора» [2, с. 210]. Однако необходимо учитывать и то, что о латентности можно говорить лишь применительно к реально существующему явлению, скрытому от исследующего его субъекта. Одним из таких явлений является преступность.

В качестве факторов, обуславливающих латентность преступности, в криминологической литературе выделяют следующие: «нежелание огласки со стороны потерпевшего; малозначительность причиненного преступником ущерба; отсутствие времени у пострадавшего; неуверенность в реализации наказания преступника; особые взаимоотношения потерпевшего, свидетелей с преступником; боязнь угроз со стороны преступника; дефекты правосудия» [3, с. 39].

Как справедливо отмечает Т.Ю. Ельскене, «латентность преступности – одно из ее свойств» [4, с. 42]. Рассматриваемое понятие носит несколько условный характер, поскольку обозначает ту часть фактической (реальной) преступности, которая по различным причинам не подверглась статистическому учету.

Латентная преступность обладает специфической структурой и закономерностями своего развития. Все латентные преступления можно услов-

но разделить на три основные группы: с наименьшим уровнем латентности, высоколатентные и особо высоколатентные.

Белорусские ученые также неоднократно обращались к теме латентной преступности. Так, анализируя статистические показатели о борьбе с коррупцией, Э.А. Саркисова отмечает, что достаточно высок уровень латентности взяточничества, «которое составляет в общей структуре коррупционных преступлений весьма значительный удельный вес (свыше 30%)» [5]. В этой связи перспективными видятся исследования малоизученной проблемы выявления конфликта интересов как средства противодействия коррупции и снижения уровня ее латентности. Впервые норма о конфликте интересов введена в законодательство Республики Беларусь в 2012 году, когда были внесены изменения и дополнения в Закон Республики Беларусь от 20.07.2006 года № 165-З «О борьбе с коррупцией», в ст. 1 которого сейчас определено: конфликт интересов — это ситуация, при которой личные интересы государственного должностного лица, его супруга (супруги), близких родственников или свойственников влияют или могут повлиять на надлежащее исполнение государственным должностным лицом своих служебных (трудовых) обязанностей при принятии им решения или участии в принятии решения либо совершении других действий по службе (работе). В Российской Федерации и в Украине категория «конфликт интересов» была законодательно закреплена ещё раньше.

Побуждающим мотивом конфликта интересов являются личные интересы. Эти интересы являются внеслужебными. Все личные интересы можно подразделить на две большие группы — «имущественные и неимущественные». С целью недопущения совершения коррупционных правонарушений необходимо своевременно выявлять конфликты интересов и управлять ими.

Изучая вопросы латентной преступности, современные авторы в основном ссылаются на работы, написанные в XX – начале XXI вв. Вместе с тем данная проблематика волновала умы европейских ученых уже более 300 лет назад. Их теоретические исследования до сих пор представляют научный интерес. Учение о преступности с самого зарождения имело интегрированный характер, т.е. систематизация знаний о преступлении осуществлялась на основе господствующих в юриспруденции научных подходов, среди которых превалировал естественно-правовой. Само по себе историко-правовое обследование зарождения научных представлений о преступности неизбежно позволяет обнаружить недостатки и противоречия существовавших учений. Но их основная ценность заключается в том, что, пройдя проверку временем, они доказали свою жизнеспособность и состоятельность.

В XVII–XVIII вв. представление о преступности, в том числе и латентной, формировалось по мере развития не только юридической, но и философской, философско-правовой, психологической, социологической и других наук. Спецификой рассматриваемого периода являлось то, что латентная преступность объективно существовала, но само явление отдельному системному анализу не подвергалось. В данном контексте понятие латентной преступности первоначально было имплицитно общему понятию преступности.

Сложность в научно-правовом исследовании существовавших воззрений заключается в том, что не все письменные источники дошли до нашего времени. Например, в России начиная с 1725 г. в Петербургской Академии наук на кафедре правоведения вопросы, связанные с преступностью, изучали профессора Бакенштейн, Гросс, Штрубе де Пирмонт и Федорович. К сожалению, работы этих ученых не сохранились, да и фамилии самих ученых мы знаем только из источников XIX в.

Становление и развитие учения о преступности шло параллельно с постепенным признанием в европейских государствах общечеловеческих ценностей, которые чрезвычайно важны для правовой науки и практики как во внутреннем, так и в международном аспектах. Ведь именно эти ценности способствуют формированию нравственной системы права, поскольку выкристаллизовывают во всей полноте такие категории, как совесть, справедливость, честь, достоинство, милосердие. Основы современного учения о преступности и ее латентных проявлениях заложили такие крупные мыслители Нового времени, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза. Нормы права дедуцировались этими авторами не непосредственно из божественной воли, а из общего «естественного закона». По их мнению, склонность к преступлению была изначально заложена в человеческой природе.

Решение проблемы преступности виделось в реализации идеи гуманизации общественной жизни. Гуманное отношение к человеку прежде всего представлялось в том, чтобы создать ему человеческие условия жизни, чтобы он смог проявить свои сущностные силы, чтобы ощущал себя полноправным членом общества.

Сохранившееся правовое наследие перечисленных авторов позволяет сформулировать гипотезу о том, что по настоящее время не утрачена возможность теоретического изучения представлений о преступности и латентной ее части, господствовавших в европейских странах в XVII–XVIII вв.

Говоря о представителях Нового времени, выделим прежде всего англичанина Томаса Гоббса и француза Шарля Луи Монтескье, внесших наиболее значительный вклад в развитие криминологической науки. Многие идеи, высказанные этими учеными, актуальны по сей день.

Правовые исследования английского философа Томаса Гоббса (1588–1679) являются образцом востребованного обществом прикладного научного мышления. Его основные взгляды о преступности изложены в сочинении, именуемом «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Т. Гоббс разделял преступления на различные категории в зависимости от степени их общественной опасности и тяжести наступивших последствий. Рассуждал по поводу безнаказанности. В дальнейшем это позволило криминологам сформулировать важнейший постулат о том, что безнаказанность порождает новые преступления. Это тем более справедливо для латентной части преступности.

Латентная преступность является одним из главных показателей безнаказанности, которую Цицерон считал величайшим поощрением преступления. Последние исследования латентной преступности показывают, что данная проблема продолжает оставаться актуальной. По мнению В.В. Белокопытова и В.М. Филиппенкова, «чем значительнее цифра скрытого криминала, тем больше лиц обретают уверенность, что можно совершить преступление и избежать наказания» [6]. Анализ латентной преступности позволяет измерить параметры криминального контингента – показателя степени криминальной пораженности социума и фактической виктимизации общества.

Существуют различные методы измерения латентной преступности, в том числе социологические. Все имеющиеся социологические методы измерения латентной преступности можно объединить в одну из классификационных групп, включающей такие приемы и способы познания, которые в зависимости от стоящих перед исследователем задач могут дать ему возможность судить о размерах латентной преступности либо о латентности отдельно взятых видов преступлений. При таком подходе к основной социологической классификационной группе логично будет отнести: экспертные оценки; обзор виктимизации населения; метод «саморегистрирующейся преступности»; изучение официальных документов; факторный анализ латентной преступности.

Социологические методы и методики целесообразно использовать при необходимости измерения латентной преступности на локальном уровне. Указанные методы позволяют с приемлемой степенью достоверности отслеживать латентную преступность в целом и по отдельным видам преступлений, выявлять основную направленность развития явления и его отдельных видов в прошлом, настоящем и как прогноз в возможном будущем.

Исследование латентной преступности заключается в применении перечисленных методов. Эти методы положительно зарекомендовали себя при проведении различных криминологических исследований. Например,

обзор виктимизации населения посредством проведения виктимологического мониторинга населения, как это делается в некоторых зарубежных государствах. В Республике Беларусь проведение виктимологического мониторинга также имеет перспективу. Однако для успешного его проведения следует учитывать, что часть потерпевших иногда скептически относятся к возможности раскрытия преступления, что сдерживает их от обращения в правоохранительные органы. Данная негативная тенденция может быть преодолена путем осуществления правовой пропаганды.

Одной из недостаточно исследованных криминологических проблем борьбы с латентной преступностью является необходимость выявления преступлений, скрытых посредством инсценировок. Инсценировка преступления является составным элементом преступной деятельности и заключается в создании обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию, путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления, преступника и их носителей. Основным побудительным фактором инсценировки преступления является желание преступника скрыть содеянное, избежать разоблачения и уголовной ответственности. В качестве основного мотива инсценировки преступления необходимо выделить страх лица, совершившего преступное деяние, перед наказанием. Инсценировки преступлений классифицируются в зависимости от цели, объекта, субъекта, времени, места, способа легализации, длительности воздействия и содержания.

Для противодействия латентной преступности должна быть сформирована качественная нормативная и теоретическая база. В нашей стране нормативную базу исследования в части криминологического исследования проблематики латентной преступности составили нормативные правовые акты Республики Беларусь – Конституция [7], Уголовный кодекс [8], законы Республики Беларусь [9; 10], теоретической основой являются труды по криминологии [11–13]. В результате планомерной работы правоохранительных органов, заинтересованности всего населения в безопасности и стабильной обстановке в обществе, с 2008 года наметилась тенденция снижения зарегистрированной преступности в Республике Беларусь. Правоохранительным органам удастся контролировать криминогенную ситуацию в стране и посредством принимаемых оперативно-следственных и профилактических мер влиять на ее динамику. Эта деятельность строится на основании принципов законности, плановости и системности.

Проведенные исследования позволили сопоставить различные сведения о зарегистрированной и незарегистрированной преступности. Сделан вывод о том, что во многих развитых странах, например, в Австрии, Германии, Дании, Канаде, Финляндии, Франции, Швеции даже официаль-

ный уровень регистрируемой ежегодно преступности выше предполагаемого уровня фактической преступности в нашей стране.

Проведенный анализ показал, что латентная преступность, как и вся преступность в целом, подвержена динамичным изменениям. Это необходимо учитывать при планировании борьбы с преступностью как на общегосударственном уровне, так и на уровне отдельных районов и областей. Задача правоохранительных органов состоит в том, чтобы динамика изменения преступности была положительной. Речь идет не только о зарегистрированной, но и о латентной преступности.

Возможно не только контролировать латентную преступность, но и воздействовать на нее посредством комплекса профилактических мер. Как следует из ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 года №122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», «профилактика правонарушений – деятельность по применению мер общей и (или) индивидуальной профилактики правонарушений субъектами профилактики правонарушений в соответствии с настоящим Законом и другими актами законодательства» [9].

Профилактика латентных преступлений осуществляется посредством профилактических мер, к которым относятся общесоциальные, специально-криминологические и индивидуальные меры профилактики.

Общесоциальные меры профилактики заключаются в решении крупных социально-экономических и иных проблем функционирования общества и, как следствие, положительное воздействие на динамику, структуру и причины преступности в целом. Эти меры реализуются в общегосударственном, региональном (областном) и местном масштабах. Значимость общесоциальных мер предупреждения латентной преступности обусловлена тем, что их реализация предполагает проведение государством экономической политики, направленной на минимизацию и ограничение возможностей криминального элемента. Особенность этих мер заключается в том, что, будучи направленными на социально-экономическое развитие общества и тем самым на предупреждение преступности в целом, они в то же время являются средством преодоления ее латентных проявлений.

Специально-криминологические меры позволяют осуществлять воздействие на конкретные социальные группы. Индивидуальные меры профилактики направлены на достижение позитивного изменения системы ценностных ориентаций лица, попавшего в поле зрения правоохранительных органов, недопущение совершения им преступления, постепенное преодоление его асоциального мировоззрения.

Деятельность по предупреждению латентных преступлений может быть направлена непосредственно на субъект правонарушения, а может и на факторы, обуславливающие совершение преступления, причем не толь-

ко на непосредственные, но и задаваемые более широкими общественными условиями. Результаты профилактики латентной преступности напрямую зависят от эффективности нейтрализации криминогенных факторов, детерминирующих преступное поведение. Для снижения уровня латентной преступности профилактическая работа на всех уровнях должна проводиться с учетом имеющейся специфики уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с совершением регистрируемых преступлений. Реализация мер, направленных на предупреждение фактической преступности, должна осуществляться комплексно. Это означает, что последовательному проведению мероприятий должна способствовать надлежащая организация предупредительной деятельности всех без исключения субъектов профилактики как на общереспубликанском, так и на местных уровнях. Применяемые меры предупреждения латентной преступности должны быть максимально оптимизированы и по возможности наиболее полно сбалансированы по отношению друг к другу.

Профилактические меры, направленные на противодействие и профилактику латентной преступности, реализуются как на общереспубликанском и областном уровнях, так и в отдельных районах, городах, населенных пунктах, в отношении конкретных лиц. При этом в зависимости от стоящих профилактических задач и общего уровня преступности, складывающегося в определенный период времени, могут задействоваться различные силы и средства. Если к числу специализированных субъектов профилактики преступности прежде всего относятся правоохранительные органы, то круг неспециализированных субъектов четко не определен.

Для снижения уровня латентной преступности профилактическая работа на всех уровнях должна проводиться с учетом имеющейся специфики уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с совершением регистрируемых преступлений. Реализация мер, направленных на предупреждение фактической преступности, должна осуществляться комплексно.

Таким образом, данные официальной уголовной статистики не могут в полной мере отражать криминогенную ситуацию в обществе, так как в них не учтены сведения о латентной преступности.

Латентная преступность представляет собой незарегистрированную часть фактической преступности. Основанием деления преступности на «латентную» и «нелатентную» является наличие или отсутствие сведений о ней в официальном статистическом учете преступлений. Поэтому латентной следует признавать только ту часть фактической преступности, которая не нашла отражения в официальной статистике зарегистрированных преступлений.

Ключевой криминологической проблемой является не полное искоренение латентной преступности, а возможность ее познания. Правовые

исследования выдающихся просветителей Нового времени способствовали зарождению в XVII–XVIII вв. и дальнейшему становлению учения о преступности и латентной ее части. Дошедшие до нас научные взгляды и суждения виднейших европейских мыслителей Т. Гоббса, Ш. Монтескьё, Ч. Беккариа и некоторых других ученых рассмотренного периода сыграли существенную роль в формировании научного знания о преступности. Общее в их правовой концепции было то, что преступные склонности индивида объяснялись прежде всего его внутренними качествами. В целом XVII–XVIII вв. в истории зарождения европейского учения о преступности являются эпохой, когда были разработаны фундаментальные понятия криминологии, хотя сам термин «криминология» был введен значительно позже. Именно в этот период стало складываться осознание необходимости теоретического изучения всех проявлений преступности, в том числе латентной ее части.

Для выяснения примерного уровня латентной преступности необходимо предельно точно установить количественные показатели фактической преступности посредством применения статистических, социологических и иных методов измерения латентной преступности. Положительный результат будет способствовать реализации на практике принципа неотвратимости уголовной ответственности лиц, совершивших преступления.

Адекватная оценка складывающейся криминогенной ситуации, кроме изучения данных официальной статистики, возможна лишь при комплексном использовании социологических методов определения латентной преступности.

Объективные количественные показатели о криминогенной ситуации могут быть получены только по результатам сравнительного анализа зарегистрированной и латентной преступности за определенный период.

С учетом криминогенной ситуации в Республике Беларусь одной из приоритетных функций правоохранительных органов является профилактическая деятельность, которая обеспечивает достижение реальных результатов в борьбе с преступностью. Наиболее значимыми являются общесоциальные меры предупреждения латентной преступности. Их реализация предполагает проведение государством экономической политики, направленной на минимизацию и ограничение возможностей криминального элемента. Особенность этих мер заключается в том, что, будучи направленными на социально-экономическое развитие общества и тем самым на предупреждение преступности в целом, они в то же время являются средством преодоления ее латентных проявлений.

Ключевой криминологической проблемой является не полное искоренение латентной преступности (это конечная цель), а, прежде всего, возможность ее познания. Для того чтобы эффективно противодействовать

скрытой преступности, правоохранительным органам необходимо принимать меры по наиболее точному измерению ее уровня. Решению этой проблемы способствует применение различных методов измерения латентной преступности, в том числе социологических.

С целью недопущения фактов утаивания сведений о преступлении и тем самым для противодействия латентной преступности предлагается дополнить УК Республики Беларусь статьей 399¹, предусматривающей уголовную ответственность за отказ или умышленное уклонение от регистрации заявлений и сообщений о преступлении.

Список использованной литературы

1. Краткий словарь иностранных слов / Редкол. И. В. Лехина [и др.] ; под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. – М., 1954. – 856 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1955. – 699 с.
3. Дикун, И. П. Криминология: учеб. пособие / И. П. Дикун. – Минск : ФУСТ БГУ, 2004. – 199 с
4. Ельскене, Т. Ю. Понятие латентной преступности / Т. Ю. Ельскене // Рос. следователь. – 2005. – № 9. – С. 42–45.
5. Саркисова, Э. А. Преступления и наказания должностных лиц в контексте борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] / Э. А. Саркисова // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
6. Белокопытов, В. В. Латентная преступность в Республике Беларусь: криминологические и иные аспекты проблемы [Электронный ресурс] / В. В. Белокопытов, В. М. Филиппенков // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
9. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 04 янв. 2014 г., № 122-З //

КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

10. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-З: с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

11. Кудрявцев, В. Н. Криминология : учебник / В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов ; под ред. В. Н. Кудрявцева. – М : Юристъ, 1997. – 512 с.

12. Лунеев, В. В. Юридическая статистика : учебник / В. В. Лунеев. – М. : Юристъ, 1999. – 400 с.

13. Шиханцов, Г. Г. Криминология : учеб. / Г. Г. Шиханцов. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 296 с.

ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

На современном этапе судебно-правовой реформы в связи с изменением подхода судов к оценке допустимости доказательств и ростом оправдательных приговоров вновь стала актуальной проблема теории и практики допроса подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе Республики Беларусь, что потребовало исследования процессуального и криминалистического аспектов этого следственного действия. Анализ оправдательных приговоров позволил выделить типичные ошибки, допускаемые на стадии предварительного расследования. Это, прежде всего, нарушение прав подозреваемого и обвиняемого на защиту в ходе допросов и других следственных действий, что влечет недопустимость доказательств, а также отказ обвиняемого в суде от признания вины, когда ставятся под сомнение показания, данные им в ходе предварительного расследования.

Важным процессуальным положением, определяющим тактику допроса в отношении подозреваемого и обвиняемого, является то, что подозреваемый и обвиняемый имеют право давать показания или отказаться от дачи показаний. В отношении подозреваемого это закреплено в п. 9 ч. 2 ст. 41 УПК, а в отношении обвиняемого – в п. 8 ч. 2 ст. 43 УПК. Отказ подозреваемого и обвиняемого от дачи показаний не расценивается как ложь, законодатель видит в этом способ защиты подозреваемого и обвиняемого. Законодательством не предусмотрена ответственность за сообщение подозреваемым либо обвиняемым ложной информации во время его допроса. Но ложь требует особой тактики по ее разоблачению, нейтрализации, поиску новых доказательств, опровергающих ложь подозреваемого и обвиняемого, что увеличивает объем поисково-познавательной деятельности следователя [1, с. 85].

В УПК отсутствует норма, предусматривающая возможность допроса подозреваемого и обвиняемого несколькими лицами. Допрос – это следственное действие, в ходе которого взаимодействуют следователь, которому принадлежит ведущая роль, и допрашиваемый. Анализ норм главы 25 УПК позволяет сделать вывод о том, что допрос проводит следователь или лицо, производящее дознание, единолично. Вместе с тем часть 1 статьи 185 УПК предусматривает, что предварительное следствие по уголовному делу в случае сложности или трудоемкости расследования может быть поручено группе следователей (следственной группе). Часть 4 данной статьи гласит о том, что руководитель следственной группы вправе участвовать в следственных действиях, проводимых другими следователями. Как видно, УПК не содержит прямого запрета на произ-

водство допроса двумя или более следователями одновременно, но прямо это и не предусматривает.

Изучив мнения ученых по данному вопросу, приходим к выводу, что и в теории уголовного процесса нет однозначного ответа на вопрос, правомерно ли двум (и более) следователям одновременно производить допрос. По нашему мнению, следует признать допустимым допрос подозреваемого, обвиняемого несколькими лицами, входящими в состав следственной группы. Недопустимо вмешательство в ход допроса иных лиц, в том числе следователей, других должностных лиц, не включенных постановлением в состав следственной группы. Для устранения сомнений предлагаем внести в УПК норму, прямо предусматривающую возможность активного участия в производстве допроса двух или более следователей, входящих в состав следственной группы. Перед началом допроса допрашиваемому необходимо объявить следователей, которые будут участвовать в допросе, и предъявить постановление о создании следственной группы. В протоколе допроса следует указать всех следователей, принимавших участие в производстве допроса, и все следователи должны подписать протокол допроса.

Также представляется целесообразным закрепить в УПК обязанность активного участия педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого с тем, чтобы вопросы педагога или психолога и ответы на них заносились в протокол допроса в той последовательности, которая имела место в ходе допроса. На практике возможности педагога и психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого не используются в полной мере. Они редко привлекаются к реальному участию в допросе, их роль сводится к молчаливому наблюдению. Одной из причин недооценки роли педагога и психолога при допросе несовершеннолетнего является процессуальное упрощенчество, когда обязанность их вызова для участия в допросе рассматривается некоторыми практическими работниками как обременительная формальность.

Предлагается изложить часть 2 статьи 435 «Участие педагога или психолога» УПК в следующей редакции: «Педагог или психолог обязаны с разрешения следователя, прокурора задавать вопросы подозреваемому или обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Эти права следователь, прокурор разъясняют педагогу или психологу перед допросом несовершеннолетнего, о чем делается отметка в протоколе допроса. Вопросы педагога или психолога и ответы на них должны быть отражены в протоколе допроса в той последовательности, которая имела место в ходе допроса».

Успех допроса во многом зависит от того, проведены ли следователем подготовительные действия, предшествующие допросу, к числу которых следует отнести следующие: тщательное изучение материалов уголовного дела и материалов, которыми располагает следователь в отношении допрашиваемого лица, для определения обстоятельств, подлежащих выяснению при его допросе; изучение личности допрашиваемого с целью установления надлежащего контакта с ним, выяснения его взаимоотношений с другими участвующими в деле лицами для правильного выбора тактики допроса. При подготовке к допросу следователь определяет цель и задачи допроса, учитывает обстоятельства (в том числе и психологического характера), определяющие его эффективность. Основная задача следователя при подготовке к допросу – создать информационную базу допроса [2, с. 81].

Изучение личности допрашиваемого в тех случаях, когда это необходимо, следует начать сразу же, как только принимается решение о его допросе. Здесь следует остановиться на данных, полученных из оперативных источников. Основными способами изучения личности на первом этапе являются: детальный анализ документов, находящихся в деле; сбор сведений о данной личности в процессе проведения других следственных действий, например, допроса лиц, хорошо знающих данного человека, с целью установления его образа жизни; сбор сведений по месту жительства, работы или учебы, получение характеристик, а также беседы с оперативными работниками органов внутренних дел, которые проводили задержание, или со следователем, который допрашивал данное лицо ранее; изучение материалов архивных уголовных дел, если допрашиваемый был судим или был свидетелем, потерпевшим; изучение данных картотек уголовной регистрации. Известным ориентиром для следователя могут служить данные, почерпнутые из архивных уголовных дел: о позиции, которую занимал ранее судимый подозреваемый; о его личности и связях; реакции на предъявление уличающих доказательств; ухищрениях, к которым обвиняемый прибегал для дезориентирования следствия, маскировки содеянного, преуменьшения степени своей вины. Сведения о личности допрашиваемого имеют важное значение для достижения целей допроса и решения задач уголовного процесса в целом.

Установление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, входит в предмет доказывания по каждому уголовному делу (п. 3 ч. 1, пп. 1–3 ч. 2 ст. 89 УПК). Кроме того, это необходимо и в тактических целях при подготовке к допросу подозреваемого (обвиняемого). Изучение личности, в том числе типа темперамента допрашиваемого, помогает определить особенности, которые приобретает у него процесс формирования показаний, предположить, какова будет его линия поведения на до-

просе, и выработать нужную тактику допроса с использованием тех или иных психологических приемов. Рекомендовать практическим работникам в ходе подготовки к допросу учитывать, что на выбор тактических приемов допроса подозреваемого, обвиняемого в конфликтной ситуации влияют тип темперамента допрашиваемого, его биологические ритмы, а также пол допрашиваемого.

Изучение типа темперамента допрашиваемого помогает определить особенности, которые приобретает у него процесс формирования показаний, предположить, какова будет его линия поведения на допросе и выработать нужную тактику допроса с использованием тех или иных психологических приемов. Характеристики определенного типа темперамента можно использовать при выборе тактических приемов допроса, поэтому следователю важно уметь определить темперамент подозреваемого, обвиняемого. Темперамент проявляется в различных видах деятельности людей, о которых следователь может получить сведения путем опроса знакомых, коллег, истребования характеристик и личных наблюдений. Изучая, сопоставляя собранные данные, он делает вывод о свойственном допрашиваемому темпераменте.

Выработаны рекомендации для практики: при допросе сангвиников в конфликтных ситуациях целесообразно применять следующие тактические приемы: вызов, внезапность, форсированный темп допроса, пресечение лжи, инерция, предъявление неожиданного для допрашиваемого доказательства. При допросе холериков к положительному результату приведут такие тактические приемы как, допущение легенды, внезапность, создание напряжения, отвлечение внимания, форсированный темп, создание определенного представления об осведомленности следователя, повторность, применение «главного» доказательства. Допрашиваемому меланхолику нужно организовать спокойное место для допроса. Здесь целесообразно применить следующие тактические приемы допроса: последовательность, замедленный темп, использование «слабых мест», повторность, предъявление совокупности доказательств. При допросе флегматиков рекомендуются приемы: последовательность, форсированный темп, инерция, использование положительных свойств личности, повторность, предъявление доказательств по «нарастающей» в течение нескольких допросов, что сочетается с демонстрацией противоречий и убеждением в неправильности занятой позиции [3].

Изучение поведения допрашиваемых разного пола помогает определить особенности, которые приобретает у них процесс формирования показаний, предположить, какова будет линия поведения допрашиваемых на допросе, и выработать нужную тактику допроса с использованием тех или иных психологических приемов. При допросе женщин в конфликтных си-

туациях целесообразно применять следующие тактические приемы: обращение к мнению отдельных лиц, групп, общественному мнению в целом; постепенное предъявление проверенных доказательств; предъявление доказательств с нарастающим итогом от меньшего к большему; предъявление главного доказательства; демонстрация следственных и научно-технических, экспертных возможностей; повторность допросов; свободный рассказ обо всех событиях, касающихся факта, интересующего следствие. На наш взгляд, дальнейшее глубокое изучение психологических процессов формирования показаний и личных особенностей допрашиваемых женщин совместными усилиями психологов и криминалистов во многом способствовало бы дальнейшей научной разработке криминалистического учения о допросе [4].

Криминалистической науке и следственной практике известны следующие разновидности вопросов, которые могут быть заданы допрашиваемому: дополняющие, уточняющие, напоминающие, контрольные, избыточные. При изучении классификации вопросов, используемых при допросе, наблюдается неоднозначный подход авторов к толкованию понятия «наводящие вопросы» и к определению позиции допустимости их использования при допросе.

УПК прямо запрещает задавать наводящие вопросы. Это отражено в нормах, регламентирующих общие правила проведения допроса (ч. 4 ст. 217 УПК), а также порядок предъявления для опознания (ч. 7 ст. 224 УПК), проверки показаний на месте (ч. 2 ст. 225 УПК), допроса обвиняемого в судебном следствии (ч. 1 ст. 327 УПК). Термин «наводящие вопросы» в уголовно-процессуальном законе, равно как в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, не разъясняется. В криминалистической и процессуальной литературе это понятие трактуется неоднозначно. Одни и те же вопросы одни авторы считают наводящими, а другие авторы видят их все же допустимыми.

К тактическому обеспечению допроса относится выбор приемов, которые следователь предполагает использовать при допросе. Эти приемы должны: а) не противоречить закону, принципам расследования; б) соответствовать нормам нравственности; в) не ограничивать свободу волеизъявления допрашиваемого, возможность выбора им линии поведения на допросе [5, с. 63]. В литературе называют и другие требования к тактическим приемам допроса: они должны быть логичными, эффективными, т. е. «срабатывать» на достижение определенной цели, обеспечивать активность допроса со стороны следователя и оказывать избирательное воздействие, т. е. влиять лишь на лиц, действительно обладающих значимой для следствия информацией. Критериями допустимости тактического приема при допросе являются правомерность, допустимость, научная

обоснованность, целесообразность, доступность, этичность, безопасность. Вместе с тем анализ результатов анкетирования позволил сделать вывод: большинство опрошенных практических работников считает, что, несмотря на этические аспекты, допустимы все приемы, изобличающие допрашиваемого во лжи.

Чтобы показания подозреваемого и обвиняемого, полученные на стадии предварительного расследования, были признаны добытыми в соответствии с законом и, следовательно, признаны судом допустимыми доказательствами, критерием допустимости психического воздействия при допросе необходимо признать возможность выбора лицом, которое подвергается воздействию, той или иной позиции (в отличие от принуждения, когда свобода выбора отсутствует). Вопрос признается допустимым, если следователь указывает несколько равнозначных вариантов ответа на выбор, что в полной мере исключает возможность того, что следователь склоняет допрашиваемого к определенному варианту ответа. В связи с этим предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда» [6] пунктом 5¹: «При оценке доказательств учитывать, что критерием допустимости психического воздействия при допросе, в отличие от принуждения, является возможность выбора лицом, подвергающимся воздействию, той или иной позиции».

Проведенное нами анкетирование следователей различных структурных подразделений Следственного комитета Республики Беларусь и оперуполномоченных подразделений уголовного розыска органов внутренних дел показало, что важную роль играет установление психологического контакта с допрашиваемым (40 человек из 50). Остальные 10 опрошенных специалистов отметили, что важность зависит от ситуации. Для установления психологического контакта чаще используются: а) разъяснение положений Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса, б) разговор на интересующую или отвлеченную тему (о здоровье, о погоде, о ценах, о рыбалке и т.д.). В меньшей степени используются: а) обращение к лучшим сторонам личности допрашиваемого, б) затрагивание семейных вопросов, в) предложение чая, кофе, сигареты. Вместе с тем нередко сотрудники правоохранительных органов действуют путем запугивания подозреваемого (обвиняемого).

Анализ результатов проведенного анкетирования следователей Следственного комитета Республики Беларусь и оперуполномоченных подразделений уголовного розыска органов внутренних дел позволяет сделать вывод, что чаще всего в работе для преодоления лжи используется прием создания впечатления хорошей осведомленности следователя. Часто применяются приемы: отвлечение внимания, последовательность,

инерция, допущение легенды, пресечение лжи, а реже всего – прием использования положительных свойств личности. Важно обратить внимание на то, что оперуполномоченные чаще пользуются психологическими приемами при допросе, чем следователи. Думается, что это связано с тем, что следователь реже оказывается в конфликтной ситуации, в отличие от оперуполномоченного.

Таким образом, выбор системы тактических приемов допроса подозреваемого (обвиняемого) зависит от процессуального положения допрашиваемого, возраста, наличия у следователя доказательств, отношения допрашиваемого к следствию, осведомленности его о состоянии расследования, особенностей личности допрашиваемого.

Нужно также отметить, что анкетирование работников правоохранительных органов показало их недостаточную компетентность в использовании тактических и психологических приемов. Это позволяет сделать вывод о необходимости повышения квалификации практических работников в форме проведения обучающих семинаров, тренингов, курсов, лекториев и др.

Показания подозреваемого и обвиняемого являются одним из важных источников доказательств. Соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства и рекомендаций криминалистической тактики при подготовке к допросу и при его проведении, в частности, критериев допустимости тактических приемов, использование современных достижений не только криминалистики, но также психологии, медицины и других наук являются залогом принятия законного и обоснованного разрешения уголовного дела.

Список использованной литературы

1. Ушаков, О. М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний : автореф. дис.... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О. М. Ушаков. – Владивосток, 2004. – 19 с.
2. Еникеев, М. И. Основы общей и юридической психологии : учеб. для вузов / М. И. Еникеев. – М. : Юристъ, 1996. – 631 с.
3. Червяков, М. Э. Тактика допроса обвиняемого (подозреваемого) при расследовании краж личного имущества, грабежей и разбойных нападений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М. Э Червяков. – М., 2001. – 21 с.
4. Исаева, К. А. Тактические особенности допроса женщин-подозреваемых и обвиняемых : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К. А. Исаева. – М., 1995. – 21 с.

5. Любичев, С. Г. Этические основы следственной тактики / С. Г. Любичев. – М. : Юрид. лит., 1980. – 96 с.

6. О приговоре суда [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 28 сент. 2001 г., № 9 : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 02.06.2011 г. № 3 // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

КАССАЦИОННАЯ ФОРМА ПРОВЕРКИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Конституция Республики Беларусь (ч. 3 ст. 115) в соответствии с нормами международного права гарантирует сторонам, участвующим в процессе, право на обжалование приговоров [1]. Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (УПК) в качестве обычной формы проверки предусмотрено кассационное обжалование не вступивших в законную силу приговоров (главы 39–40) [2].

Обращаясь к вопросу о сущности проверки судебных решений по уголовным делам, отметим, что на теоретическом уровне данный вопрос в русском праве разрабатывался уже в XIX веке. Согласно русской дореволюционной мысли необходимость обжалования судебных решений по уголовным делам объяснялась возможностью допущения ошибки при постановлении приговора.

Теоретическое исследование института обжалования в уголовном судопроизводстве не потеряло актуальности и по настоящий день. Такая необходимость, прежде всего, обусловлена реформированием национального законодательства посредством введения в уголовный процесс апелляционного пересмотра [3–5].

Апелляционное и кассационное производства в качестве обычных порядков обжалования закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве большинства стран мира. В то время как в Республике Беларусь все еще действует порядок пересмотра, характерный для советского государства, а именно кассационное обжалование является единственной обычной формой обжалования приговоров. Апелляционное производство в уголовном процессе вовсе не известно национальному законодательству.

Право сторон на подачу жалобы на судебные решения в вышестоящую инстанцию регламентировалось уже Статутом Великого Княжества Литовского 1529 года, нормы которого в последующем были воспроизведены Статутом Великого Княжества Литовского 1588 года [6, с. 106]. Так, по Статуту 1588 года обжалование судебных решений регламентировалось нормами (артикулами) Раздела 4 «О судьях и судах», который был посвящен вопросам судоустройства и судопроизводства по гражданским и уголовным делам. Артикул 86 устанавливал права обжаловать постановление суда земского или замкового, также воевод, старост, их врядников судебных или подкоморского, комиссаров в главный суд, с просьбой, какое необходимо вынести постановление. Апелляция на постановления господарского суда приносится государю (оперирует понятием «апелляция» как жалоба на постановление в главный суд) [6, с. 398].

Новые формы пересмотра судебных решений по уголовным делам стали известны нашему законодательству с принятием в 1864 году Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС), который распространял свое действие и на территорию Беларуси, входившую с конца XVIII в. в состав Российской империи. Институты апелляционного и кассационного пересмотра по УУС были заимствованы из французского законодательства и соответствовали их сущности, сложившейся в юридической доктрине.

Апелляция (от лат. *appellatio* – жалоба, обращение) по УУС – это форма обжалования сторонами неокончательных и не вшедших в законную силу приговоров как по формальным основаниям, так и по существу, заключающаяся в пересмотре уголовного дела в пределах жалобы (протеста) или, в случаях, установленных законом, в полном объеме, в том числе с исследованием новых доказательств, и постановлении по результатам такого рассмотрения нового приговора, либо утверждение приговора суда первой инстанции, либо его изменение.

Целью кассационного вида обжалования (от слова «кассация», которое означает «отмена») являлось обнаружение и исправление возможной ошибки только в юридической стороне дела. Предметом обжалования при кассационном пересмотре выступали окончательные, не вступившие в законную силу приговоры суда первой либо апелляционной инстанции. Однако УУС несколько изменил «чистую» кассацию и предусмотрел возможность для кассационного уголовного суда не только отменять приговор полностью либо частично, но и выносить новое решение, если для его вынесения не требуется рассмотрение фактической стороны дела. В основу русского судопроизводства, подобно Франции, была положена идея верховенства и единства кассационного суда, которым выступал Сенат.

Таким образом, законодатель второй половины XIX века, признавая самостоятельность обычных порядков обжалования – апелляции и кассации, прежде всего, различал их по предмету обжалования, а затем и по порядку производства.

Однако сложившиеся формы обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве просуществовали недолго, до 1917 года. С приходом советской власти апелляционный порядок пересмотра судебных решений был исключен из законодательства. На смену апелляционному и кассационному производствам пришло исключительно кассационное. Более того, термин «кассация» в советском государстве имел несколько иное смысловое наполнение, нежели определение понятия «кассация» в русском дореволюционном праве, и, в целом, определение данного термина, выработанное юридической наукой.

Кассационное производство по УПК БССР 1923 года [7] – это производство в суде второй инстанции по пересмотру не вступивших в закон-

ную силу приговоров народного и областных судов на основании кассационных жалоб заинтересованных сторон или кассационного протеста прокурора, которые могут быть принесены лишь по поводу формального нарушения прав и интересов и не касаться существа приговора (ст.ст. 344, 349, 400). Суд кассационной инстанции по результатам такого производства мог оставить приговор без изменения, отменить приговор и передать дело для нового рассмотрения в суд первой инстанции либо изменить приговор, если это возможно без особой проверки доказательств, без увеличения наказания (ст. 420), либо прекратить производство по делу (ст. 418).

Существенное различие между дореволюционным институтом кассации и одноименным институтом в советском государстве усматривается при описании в УПК БССР 1923 г. оснований отмены приговора судом кассационной инстанции (ст. 413): недостаточность и неправильность проведенного следствия; существенное нарушение форм судопроизводства; нарушение и неправильное применение закона; назначение судом такой меры социальной защиты, которая хотя и не выходит за пределы, указанные в статье Уголовного кодекса, подлежащей применению в данном случае, но по размеру своему резко не соответствует содеянному. Эти основания одновременно определяют и предмет кассационного пересмотра не вступивших в законную силу приговоров.

Поэтому уже в юридической литературе 20-х гг. XX в. указывается, что выражения «существо дела» и «формальные нарушения прав и интересов стороны» не могут быть признаваемы вполне соответствующим действительному употреблению этих выражений в уголовно-процессуальном законе. «Очевидно, под «формальными нарушениями» следует разуметь все нарушения или поводы к кассации, указанные в ст. 413, а под «существом дела» – оценку доказательств по внутреннему убеждению суда (ст. 319)» [8, с. 298].

УПК БССР 1923 г., наряду с кассационной формой пересмотра, содержал и норму о ревизионном пересмотре (ст. 350). Исходя из смысла данной нормы, рассмотрение дела по кассационной жалобе (протесту) допускается не только по формальным критериям, но и по существу, а также не связанность суда второй инстанции доводами жалоб или протестов.

Вместе с тем УПК БССР 1923 г. не закрепил для этих двух порядков отличные нормы закона, по которым осуществлялись производства в суде второй инстанции. Поэтому кассационное и ревизионное производства рассматривались как единый институт, в то время как буржуазному праву были известны кассационный и ревизионный порядок пересмотра судебных решений как самостоятельные способы обжалования.

Законодательство, служившее основой для практики, обусловило то, что «...на практике сведены на нет декларативные утверждения ст. 349

УПК о «формальном» характере кассации и о вреде существа дела для нашего кассационного производства» [9, с. 36].

УПК БССР 1960 г. [10], не изменяя сущности кассационного пересмотра, лишь исключил декларативную норму об обжаловании в кассационном порядке по поводу формального нарушения.

Таким образом, институт кассационного обжалования, по логике законодателя, начиная с двадцатых годов прошлого столетия имел признаки как кассационного, так и апелляционного характера. Последнее обозначалось как ревизионное начало в кассационном производстве, к которому относилось рассмотрение в кассационном порядке вопросов по существу дела с возможностью не только отменять обжалуемый приговор, но и изменять его, а также прекращать производство по делу. Элементом апелляции является и возможность предоставления в суд кассационной инстанции дополнительных материалов.

В уголовно-процессуальном праве Республике Беларусь прослеживается рецепция советского права, поэтому советская модель пересмотра судебных решений нашла отражение и в современном законодательстве. Новеллой принятого в 1999 году УПК Республики Беларусь является возможность предоставления в кассационную инстанцию дополнительных материалов. Кроме разъяснений свидетелей, допрошенных в суде первой инстанции, экспертов при рассмотрении дела, суд кассационной инстанции при подготовке дела к слушанию по ходатайству сторон вправе назначать судебно-психиатрическую экспертизу, в том числе повторную или дополнительную экспертизу, если их проведение возможно по имеющимся в деле материалам; истребовать документы, связанные с состоянием здоровья семейным положением и сведениями о прошлых судимостях обвиняемого и другие сведения о данных личности обвиняемого (ч.ч. 5 и 6 ст. 384 действующего УПК).

Оценивая современный порядок пересмотра приговоров, белорусские процессуалисты указывают на несовершенство сложившегося кассационно-ревизионного порядка обжалования судебных решений и на необходимость его реформирования посредством введения апелляции [11–13].

Сегодня апелляционный пересмотр судебных решений, наряду с кассационным, закреплен в уголовно-процессуальном законодательстве Франции и Германии, а в Англии апелляция является единственным способом обжалования. Данный институт восстановлен в уголовно-процессуальном законодательстве большинства стран постсоветского пространства. В отечественном уголовном процессе проверочную стадию не вступивших в законную силу решений в уголовном процессе Республики Беларусь можно охарактеризовать как «кассационное производство с элементами апелляции».

Несмотря на то, что институт апелляции имеет полуторавековую историю, отношение к его эффективности среди ученых-юристов и практиков также неоднозначно, как и в девятнадцатом веке. Так, в качестве одного из доводов против апелляции в России во второй половине XIX в. было фактическое сведение апелляционного пересмотра к рассмотрению дела в первой инстанции только с наименьшими гарантиями [14, с. 525–528]. Аналогичный довод приводится и современными исследователями. Российский ученый В.М. Быков утверждает, что «...апелляционный суд, по существу, полностью дублирует весь процессуальный порядок рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции», «...апелляционный суд вынужден полностью повторить все судебное разбирательство по уголовному делу» [15, с. 39]. Подобного рода определения о том, что апелляция есть «вторичное рассмотрение дела по существу в целом или в части» [16, с. 77, 84] и т.п. приводится в публикациях белорусских исследователей [17, с. 19; 18, с. 55–56]. В свою очередь, признание указанного довода о неэффективности апелляции позволяет говорить и о других ее недостатках: волоките, усложнении производства по делу, затратах материального характера и др.

Однако, как представляется, указанный довод о тождестве судебного разбирательства в суде первой и апелляционной инстанций является несостоятельным и нашел весьма обоснованное опровержение в исследовании еще дореволюционного автора, опубликованного в журнале «Вестник права» за 1900 год под инициалами Д. Л. Он пишет, что исследуемые производства в судебных инстанциях недопустимо рассматривать «по одной плоскости, на которую искусственно сводятся сравниваемые объекты...», при этом не учитывается, что сравниваемым инстанциям в процессе принадлежат как одинаковые, так и разные роли, в частности, одна из них стоит выше другой [19, с. 193]. Далее автор рассуждает, что дело поступает в апелляционный суд с первоначальным анализом и синтезом фактов, поэтому ей «нет необходимости непосредственно переисследовать все дело..., ей остается только проверить формально логическую правильность и целостность синтеза..., принимая факты спорные или вновь предъявленные, подвергнуть проверке по существу в условиях той же непосредственности восприятия, которая характеризует работу первой инстанции» [19, с. 194–195].

Более того, названные недостатки касаются не столько самого института апелляции, сколько неверной его регламентации законодателем. В частности, обоснованы утверждения о том, что «апелляционный суд не будет обязан повторять все судебное разбирательство по первой инстанции целиком и полностью. Объем непосредственного исследования доказательств для их уточнения и восполнения станет определяться сторонами, а в случае отсутствия соответствующих ходатайств – судом» [11, с. 14].

Действующий в Республике Беларусь порядок проверки не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам также имеет множество изъянов. Отмечая недостатки существующего кассационного производства, прежде всего, следует указать судебную волокиту, обусловленную отменой приговоров и направлением дел на новое судебное рассмотрение со всеми вытекающими последствиями (неявка свидетелей, потерпевших, изменение показаний участников процесса, утеря вещественных доказательств и др.). Поэтому окончательное разрешение дела в суде второй инстанции позволит обеспечить эффективную судебную защиту прав и законных интересов граждан, юридических лиц и государства.

Очередные меры по совершенствованию форм пересмотра приговоров в Республике Беларусь получили практическую реализацию и отражены в Законе Республики Беларусь от 3 января 2012 г. № 335-З «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь по вопросам кассационного производства» (далее – Закон № 335-З) [20].

Согласно статистическим данным нововведения позволили повысить оперативность правосудия по уголовным делам посредством окончательного разрешения дел кассационной инстанцией, поскольку кассационному суду представлены полномочия на изменение приговора по основаниям, ухудшающим положение обвиняемого. Так, в 2012 г. новые положения УПК применены судами кассационной инстанции в отношении 259 лиц, в 2013 г. – 302 лиц, в 2014 г. – 368 лиц. Кассационная практика Брестского областного суда показывает, что в 2014 г. количество лиц, положение которых при пересмотре ухудшено, увеличилось на 36% по сравнению с 2013 г. (86 лиц в 2014 г. против 63 лиц в 2013 г.) и в абсолютных цифрах на 50 увеличилось количество таких лиц по сравнению с 2012 г.

Законом № 335-З частично изменены нормы об участии обвиняемого, содержащегося под стражей и домашним арестом, а также защитника в заседании суда кассационной инстанции, предоставлении обвиняемому, потерпевшему копий кассационных жалоб (протестов), расширены полномочия суда второй инстанции по непосредственному внесению изменений в приговоры и использованию в кассационном производстве материалов, дополнительно представленных сторонами в суд кассационной инстанции.

Такие изменения, несомненно, направлены на реформирование кассационного производства в пользу апелляционного. Поскольку, как показывает процессуальная практика, эффективное апелляционное производство возможно только при активном участии сторон в суде апелляционной инстанции. Расширение полномочий суда второй инстанции также шаг к апелляции, так как по теории суд апелляционной инстанции правомочен

выносить новое решение, полностью или частично заменяющее приговор суда первой инстанции.

С изменением пределов полномочий суда второй инстанции иную трактовку приобрело и основополагающее правило кассационного производства «запрет преобразования к худшему». Так, согласно УПК это правило:

- гарантирует право на обжалование как реализацию принципа уголовного процесса обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту;

- ограничивает полномочия суда кассационной инстанции изменять или отменять приговор по основаниям, ухудшающим положение обвиняемого, по жалобам обвиняемого, его защитника и законного представителя;

- ограничивает полномочия суда первой инстанции кассационными основаниями отмены приговора и допускает ухудшение положения обвиняемого только в случае принесения кассационной жалобы потерпевшим, частным обвинителем (их представителями), кассационного протеста прокурором и только по основаниям, которые в них указаны.

До принятия Закона № 335–З вторая составляющая этого правила сводилась к недопустимости непосредственного ухудшения положения обвиняемого судом кассационной инстанции.

В действующей редакции УПК пределы прав кассационной инстанции на отмену судебного решения либо внесение в него изменений определяются, прежде всего, последствиями реализации таких полномочий относительно положения обвиняемого, т.е. отмена или изменение приговора по основаниям, могущим повлечь улучшение его положения либо, наоборот, ухудшение (ст. 386 УПК).

В первом случае полномочия суда кассационной инстанции не ограничены доводами кассационной жалобы или кассационного протеста. Иными словами, суд кассационной инстанции правомочен изменить либо отменить приговор, не указывая в качестве оснований таких, которые могут ухудшить положение обвиняемого, в ревизионном порядке, т.е. не зависимо от просьбы сторон.

Отмена или изменение судебного решения по основаниям, могущим повлечь ухудшение положения обвиняемого, возможно только в случае, когда потерпевшим, частным обвинителем или их представителями по этим основаниям подана кассационная жалоба либо прокурором принесен кассационный протест.

С расширением правомочий суда кассационной инстанции на непосредственное внесение изменений в приговор законодателем предусмотрен ряд процессуальных гарантий для участников уголовного процесса. В частности, изменена редакция и ч. 3 ст. 373 УПК. Вместе с тем в нормах новой редакции соответствующие изменения получили различное словес-

ное отражение посредством выражений «основания подачи жалобы (протеста), могущие повлечь ухудшение положения обвиняемого» (ч. 2 ст. 386 УПК) и «просьба сторон об отмене либо изменении приговора по основаниям, могущим ухудшить положение обвиняемого» (ч. 3 ст. 373 УПК). Уяснение, чем именно – «основаниями» либо «просьбой» определяются полномочия суда кассационной инстанции, имеет существенное значение для применения им новых полномочий по внесению изменений в судебные решения.

Буквально трактуя выражение «просьба сторон об отмене либо изменении приговора по основаниям, могущим ухудшить положение обвиняемого», указание в резолютивной части жалобы (протеста) на отмену решения ограничивает правомочие суда второй инстанции на его изменение по тем же основаниям. Например, имели место случаи, когда в жалобе (протесте) приводились доводы о незаконности и (или) необоснованности приговора ввиду переквалификации судом деяний обвиняемого на более мягкое преступление, либо о мягкости назначенного наказания, но в резолютивной части жалобы (протеста) ставился вопрос об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Судебная практика областного уровня была направлена на определение полномочий суда кассационной инстанции именно основаниями, приведенными в кассационной жалобе (протесте), а не изложенными в них просьбами сторон.

В качестве примера приведем уголовное дело по обвинению К., который по приговору суда был осужден по ч. 2 ст. 317 УК Республики Беларусь к ограничению свободы на срок 3 года без направления в исправительное учреждение открытого типа с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на 3 года. Приговор был предметом кассационного пересмотра по кассационной жалобе потерпевших, которые просили приговор отменить ввиду мягкости назначенного наказания, как основного, так и дополнительного. В суде кассационной инстанции дело рассматривалось с участием обвиняемого, его защитника, потерпевших, их представителя и прокурора. В объяснениях, данных в суде кассационной инстанции, потерпевшие и их представитель уточнили требования кассационной жалобы и полагали возможным назначить К. основное наказание в виде лишения свободы либо ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа с увеличением продолжительности дополнительного наказания.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Брестского областного суда приговор изменен, К. назначено наказание в виде ограничения свободы на тот же срок 3 года, но уже с направлением в исправительное учреждение открытого типа с лишением права заниматься дея-

тельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на 5 лет [21].

Однако Верховный Суд Республики Беларусь придерживается иной правовой позиции. По протесту заместителя Председателя Верховного Суда Республики Беларусь приведенное определение было отменено. Согласно постановлению президиума Брестского областного суда, причиной отмены кассационного определения послужило нарушение судом кассационной инстанции ч. 2 ст. 386 УПК, поскольку, «принимая решение об изменении приговора по основаниям, ухудшающим положение обвиняемого, в том числе и в части ухудшения условий отбывания основного наказания, кассационная инстанция вышла за пределы кассационной жалобы и своих полномочий, поскольку вопрос о внесении таких изменений в приговор потерпевшими в кассационной жалобе не ставился» [21].

Поэтому, с учетом складывающейся судебной практики, с одной стороны, и недопущением направления уголовных дел на новое судебное рассмотрение ввиду формально неправильного составления жалобы или протеста, с другой, полагаем необходимым дополнить норму УПК о требованиях к кассационной жалобе (протесту).

Так, в действующем УПК структура кассационной жалобы (протеста) четко обозначена (ч. 1 ст. 372 УПК). В частности, согласно п. 4 ч. 1 ст. 372 УПК в кассационной жалобе или протесте должны содержаться доводы лица, подавшего жалобу или принесшего протест, с указанием на то, в чем заключается неправильность приговора или иного решения и в чем состоит его просьба.

Доводы, изложенные в жалобе (протесте), нашедшие подтверждение в ходе рассмотрения дела в суде кассационной инстанции и корреспондирующие законным основаниям изменения или отмены судебного решения, это и есть кассационные основания. Последние определяются как «...установленные законом и подтвержденные в ходе кассационного рассмотрения уголовного дела обстоятельства, влекущие отмену или изменение состоявшегося по уголовному делу решения суда первой инстанции» [22, с. 191]. Поэтому, как справедливо отмечал М.С. Строгович, в кассационной жалобе (протесте) «...каждое кассационное основание ... четко выделено применительно к отдельным пунктам статьи 413 УПК (последняя согласно УПК РСФСР 1923 г. содержала основания отмены приговоров в кассационном порядке)...», «применительно к этим кассационным основаниям и должно излагаться содержание кассационной жалобы» [23, с. 136–137].

Просьба есть обобщающий вывод, сформулированный в результате анализа изложенных в жалобе (протесте) кассационных оснований. Просьба, формулируемая в кассационных жалобах (протестах) сторон, несо-

мненно, должна определяться приведенными в основной части жалобы (протеста) доводами и соответствовать правомочиям суда кассационной инстанции, определяемым пп. 1–4 ч.1 ст. 385 УПК с учетом ст.ст. 386–393, 395, 396 УПК.

Но, как правило, грамотно сформулированные основания и просьба, содержащиеся в жалобе или протесте, характерны для жалоб (протестов), подаваемых квалифицированными юристами.

Норма, предусматривающая конкретно-определенные требования к форме и содержанию кассационных жалоб (протестов), не была известна предшествующему уголовно-процессуальному закону. Хотя интересным является тот факт, что требования к содержанию и форме жалоб на окончательные решения суда стали прорабатываться еще в XVIII в. В инструкции, изданной Петром I в 1722 г., содержалось требование о том, что в жалобе должно быть четко прописано, «какая неправость и противность указам» содержатся в судебном решении [24, с. 206]. Во времена императрицы Екатерины Великой эта инструкция была дополнена рядом других условий: недопустимость использования бранных слов, жалоба должна быть оформлена как прошение на имя императрицы, конкретность, т.е. запрет «примешивания лишних материй» к существу дела, срок подачи и др. [24, с. 219–220].

Ученые в области уголовного процесса, работавшие с УПК 1960 г., не усматривали в отсутствии требований к кассационным жалобам или протеста недостатка правового регулирования и полагали, что наличие несодержательной жалобы (протеста) компенсируется ревизионным порядком пересмотра судебных решений, «обеспечивающим всесторонность этой проверки независимо от содержания принесенных протестов или жалоб» [25, с. 168].

Реформируя существующий уголовный процесс, построенный на принципе состязательности (ч. 2 ст. 24 УПК), который, в свою очередь, предполагает в качестве проверочной стадии апелляционное производство [26, с. 21], законодатель, напротив, ограничил ревизионное начало в кассационном производстве. Пределы рассмотрения дела во многом стали определяться доводами жалоб (протестов) и их просьбами, что в свою очередь требует от сторон юридически правильного составления кассационных жалоб (протестов). Поэтому представляется, что для современного процесса ограничение просьбы указанием на отмену или изменение приговора недопустимо, она должна содержать однозначное определение предмета проверки в вышестоящем суде.

Ввиду изложенного предлагаем в ч. 3 ст. 373 УПК вместо «содержится просьба об отмене или изменении приговора» указать «содержатся доводы об изменении приговора».

Говоря о недостатках, подлежащих устранению, укажем недостаточно четкие формулировки относительно предмета кассационного рассмотрения уголовного дела по основаниям, могущим ухудшить положение обвиняемого. Необходимо расширить полномочия суда кассационной инстанции по изменению приговоров по основаниям, могущим ухудшить положение обвиняемого, предусмотренные ч. 3 ст. 396 УПК, в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 386 УПК.

Основания, могущие повлечь ухудшение положения обвиняемого, согласно ч. 2 ст. 386 УПК трактуются как: применение закона о более тяжком преступлении; мягкость назначенного наказания; другие основания, могущие повлечь ухудшение положения обвиняемого. Если первые две составляющие не вызывают сомнений в правильности их понимания и трактовке, то содержание последней следует уяснить.

Пределы полномочий суда кассационной инстанции по изменению обвинительного приговора детализированы в специальной норме УПК – ст. 396 «Изменение приговора». В ч. 3 ст. 396 УПК приведен исчерпывающий перечень оснований изменения приговоров по основаниям, могущим повлечь ухудшение положения обвиняемого.

При сопоставлении этих двух норм как общей и специальной, приходим к выводу, что применение закона о более тяжком преступлении корреспондирует п. 1 ч. 3 ст. 396 УПК, мягкость назначенного наказания – п. 2 ч. 3 ст. 396 УПК, другие основания, могущие повлечь ухудшение положения обвиняемого, – пп. 3–6 ч. 3 ст. 396 УПК.

Поэтому «другие основания, могущие повлечь ухудшение положения обвиняемого», нельзя трактовать расширительно, выходя за пределы полномочий суда кассационной инстанции, предусмотренные ч. 3 ст. 396 УПК.

Хотя правоприменительной практике известны и обратные случаи. В частности, в приговоры суда вносились изменения и не связанные с усилением наказания или применением закона о более тяжком преступлении, но с очевидностью ухудшающие положение обвиняемого. Например, увеличивался срок отсрочки исполнения наказания, исключалась отсрочка исполнения наказания, в действиях обвиняемого признавался рецидив преступлений без увеличения наказания.

Также закон предусматривает возможность увеличения срока, размера наказания, назначение более строгого вида наказания, если назначенное по приговору суда наказание будет признано явно несправедливым вследствие его мягкости. В практике возможны, и встречались, случаи изменения приговора с увеличением срока наказания в виду неправильного применения уголовного закона. Например, определением судебной коллегии по уголовным делам изменены приговоры районных судов с увеличением

срока, размера наказания по основанию неправильного применения уголовного закона, ввиду назначения судом первой инстанции наказания ниже низшего предела, предусмотренного санкцией статьи, без применения ст. 70 УК [27], нарушения требования ч. 2 ст. 50 УК о размере штрафа, назначаемого лицу за преступление, в объективную сторону состава которого включается административная преюдиция [28], неправильного применения ст. 76 УК об исчислении срока ареста месяцами [29].

Не раскрытыми в законе остались вопросы о разрешении судом кассационной инстанции судьбы вещественных доказательств по уголовному делу, арестованного имущества, об увеличении размера гражданского иска, взыскании процессуальных издержек, признании обстоятельств, отягчающими ответственность. Все эти обстоятельства также могут ухудшать положение обвиняемого, поэтому подача соответствующих жалоб и принесение таких протестов требует от суда первой и кассационной инстанций выполнения определенных действий, направленных на защиту прав и интересов сторон. В действующей редакции соответствующие нормы УПК на суды подобной обязанности не возлагают.

Не разрешенным остается вопрос об исследовании и оценке доказательств судом проверочной инстанции. УПК применительно к судебным стадиям закрепляет оценку доказательств только на одной из них – стадии судебного разбирательства и в качестве субъекта такой деятельности называет исключительно суд первой инстанции (ч. 1 ст. 102, ч. 1 ст. 105 УПК).

Анализ положений ч. 1 ст. 388, ст.ст. 389, 390, ч. 3 ст. 397 УПК позволяет сделать вывод о том, что суд кассационной инстанции, проверяя приговор, осуществляет оценку доказательств, на которых он основан, что обусловлено содержанием существующей проверочной инстанции. По результатам оценки доказательств суд второй инстанции либо соглашается с оценкой доказательств, данной судом, постановившим приговор, либо, обнаружив пороки доказывания, признает доказательства сомнительными. В последнем случае приговор отменяется и дело направляется в суд первой инстанции для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, проверки собранных доказательств и их оценки в соответствии со ст. 105 УПК.

При такой конструкции полномочий суда кассационной инстанции по оценке доказательств несколько стеснены его правомочия на изменение приговора, что не соответствует наметившейся обратной тенденции. Например, в ряде случаев изменение приговора требует исследование и оценку дополнительных материалов, представленных в вышестоящий суд, их оценку в совокупности с уже исследованными судом первой инстанции доказательствами и др. То есть может возникнуть необходимость вызова и допроса обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, непосред-

ственного исследования других доказательств и др. Иными словами, введя так называемые элементы апелляции, возникает необходимость предоставления и процессуальных гарантий их применения.

Подводя итог, отметим следующее. Исторический опыт показывает, что проверка не вступивших в законную силу приговоров посредством пересмотра только доводов о процессуальных нарушениях не достаточна, и даже будучи закрепленным, такой порядок постоянно трансформирует элементы, затрагивающие пересмотр существа дела. Кассация – это пересмотр дела по юридическим основаниям. Признание необходимости и пересмотра дела по фактическим основаниям предполагает наличие другого самостоятельного порядка – апелляции.

Апелляция – это проверка вышестоящим судом не вступившего в законную силу судебного решения посредством исследования и оценки доказательств в случаях и пределах, установленных законом. Следовательно, такая проверка предполагает рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции как по формальным основаниям, так и по существу и возможность вынесения нового решения в полном объеме или в его части.

Сложившуюся на современном этапе в Республике Беларусь форму проверки не вступивших в законную силу приговоров можно обозначить как «кассация с элементами апелляции». «Кассационное производство с элементами апелляции» есть частично реформированная «советская кассация» через призму классической апелляции. Поэтому теоретические разработки как дореволюционных ученых, так и исследователей советского государства применимы на современном этапе для уяснения сущности отдельных положений института пересмотра не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам, частичного правопреемства норм предшествующих правовых актов. Но они недостаточны для разъяснения дискуссионных вопросов о применении положений о кассации по действующему УПК и не могут выступить в качестве научной доктрины его реформирования.

Кассационное производство комплексно в отдельной монографии не исследовалось. Эффективное правоприменение и дальнейшее совершенствование кассационного производства в уголовном процессе Республики Беларусь предполагает необходимость его теоретического исследования в настоящее время.

В рамках совершенствования данного института, прежде всего, требуется от законодателя принятие ряда мер, направленных на внесение изменений в нормы о содержании кассационных жалоб (протестов) и о пределах полномочий суда кассационной инстанции по непосредственному внесению в судебные решения изменений, ухудшающих положение обви-

няемого, ограничив их основаниями (доводами) жалоб (протестов), а также расширив другими основаниями.

Заслуживающим внимания видится вопрос об изменении норм УПК, регламентирующих оценку доказательств, предоставив ее и суду кассационной инстанции. При этом также следует предусмотреть дополнительные процессуальные гарантии при исследовании и оценке доказательств судом второй инстанции.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-3 // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. Концепция судебной-правовой реформы [Электронный ресурс] : Постановление Верховн. Совета Респ. Беларусь, 23 апр. 1992 г., № 1611-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. О концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

5. Послание о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 окт. 2011 г., № 454 : с изм. и доп. : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 29.11.2013 г. № 529 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Бел. савет. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. – 570, [3] с.

7. Уголовно-процессуальный кодекс БССР, 15 апр. 1923 г. : по сост. на 15 апр. 1957 г. – Минск : гос. изд. БССР, ред. научн.-техн. лит., 1957. – 180 с.

8. Люблинский, П. И. Уголовно-процессуальный кодекс / П. И. Люблинский, Н. Н. Полянский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Кооп. изд-во Право и жизнь, «Мосполиграф» 14-я тип., 1928. – 428 с.

9. Строгович, М. С. Избранные труды / Рос. акад. наук, Ин-т гос-ва и права. Гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве / Отв. ред. Б. М. Савицкий. – М. : Рос. акад. наук, Ин-т гос-ва и права, 1992. – 280 с.

10. Уголовно-процессуальный кодекс БССР [Электронный ресурс] : 29 дек. 1960 г. : утратил юрид. силу // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

11. Введение апелляционного производства: за и против // Юстиция Беларуси. – 2004. – № 8. – С. 12–18.

12. Голованов, В. Г. Апелляционное производство – перспективное направление совершенствования отечественной судебной системы / В. Г. Голованов // Вестн. Высш. Хоз. Суда. – № 5. – 2010. – С. 6–11.

13. Зайцева, Л. Л. Опыт судебных реформ нуждается в изучении / Л. Л. Зайцева // Юстиция Беларуси. – 2005. – № 4. – С. 21–24.

14. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство / Н. Н. Розин. – Изд. 3-е, пересмотр. – Петроград : Изд. юрид. кн. склада «Право», 1916. – [4], 597 с.

15. Быков, В. М. Каким быть суду второй инстанции в уголовном судопроизводстве? / В. М. Быков // Рос. юстиция. – 2011. – № 2. – С. 38–41.

16. Тесовская, А. Г. О введении в Республике Беларусь апелляционного производства / А. Г. Тесовская, С. М. Мисуно // Право Беларуси. – 2003. – № 9. – С. 76–84.

17. Филипчик, Р. Апелляционное обжалование судебных постановлений и применение элементов апелляции в гражданском процессе / Р. Филипчик // Суд. веснік. – 2011. – № 1. – С. 18–23.

18. Крыгин, В. Ф. Апелляция как форма проверки судебных решений / В. Ф. Крыгин // Суд. веснік. – 1992. – № 3. – С. 55–57.

19. Д. Л. Обновление уголовного судопроизводства по проекту новой редакции ... Отмена апелляции / Д. Л. // Вестн. права. – 1900. – № 8. – С. 192–198.

20. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь по вопросам кассационного производства [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2012 г., № 335-З // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

21. Архив суда Брестского района Брестской области за 2013 г. – Дело № 1–20.

22. Кукреш, Л. И. Уголовный процесс. Особенная часть: учеб. пособие / Л. И. Кукреш; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Тесей, 2000. – 271 с.

23. Строгович, М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров / М. С. Строгович ; Акад. наук СССР ; Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 319 с.
24. Грибовский, В. М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй / В. М. Грибовский. – СПб. : Тип. СПб. Т-ва печат. и изд. дела «Труд», 1901. – [3], IV, 349 с.
25. Ривлин, А. Л. Пересмотр приговоров в СССР / А. Л. Ривлин. – М.: Госюриздат, 1958. – 312 с.
26. Бобров, М. Становление судебной власти / М. Бобров // Вестн. Верховн. Суда СССР. – 1991. – № 7. – С. 19–21.
27. Архив суда Брестского района Брестской области за 2012 г. – Дело № 1–133.
28. Архив суда Лунинецкого района Брестской области за 2012 г. – Дело № 1–153.
29. Архив суда Московского района г. Бреста за 2012 г. – Дело № 1–444.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сформулировать теоретические выводы, а также предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения органами уголовной юстиции.

Результаты научно-исследовательской работы внедрены исполнителями в учебный процесс Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина, используются кафедрой уголовно-правовых дисциплин при преподавании дисциплин специальности «Правоведение» и дисциплин специализации «Судебно-прокурорско-следственная деятельность», студентами – при написании курсовых и дипломных работ, в студенческой научно-исследовательской деятельности, магистрантами – в процессе работы над магистерскими диссертациями. Кроме того, результаты исследований внедрены в практику правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции Брестской области – судов, органов прокуратуры, Управления Следственного комитета Республики Беларусь по Брестской области, Главного управления по расследованию преступлений в сфере организованной преступности и коррупции Следственного комитета Республики Беларусь (по Брестской области), 6 управления по Брестской области Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД Республики Беларусь, адвокатуры.

Реализация законодателем выработанных предложений по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также применение органами уголовной юстиции на практике предлагаемых правил квалификации и других рекомендаций позволят восполнить недостающие элементы в системе защиты правопорядка в государстве, обеспечить законность в правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции Республики Беларусь, избежать ошибок в следственной и судебной практике и снизить обусловленные этим материальные издержки, повысить социальную и экономическую эффективность правоприменительной деятельности в сфере борьбы с преступностью, будут способствовать комплексной защите интересов личности, общества и государства от преступных посягательств.

Научное издание

Лосев Владимир Владимирович
Храмов Сергей Михайлович
Глухова Олеся Викторовна и др.

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Монография

Подписано в печать 31.07.2015. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 9,77.. Уч.-изд. л. 11,12

Тираж 100 экз. Заказ № 262.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Учреждение образования

«Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина»

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий

№ 1/55 от 14.10.2013.

Ул. Мицкевича, 28. 224016, Брест.